

Галина Краснопевцева

Качканар
2010

От автора

Большинство строк данного сборника написано в юбилейные годы: к 60-летию и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Это очерки о фронтовиках и тружениках тыла, о детях войны – о тех, кого мы по праву зовем победителями.

Завершают книгу очерки о людях, победивших тайгу и построивших на уральской земле светлый город юности и Качканарский горно-обоганительный комбинат. А также о тех, кто сумел победить свои недуги, кто живет с верой в человека, в его высокие возможности.

Я низко кланяюсь моим героям – красивым в своей простоте и величии!

**Галина КРАСНОПЕВЦЕВА,
член Союза журналистов России.**

Здравствуй, Солдат!

Мемориалу в Валериановске – 25 лет

– Ну, здравствуй, здравствуй, Солдат! Ты вернулся?.. Как долго мы тебя ждали!..

Помнишь дорогу, немощеную, грунтовую, проселочную, по которой ты, призванный Исовским райвоенкоматом, уходил на войну? Уходил и обещал вернуться. Вернуться с победой... Прошло четыре года, и пришла Победа. Спасибо тебе за мир! Ты – солдат и, конечно, знаешь, что такое наступление и что такое штаб. Я тоже расскажу тебе о наступлении.

Оно началось на уральской земле через двенадцать лет после войны, а главный штаб располагался в твоём родном Валериановске. Это было мирное наступление на тайгу – и мирные люди победили. И преобразился твой край. Похорошел посёлок Валериановск, а рядом выросли могучий горно-обогатительный комбинат и город Качканар – самый молодой и благоустроенный в Свердловской области. Он поднимался ввысь многоэтажными домами. И поднимались, тянулись, как молодые побеги к солнцу, качканарские дети – новые поколения, не знающие войны.

Город жил и трудился. Но мы никогда не забывали тебя, Солдат, а святой для тебя день 9 Мая был для нас самым главным праздником. И мы ждали встречи с тобой, чтобы поклониться за твой ратный труд и подвиг... Двадцать лет со Дня Победы, тридцать, тридцать пять... А ты не возвращался. «Жди меня – и я вернусь. Только очень жди!» Мы ждали очень. Но однажды поняли, что просто ждать – этого мало; надо достойно подготовиться к встрече. И решили: встреча состоится в день 40-летия Победы. И «этот день мы приближали, как могли». Расскажу тебе, как мы его приближали.

Все было основательно и серьёзно, на уровне Качканарского городского Совета во главе с В.Ф.Мироновым, городского комитета партии во главе с Е.С.Савловым и отдела архитектуры, которым тогда руководил И.В.Суслов. Сначала спорили о том, где будет место памятной встречи с тобой. Может, в парке «Строитель»? Или на горе Долгой? Да что спорить-то? Ведь ты уходил из Валериановска, из посёлков Покровского, Именновского и Вайнера. Нако-

нец, выбрали возвышение в Валериановске и поняли, что это «место встречи изменить нельзя». И принялись за работу, которая закипела с осени 1984 года. Сооружение мемориала стало общегородским и поистине святым делом. И, конечно, в первых рядах был трест «Качканаррудстрой». Мемориальный комплекс возводило строительное управление №7 под руководством прораба Нины Ильиничны Храбровой. Активно подключились завод ЖБИ треста «Тюменьнефтегазстрой», автобаза №5 по главе с Д.В. Татарухиным, коллективы Главного и Северного карьеров Качканарского ГОКа. Координировать работу помогали председатель Валериановского поселкового Совета К.С. Селезнева и ее заместитель, неугомонный и очень ответственный В.М. Прокошев. Меж тем инициативная группа, возглавляемая ветераном войны Н.М. Семеновым, вела большую поисковую работу, составляя списки погибших земляков. Этот поиск шел с начала 1980-х годов в тесном сотрудничестве с Качканарским и Нижнетуринским военкоматами, с жителями поселков; и, конечно, много и тщательно работали с архивными материалами. Как вспоминал Н.М. Семенов, пришлось пересмотреть почти 20 тонн архивных бумаг. Было отправлено 800 запросов по всем архивам Советского Союза – от Ленинграда, Москвы, Бреста, Минска, Кишинева до Ташкента и Владивостока. Известно, что на фронт было призвано 312 человек. А списки погибших с поиском все увеличивались. Осенью 1983 года в них значилось 80 человек, а к маю 1984-го – уже 106. Сейчас их 118. Увековечить фамилии героев-земляков помогли на Качканарском заводе по ремонту горного оборудования, где старательно отливали букровку за букровкой и писали памятную книгу на восьми каменных страницах. И вот заветное место в Валериановске обнесено металлической оградкой, изготовленной на Главном карьере. Все готово для встречи.

Но где же ты, Солдат? Оказалось, ты уже погостил в ближайшей к Качканару воинской части, а потом надолго задержался в пионерском лагере. Вероятно, по дороге домой ты услышал звуки горна и, послушный этому зову, отправился к детям. Тебе было хорошо под мирным небом, среди родной уральской природы. По утрам ты слышал пение птиц, звуки горна и барабана, видел пионерскую линейку, подъем флага. Днем глядел на счастливую детвору, которая играла в войну, называемую «Зарницей». По ночам ты охранял детский сон и с упоением слушал тишину.

А весной 1985 года приехали за тобой посланцы юного послевоенного города, и ты прибыл с ними в Валериановск. В 1941-м ты

уходил по проселочной дороге, в 1985-м тебя встретил асфальт.

Вот оно, твое почетное место. Нет, мы не приготовили для тебя высокого пьедестала, на каких обычно возвышаются памятники. Земляки хотели видеть тебя рядом, простого, понятного, родного, чтобы можно было подойти, прикоснуться к тебе, постоять в благодарном раздумье, всколыхнуть свою память. А книга памяти – тут же: видишь фамилии погибших земляков? Каждый из них и все они вместе воплотились в твоей мужественной фигуре. Здравствуй, родной! Мы рады, что ты вернулся!

Торжественная встреча состоялась 9 Мая 1985 года. Ты помнишь, как это было?.. Такого многолюдия Валериановск не видел, пожалуй, за всю свою историю. Над поселком, над головами собравшихся у мемориала плывет взволнованный голос: «Через года, через века – помните!» Вот подходят к памятнику председатель Качканарского городского совета ветеранов Н.И.Балышев и пионер Валериановской школы Олег Исаков. Медленно сползает вниз покрывало – и открывается фигура воина. Автомат, опущенный к земле, словно символизирует: войне – конец! Край плащ-палатки откинут майским ветром 1945-го, таким же, как сегодня, 40 лет спустя. Далеко окрест разносятся скорбные звуки: звучит метроном, единственно нарушающий минуту молчания. К твоим ногам, Солдат, к каменным плитам с именами погибших ложатся цветы, гирлянды, венки. Звучат хорошие слова. И вдруг ты слышишь знакомую, почти родную фамилию: выступает Валентина Федоровна Голикова, первая учительница Валериановской школы. Она говорит о семьях погибших.

– Не могу сказать о каждом, – продолжает она. – От имени учителей начальных классов вспомню тех, что учились у нас мальчиками и стали героями.

Миша Сибриков еще до войны служил в Минске. Было письмо от 17 июня 1941 года. А в газете прочитали, что он со связкой гранат подбил немецкий танк. Больше вестей не было.

Сереза Сергеев писал: «Если переплыву Днепр – напишу!» Письма не было. Видимо, могучий Днепр стал его могилой. Зиляль Шайхисламов был водителем. В первомайской открытке 1944 года поздравлял нас с такой нежностью, с надеждой на встречу. Но 16 ноября 1944 года погиб в Восточной Пруссии. Паша Лужбин был связистом. Погиб в самом начале войны. Погибли три брата Валиулиных: Мартын, Гатамхан, Малакай. Погибли братья Блиновы: Борис и Виктор, погиб Николай Дрямин. Все эти мальчики еще не успели познать девичьей любви. Но они любили свою

Родину и отдали за нее жизнь. Добрым словом хочется вспомнить наших комсомольских вожаков: Сашу Черных и Леню Исакова. У Саши выросли дочери, не узнавшие отцовской ласки.

Валентина Федоровна кланяется своим мальчикам, своим ученикам – за подвиг, за Победу. Это она кланяется тебе, Солдат!

Спасибо тебе! Твое возвращение в родные края сделало 40-летие Победы незабываемым, святым «праздником со слезами на глазах». С тех пор ты в постоянном окружении земляков – от детсадовиков до седых ветеранов. А для Валериановской школы, которая вместе с директором Н.Г.Вараксиной взяла шефство над твоим новым домом, ты стал незаменимым помощником в военно-патриотическом воспитании. Ты учил гордиться Советской страной и ее героической многонациональной Армией, разгромившей фашизм. Ты радовался, что советские дети растут достойными гражданами великой Родины. Ты гордился людьми, победившими послевоенную разруху и построившими светлые города, подобные Качканару. Ты не знал, Солдат, что когда-то нас с тобой пренебрежительно-унизительно назовут «совками». Погибая за Родину, ты не знал, что подуют ветры перемен – и принесут равнодушную формулу «Это – ваши проблемы».

А время идет. Наступил уже XXI век, и пошел в наступление уродливый российский капитализм. Но 9 Мая по-прежнему остается Великим Днем. Твоя Победа, Солдат, ежегодное общение с тобой заставляют остановиться, задуматься, многое переосмыслить, чтобы идти дальше, какие бы ни дули ветры.

И пришел 2010-й. 65 лет со Дня Победы; 25 лет с тех пор, как ты вернулся домой. Земляки жили в трепетном ожидании того дня, когда придут на торжественную встречу с тобой. Но всех опередили молодые вандалы, примчавшиеся на своих железных конях. Они торопились не для того, чтобы раньше других поклониться тебе за подвиг. Они осквернили территорию, вырвали у тебя автомат вместе с кистью руки... Да, Солдат, ушли в советское прошлое те пионеры и школьники, которые долгое время бережно ухаживали за тобой. Видишь, каких варваров способны подкидывать нам ветры перемен? Об этом ли мечтал ты, сражаясь на фронте за счастье будущих поколений? Думал ли ты, что самое страшное ранение получишь не в боях с фашистами, а на родной земле?

Перед праздником Победы земляки постарались залечить твои раны – и ты встретил 9 Мая обновленным, бронзовым. Но твое каменное сердце по-прежнему кровоточит. А в голове уже поселилось сомнение. 65 лет. Все дальше и дальше от Победного 1945-

го. Все меньше и меньше людей, которые помнят войну. А еще через четверть века? А через 50 лет? Будет ли так же свят этот день 9 Мая?.. Давай, Земляк, отбросим сомнения и поверим в искренность и истинность слов, высеченных на каменной тумбе у ног твоих: «Подвиг твой, Солдат, бессмертен!»

Мальчик с улицы Удельной

И снова юбилей – 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. В этот «праздник со слезами на глазах» мы вспоминаем и чтим всех, кто сражался с фашизмом на фронте и в тылу; радуемся за тех, кто вернулся с Победой, и низко склоняем головы перед теми, кто не дожил до 9 мая 1945 года. Все они – победители. В юбилейном 2010 году мы хотим рассказать о некоторых качканарцах из поколения победителей.

Сегодня расскажу я вам о маленьком ленинградце.

Итак, жил-был мальчик Витя. Начало получается как в сказке. Впрочем, в детстве многое походит на сказку, особенно зимой – с Новым годом и Елкой, с пушистым снегом и огнями большого города. И вот маленький мальчик вместе с большим городом встретил Новый, 1941 год. И ждал еще одного праздника: ведь в январе у него день рождения. И праздник пришел: 29 января Вите Илясову исполнилось шесть лет. Восторги именинника разделяла вся семья: бабушка, папа и мама, мамины сестры, а Витины тети Мария и Анастасия, пятнадцатилетний брат Володя, семилетняя сестра Валя, трехлетний Юра. И даже малютка Лида улыбалась Вите и этому огромному миру, в который она пришла совсем недавно, пришла, чтобы жить, удивляться и радоваться.

Жили Илясовы в районе Финляндского вокзала. Третья от вокзала остановка – станция Удельная. Такое же имя носила и Витина улица. Жили-поживали, добра наживали. Папа – рабочий. Мама, тетя Маня и тетя Настя работали медицинскими сестрами в расположенной поблизости психо-неврологической больнице имени Скворцова-Степанова. Больница была большая, целый городок с множеством корпусов под кронами деревьев. Перед Витиным домом тоже росли деревья – пять раскидистых дубов. Каждой весной они зеленели и радовали мальчика. А еще его радовала малышка Лида. Как быстро она растет! Весело агукает, бормочет что-то. Весной расцвела, к лету почувствовала силушку – вот-вот крепко встанет на ножки и побежит. И будут они с сестренкой гулять. Ведь впереди – лето; вся жизнь – впереди.

Но однажды летним днем репродуктор на стене заговорил непривычно тревожным голосом. Тревожно загудел, задвигался, заголосил их двухэтажный деревянный дом с коммунальными квартирами. В этом тревожном гуле Витя слышал лишь одно

короткое слово: война... Кончилась добрая сказка – началась страшная. На улице потемнело: тучи самолетов, словно трехглавый дракон, затмили солнце. Они появились с той стороны, где Финляндия, и летели бомбить Кронштадт: ведь там военная база, там флот.

Витину улицу Удельную тоже ждал иной удел. Мужчины собирали рюкзаки и уходили на фронт. Ушел и папа, Григорий Васильевич Илясов, не успевший еще отдохнуть после финской войны. И снова в строй! Прощаясь с семьей в июне 1941-го, он знал, что идет защищать свой дом, свою скромную улицу, свою великую страну. Не знал Григорий Васильевич, что в сентябре 1944 года оборвется его героический путь. Ушли на фронт большинство сотрудников больницы. Ушла и тетя Настя. Она вернется с Победой и снова будет работать в той же больнице. Но тогда, в 1941-м, Настя об этом не знала.

И Витя пока не знал, что предстояло пережить его родной улице в те длинные дни и ночи, в те страшные годы, которые потом назовут блокадными. Но вскоре он узнал отвратительное чувство, когда постоянно хочется есть. Узнал, что такое хлебные карточки. За хлебом в магазин ходил Володя. Как ждал Витя его возвращения! С каким нетерпением смотрел потом, как мама резала хлеб – по тонюсенькому ломтику каждому. Как нырлял мальчишка под стол: не оказалось ли там несколько хлебных крошек? А однажды Володя пришел с пустыми руками: украли у подростка карточки – и целый месяц вся семья не видела хлеба. А каким вкусным был этот черный, колючий блокадный хлеб! И как быстро исчезал он во рту. Да и что эти 125 граммов? Откусишь два раза – и нет его! Вот если залить этот ломтик горячей водой, да размешать, да еще подсолить, то и похлебать можно, и попить с удовольствием. Такое блюдо и предпочитал готовить Витя, когда остался единственным мужчиной в семье: за Володей приехал дядя с Урала и увез племянника в Нижний Тагил и устроил рабочим на оборонное предприятие. Теперь уже Витя ходил за хлебом, выстаивая в длинной очереди, которую занимали с ночи.

А жизнь продолжалась. Продолжалась война. Больница стала госпиталем. Непокойно было на Витиной улице. Часто раздавалась воздушная тревога – и люди прятались в бомбоубежище. Фашисты разбомбили элеватор и Бадаевские продовольственные склады. И все продовольствие стало сплошной мешанной, которая напоминала Вите грязный творог. Женщины ходили на эти руины и несли мешанину домой, стараясь извлечь из нее что-

нибудь съестное. Все мысли – о съестном. К тому же пришла зима, первая блокадная зима, темная, холодная, голодная. В городе хозяйничал голод. Этот свирепый хозяин, словно сказочный людоед, шагал уверенной поступью, оставляя за собой десятки, сотни, тысячи трупов. Изможденные, обессиленные люди зачастую умирали прямо на улицах. Потом их подбирали, грузили в бортовую машину, накрывали брезентом. Витя не знал, куда их увозили, но из разговоров взрослых слышал, что вырастали большие штабеля из человеческих тел. Хоронить не успевали. Благо, что зима: трупы пока не разлагаются.

Сложные чувства, страшные мысли теснились в душе и голове мальчика. Но рядом была мама, прекрасная, святая мама. Боевая и энергичная прежде, сейчас она тоже ослабла и держалась лишь силой духа, которой по-прежнему светились ее глаза. Посмотрят на тебя мамины глаза, ляжет на твое плечо ее худая, но такая теплая рука – и к тебе откуда-то возвращаются силы, и кажется даже, что ты не хочешь есть.

Мама старалась обогреть всех. Но оказалось, что одним маминым теплом сыт не будешь. И семья Илясовых угасала. Сначала умерла бабушка, которая обычно ничего не ела, все отдавала детям. А когда они стали пухнуть от голода, не позволяла солить эту хлебную тюрю. Перед смертью бабушка попросила картошечки жареной. Да только где ее возьмешь?.. Потом умерла Лида. Витя не хотел верить, что вот это маленькое холодное тельце и есть его любимая сестричка, которая еще недавно улыбалась ему. Умер младенец и у соседей. Всех троих положили в большую холодную комнату, а сами жили в маленькой. Мама на кусочек хлеба выменяла у кого-то дров. Топили печку-голландку, грелись. Брат Юра тоже совсем ослаб. Поставят его спиной к печке, поддерживают – стоит, а если отпустят – падает. Через месяц приехал папа (на переформирование), и лишь тогда попрощались с усопшими и похоронили в одной могиле на ближайшем кладбище, Шуваловском.

Год 1943-й... Конец весны, начало лета. Стали готовиться к эвакуации. Да, видно, собирались долго – и в первый эшелон Илясовы не попали. Значит, не суждено им было погибнуть: первый эшелон разбомбили. И вот они, женщины и дети, погрузились на буксир, чтобы переправиться на другой берег Ладоги. Витя видел, как плывет по реке большой пароход, на котором тоже много людей. А в небе кружат фашистские самолеты. Скроются где-то и снова летят, бомбы сбрасывают. Страшно! Буксир плывет зигзага-

ми, петляет, стараясь обмануть бомбы. И обманул. А пароход разнесло прямым попаданием – и поплыли по Ладоге узлы и тела. Чтобы дети не видели этого, кочегар буксира отгонял детей от бортов поближе к топке. Да что толку? Все равно страшно, очень страшно!

Наконец, причалили к другому берегу. Там железная дорога. А еще там склады и много-много продуктов. Какое счастье! Для многих это счастье оказалось последним: истощенные, они умерли от заворота кишок. Но строгая Витина мама не позволила жадничать, кормила по капелькам – и сберегла детям жизнь. И была в жизни маленького блокадника первая железная дорога и товарный вагон с печкой-буржуйкой и нарами в два яруса. Душный, переполненный людьми, он казался таким уютным и добрым. И так спокойно было рядом с мамой, Юрой и Валею да с бабой Маней (так дети звали старшую мамину сестру). Размеренно стучали колеса, длинный товарняк шел на восток, Витя вместе с земляками ехал в глухой тыл.

Вот, пожалуй, и все о маленьком ленинградце, который, впрочем, никогда не считал себя маленьким. Вместе с взрослыми, не жалуясь и не хныча, пережил он блокаду. Потом закалялся в эвакуации, в деревне Малая Бугульма, где подружился с землякормилицей. Баба Маня вскоре уехала обратно и после войны работала на восстановлении Ленинграда. А летом 1946-го она встречала эвакуированных в их доме на Удельной. Снова родная улица. Жизнь продолжается! Осенью дети пошли в ближайшую школу №97. Виктор закончил восемь классов, потом работал учеником токаря на оптико-механическом заводе. После службы в армии вернулся на завод... Да неужели это он, наш маленький блокадник? Крепкий, коренастый, с армейской выправкой, немногословный, уверенный в себе, с твердым характером и жаждой жизни! Не эта ли жажда жизни поманила его на север? Скорее всего, зов предков, считает Виктор: ведь предки его были северяне, из Архангельска. И вот Мурманск, Оленегорск, потом семнадцать лет на Чукотке, взрывником на золотом прииске.

А как же Урал, Качканар? Может быть, здесь Виктор Илясов оказался случайно? Нет, это – Судьба. Она взяла романтика-трудягу за руку. И он, несмотря на свой уже солидный возраст, послушно пошел за ней навстречу той единственной, предназначенной только ему. Случилось это в 1971 году. Так в жизнь Виктора Григорьевича Илясова вошли Маргарита Александровна Куликова и Качканарский ГОК, которому он отдал 23 трудовых года... Всю

жизнь самоотверженно работал, даже золото добывал, но богатства не скопил. «Да он сам у нас золотой самородок», – говорит Маргарита Александровна.

У Илясовых взрослый сын Григорий. Он, авиационный техник, живет в Екатеринбурге, работает в аэропорту Кольцово. Внуку Дане девять лет. Недавно, 29 января, Виктору Григорьевичу исполнилось 75 лет. И сейчас, перебирая в памяти все эти годы, мальчик с улицы Удельной мечтает лишь о том, чтобы Даня никогда не пережил того, что пришлось испытать деду в его возрасте. Чтобы у всех улиц, где живут наши дети, удел был счастливым.

Несущая способность его души.

Ленинградец

В вагоне было тесно и душно. У мальчишки кружилась голова – может, от духоты или от голода, а может, оттого, что за окном кружились деревья. Мальчишка закрыл глаза и сразу почувствовал, как сильно качает вагон, как громко стучат колеса, выбивая одно слово: «Ленинград, Ле-нин-град!» Этот перестук согревал душу. А поезд шел на восток, туда, где не было войны.

«Ле-нин-град, Ле-нин-град!» – стучат колеса, и мальчишка вспоминает большой и добрый город, его широкие улицы, каналы и мосты, красавицу Неву. Но светлые видения уходят – он видит зарево пожара, черный дым. Это горит зоопарк. Горят Бадаевские склады, и расплавленный сахар течет по улице рекой.

«Ле-нин-град, Ле-нин-град!» – и вновь улыбается мама, о чем-то щебечут сестренки, а отец, высокий, по-военному стройный, стоит навтыяжку перед сыном, отдавая честь и пряча улыбку. Хлопочет заботливая бабушка, и из кухни пахнет так аппетитно!.. Но вкусные запахи исчезают – и мальчишка видит большую кастрюлю, в которой они из клея варили холодец.

Бабушка была изобретательна. В эту холодную и голодную зиму, когда в городе не было ни света, ни дров, бабушка старалась всех накормить и согреть. А сама, как свечка, таяла на глазах и вскоре угасла. Несколько дней лежало ее тело в холодной квартире; потом бабушку запеленали и свезли на санках к Смоленскому кладбищу. Там принимали трупы. Трупов было много.

Потом умерла и другая бабушка. Отец, кадровый офицер, дни и ночи защищал город. Однажды он пришел домой, прилег отдохнуть – и не проснулся больше. А вскоре умерла и мама, умер дядя... Шесть человек, самых родных и близких, потерял в эту зиму ленинградский мальчишка Гена Глой. И теперь под стук колес катятся из его закрытых глаз молчаливые слезы.

«Ле-нин-град, Ле-нин-град!» – и вспоминаются недавние дни. Машины, на которых везут детей из блокадного города, идут по льду Ладожского озера. Под колесами вода. Начинается весна. Гена прижимает к себе семилетнюю сестренку. Кроме него, у Риты никого больше нет. Правда, есть еще у них старшая сестра, но она вместе со своей типографией осталась в Ленинграде.

Поезд остановился. И вновь, как на каждой станции, бегут вдоль состава санитары. «Трупы есть?.. Трупы есть?» – спрашивают в каждом вагоне. Трупы, конечно, есть. Их выносят.

– Ах, какая хорошая девочка! – говорит девушка-санитар. Это она о Рите. С длинными волосами, с большими глазами на худом лице, Рита толи нравится взрослым, то ли вызывает жалость. – Хочешь, буду твоей мамой? Пойдем со мной?...

«Да что они все, сговорились, что ли?.. И эта туда же!» – с досадой думает Гена. Что же у него останется в жизни, если заберут Риту? И вновь, как на предыдущей станции, он плачет горькими слезами. И Риту оставляют с ним. А поезд следует дальше.

Да, видно, не суждено было им остаться вместе. Гена Глой оказался в одном из детских домов Казахстана, а куда попала Рита – неизвестно... Хорошо в детдоме: чисто и сытно. Но не спокойно у мальчишки на душе. Толи горе, какое не высказать, толи тоска по Ленинграду, толи надежда найти Риту не дают ему спать. И он убегает из детского дома. Находят, возвращают или определяют в другой детдом, а он убегает снова.

Шли годы. Закончилась война. Мальчишка подрос, но все еще кочевал по стране. В 1946 году он оказался в Донбассе. В шестнадцать лет захотел быть шахтером. Но долго работать в шахте не пришлось: получил тяжелую травму, лечился. А поправился – и уехал по орнабору в Таганрог.

Вдвоем

Почему именно в Таганрог?.. Да кто его знает. Быть может, сама судьба привела его в этот город, где недавний мальчишка впервые почувствовал себя взрослым, стал рабочим человеком, где он впервые за многие годы начал забывать об одиночестве, потому что встретил ее, свою Валентину.

Так же, как и он, Валя родилась и росла в большом и добром городе. И был этот город Москва. Жила в большой и дружной семье, где было четверо детей. Так же, как и Гена Глой, как все советские дети, ходила в школу. Была озорной и смешливой девочкой. И совсем не думала, что в ее мирный город когда-нибудь придет война. Не думала, что все изменится как-то сразу, вдруг...

Еще вчера был знакомый московский двор, родимый дом, а сегодня – многолюдный вокзал, сутолока, длинный гудок паровоза, и вот уже поезд увозит ее из Москвы, увозит из детства. Отец остался на строительстве оборонительных сооружений на подсту-

пах к столице, а дети с мамой эвакуировались в Горьковскую область. Жили там недолго; при первой возможности вернулись домой.

Валя знала, что эта возможность досталась нелегкой ценой: сколько людей погибло за то, чтобы она, девчонка-москвичка, могла вернуться в город своего детства!

А детство-то кончилось. Заботы и дела теперь были взрослые. Закончила школу ФЗО, работала на небольшой фабрике, где шили одежду для фронта. Отца она потеряла. Нет, он не погиб, он просто ушел из семьи: по-разному война калечит человеческие судьбы. Волнений у Вали было в ту пору немало. Выручали ее веселый нрав и какое-то недетское упорство, стремление быть самостоятельной. Вероятно, это стремление и увело Валентину далеко от Москвы – сначала в Астрахань, потом в Таганрог.

Была весна 1950 года. Расцветала природа, оживала земля, уставшая от войны, преображенная трудом людей. И в душе Валентины тоже пела весна. Ей, девушке задорной, боевой, повстречался простой рабочий парень, скромный и молчаливый.

– Увидела Геннадия – и пожалела его, – улыбаясь, вспомнила Валентина Ивановна. – С тех пор и живем вместе, скоро уж тридцать лет. Тридцать лет... Вот до чего жалость довела!...

Из песни, говорят, слова не выкинешь – за эти годы всякое случалось, но до сих пор живет в их сердцах та таганрогская весна.

Дети военного времени, они были непритязательны, умели довольствоваться малым, зато много, самозабвенно работали – сначала на арматурном заводе в Таганроге, потом в колхозе на кубанской земле. Вдвоем они добились того, чего не смог сделать в одиночку детдомовский мальчишка: они нашли Риту.

Было это в 1953 году. Геннадий и Валентина встречали ее на станции Усть-Лаба. Очень волновались: узнает ли брат сестру через двенадцать лет? Семилетняя девочка с косичками, с большими глазами на худом лице... Нет, ни за что не узнал бы он ее в девятнадцатилетней красавице, которая подошла к ним сама, когда перрон опустел. Рита тоже не узнала брата, подсказало сердце, родная кровь... Как они были счастливы!...

Рита и поныне живет на Кубани. А Геннадий Германович и Валентина Ивановна теперь уже навсегда качканарцы.

В Качканаре

Он появился здесь в то время, когда полным ходом шло строит-

ельство горно-обогатительного комбината, когда многотиражная газета «На стройке Качканара» писала: «Корпус крупного дробления является сейчас тем главным звеном в цепи строительства, которое решает судьбу своевременного пуска в строй всего комбината». Здесь, на корпусе крупного дробления, работал и он со своей бригадой. На стройке Г. Г. Глой не новичок: за плечами были Кушва и Нижний Тагил. Но то, что увидел он в Качканаре, буквально поразило его: и масштабы строительства, и трудовой энтузиазм. Поразило, но ненадолго. «Да, строить новые города нужно только так!» – думал он и не удивился, что именно в это время в нашей стране появились первые бригады коммунистического труда.

Жить и работать по-коммунистически стало законом и для бригады Глоя. Строили свои взаимоотношения, возводили корпуса комбината, и всюду об этом рабочем коллективе шла добрая слава. А в 1964 году за успехи, достигнутые при строительстве и освоении первой очереди Качканарского ГОКа, бригадир СУ-7 Г. Г. Глой был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Прошли годы. Многие члены бригады работают теперь на других предприятиях страны и Качканара. А Геннадий Германович верен профессии строителя. Изменился, обновился состав бригады, но в коллективе по-прежнему живы старые и добрые традиции. Активный рационализатор, Г. Г. Глой был награжден в 1963 году Бронзовой медалью ВДНХ. И сегодня так же пылливо работает творческая мысль бригадира. Только в 1970 году он подал три рационализаторских предложения, направленных на изменение, улучшение организации бетонных работ на пульпонасосной второго подъема.

Здесь, на пульпонасосной, уже второй год работает комплексная бригада, которую Геннадий Германович возглавляет сравнительно недавно. Многолетний опыт арматурщика и монтажника служит бригадиру добрую службу. Небольшой коллектив в два десятка человек делает буквально все: изготавливает арматуру, монтирует каркасы, ставит опалубку, бетонирует конструкции, ведет монтаж сборного железобетона и металлических конструкций, ведет и разработку грунта, если того требуют условия работ.

А условия работ на стройке (это Глой знает хорошо) не всегда идеальные. Зачастую не бывает нужной арматуры, профилированного металла. И приходится самим из товарной арматуры делать на месте сложные заготовки, которые по правилам-то должны изготавливаться в заводских условиях. Сами ведут резку, сварку,

делают все, что необходимо; ведь важно, чтобы конструкция не потеряла своей несущей способности. Выручают смекалка и огромный практический опыт бригадира, которому нередко приходится решать инженерные и снабженческие вопросы.

Да, Геннадий Германович – мастер своего дела. «Мастер – золотые руки». Это почетное звание было присвоено ему в 1972 году. Руки у Глоя поистине золотые – ловкие, умелые, умные. Словом, такие руки, какие и должны быть у настоящего рабочего.

А рабочий – самый главный человек на земле. Это Геннадий Германович понял давно, еще в годы своей юности. Он видел тогда, как простые рабочие люди поднимали из руин города и села, работали дни и ночи, не требуя ничего в награду себе; работали без громких слов, с каким-то молчаливым упорством, надеясь на руки свои трудовые, веря в свой завтрашний день. Именно тогда утвердился Геннадий Германович в мысли: если работать, то так – или уж совсем не работать. С этой мыслью живет он и сейчас.

– Главное для него – работа, – говорят о Глое в СУ-7. – Он не признает лозунгов, не любит красивых фраз – признает конкретные дела, любит людей труда. Правда, – сокрушаются в СУ-7, – идеологической работе в бригаде Геннадий Германович не придает большого значения. Не признает бригадный подряд...

Хорошо это или плохо? Видно, уж такой он человек. Признавая конкретные дела, он и воспитывать предпочитает не словом, а делом, личным примером. И бригадный подряд у него не в почете потому, наверное, что все еще остается он фразой, формой и у них, в СУ-7, и в тресте «Качканаррудстрой». Геннадий Германович знает: если слова не подкрепляются делом, то любую идею загубить можно, даже самую хорошую. Это – как и конструкция: при нарушении технологии строительства она может потерять свою несущую способность.

«Несущая способность должна быть и в каждом человеке. И формировать ее надо как можно раньше», – думает Г. Г. Глой, глядя на молодых строителей, глядя на своих детей.

Дети

Их в семье Глоев двое: Таня и Толя. Любят Качканар, вместе с которым выросли. Любят труд. Закончили учебу в школе и пошли работать. Трудовая биография Татьяны началась на заводе по ремонту горного оборудования, в коллективе сталелитейного цеха. А Анатолий несущую способность своего характера вырабаты-

вают на стройке. Рядом с отцом это получается неплохо.

Поначалу, правда, не все ладилось. Присматривался отец к сыну, помогал и однажды, придя домой, сказал жене:

– Ничего, наверное, из него не получится...

– Да чего же ты хочешь от пятнадцатилетнего? Ведь он еще ребенок. А ты, наверное, очень строг.

Да, строг и требователен был отец-наставник. И терпелив, как настоящий учитель. Учил и словом, и делом. А ученик оказался прилежным, упорным и плюс ко всему – способным. И дело сдвинулось с мертвой точки. Пришли первые удачи, потом – победы.

Нелегко, конечно, приходилось вчерашнему восьмикласснику. Но трудностей не испугался. Приобрел специальность арматурщика, сдал на третий разряд. Сейчас овладевает смежными профессиями в трудовом коллективе, рядом с отцом... А кроме того, Анатолий Глой учится в техникуме. Днем – работа, вечером – за парту. И так уже четвертый год. Встает рано, ложится поздно. И жаль парня, и в то же время отец доволен: растет настоящий мужчина. Может быть, и рано загадывать: впереди у сына армия, годы мужания, многое может измениться – но неизменной останется, верит отец, верность профессии строителя. Любовь к ней Анатолий уже сейчас доказывает своими делами. Недавно в Качканаре прошла городская отчетно-выборная комсомольская конференция. Среди ее делегатов был комсомолец-строитель, победитель социалистического соревнования Анатолий Глой.

На одном из почетных удостоверений Г. Г. Глоя написаны слова, прозвучавшие на XV съезде профсоюзов: «Передовой рабочий сегодня – это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе».

«О ком эти слова?» – думает Г. Г. Глой. Конечно, о нем, о Геннадии Германовиче. Но больше все-таки об Анатолии. Таком Анатолии, каким его хочется видеть отцу в ближайшем будущем.

1980 год

Березка

В старшей группе детсада № 12 идет музыкальное занятие.

– Сегодня, ребята, мы познакомимся с новой песней композитора Филиппенко «Березка», – говорит Валентина Алексеевна Горшунова. Под звуки фортепьяно льется ее сильный, чистый голос. Песня рассказывает о тоненькой березке, которая в печали стоит на лугу. Что же с нею приключилось? И березонька отвечает: «Люди недобрые повстречались мне, ветки зеленые обломали мне». А дальше поется о том, как «лечили березку зеленую, поливали водичкой студеною – стала березонька зеленешенька, стала кудрявая, веселешенька».

– О чем эта песня, ребята? – спрашивает Валентина Алексеевна и ведет с детьми разговор о бережном отношении к природе. А я думаю о том, что в этой короткой песне о березке – вся жизнь В.А.Горшуновой, вся ее судьба. Когда Валентине Алексеевне было столько же лет, сколько вот этим дошкольникам, она жила в городе Орле.

...Каждый день в палату заходил Март Михайлович – невысокий энергичный человек, с лысиной до самой макушки, с веселыми добрыми глазами. Он присаживался на краешек кровати:

– Ну, как мы себя чувствуем, певунья? Какую мне песню сегодня споешь?

Для каждого находил он ласковое слово, и все ребята, лечившиеся в детском санатории, любили своего врача. Но однажды он не пришел на обход: врач ушел на фронт.

Ребята знали, что началась война, но еще не видели ее в лицо. Пока война отняла у них только Марта Михайловича.

А вскоре все изменилось. Из чистых, светлых палат детей переселили в вагоны с маленькими решетчатыми окнами, с длинными широкими полками. Это называлось эвакуация. Несколько дней они жили в вагонах, стоявших в тупике, и собирались ехать. Но эвакуация сорвалась.

Однажды вечером заведующая санаторием сказала:

– Дети, завтра в Орле будут немцы. Не бойтесь, ребята. Если к нам зайдет немец, поздоровайтесь, скажите ему: «Гутен морген».

Ребята были уверены, что немцы – это звери с рогами, которых надо убить в их собственном логове. А в вагон вошел обыкновен-

ный человек на двух ногах, с автоматом в руках. Он громко сказал что-то на чужом языке, и все дети заплакали.

Потом из вагонов их перевезли на телеге обратно, в здание санатория. Около колодца с хохотом и визгом мылись, плескались немцы. Когда повозка проезжала мимо, они обливали детей водой и пристреливали тех, кто вздумал заплакать. Фашисты забавлялись. Хоть и на двух ногах, но это были звери.

– Если и вас обольют, не бойтесь, не плачьте, – предупреждали нянечки остальных.

А как тут не бояться?.. Живешь с немцами под одной крышей. В каждой палате портрет Гитлера и иконы. Заставляют говорить по-немецки, петь немецкие песни и зовут тебя не Валентиной, а Виолеттой. И есть у тебя черная учительница: в черном платье, черной шляпе с полями, с черными, гнилыми зубами. Только волосы у ней белые, седые. И так тяжело тебе от этой черной жизни!.. И вспоминаешь ты Марта Михайловича, в белом халате, с доброй улыбкой, и на душе становится светлей: скоро он вернется, скоро наши придут! Но в тот же миг слышится строгий окрик: черная учительница словно догадывается, что ты думаешь и чувствуешь по-русски.

Как тут не бояться? На город падают бомбы, небо горит со всех сторон. На застекленной террасе фашисты допрашивают партизан, а потом расстреливают их прямо на твоих глазах. А ночью ты боишься крыс, которые стали наглыми, как фашисты. Тебе очень хочется есть, и ты ждешь утра, когда дадут тебе маленький кусочек хлеба. Утром ты жадно проглатываешь этот кусочек и стараешься разбудить своего соседа: что же он так долго спит и не ест свой хлеб? И вдруг ты понимаешь, что мальчик умер, теперь его завернут и унесут куда-то, как унесли уже десятки других. Ты о чем-то недолго думаешь, но голод сильнее тебя. Ты незаметно берешь предназначенный мальчику хлеб и прячешься под одеялом. А потом долго плачешь от горя и стыда: как могла съесть одна, ведь вы всем привыкли делиться, ведь и другие тоже голодны.

Однажды молоденькая медсестра, которую все дети называли мамой, принесла на подносе хлеб и стала раздавать. Тут появился длинный, тощий немец и пошел прямо на девушку. Детям показалось, что он хочет убить ее.

– Мама-а! – пронзительно закричала Валя и, испугавшись, закуталась в одеяло, залезла под кровать. Разъяренный фашист вытащил ее оттуда и вместе с одеялом выбросил в окно. Больше девочка ничего не помнит. Она сильно разбилась. Потом немцы лечили

Виолетту, накладывали гипс, но следы этой страшной травмы остались на всю жизнь. Травмирована, изранена и душа. Незаживающими рубцами остались в ней те ужасные картины, которые прошли перед глазами ребенка.

Вот согнали их в какую-то комнату, построили друг за другом и стали вызывать по одному. Немец с пистолетом, врач, еще кое-кто. Кладут ребенка на кушетку и берут у него кровь. Выкачивают, сколько им требуется. Потом ребенок бьется в судорогах, и его пристреливают. А остальные ждут своей очереди. «Скоро вызовут меня», – с ужасом думает Валя, но вдруг вбегают запыхавшийся немец и в панике кричит:

– Русские! Там русские!..

А потом был какой-то подвал, где пахло гнилой картошкой. И старушка-няня, спрятавшая сюда детей, говорила им:

– Слышите? Это наши «катушки»!..

Откуда-то издалека несло раскатистое «ха-ха-ха-ха», будто девушки смеются.

– И правда Катюши! – сказала Валя. – Веселые!

А потом были люди, вернувшие этим детям детство.

«Уважаемый товарищ Панфилов! После долгих ожиданий и розысков, наконец-то, мы получили Ваше письмо... Валя учится уже в седьмом классе. Аккуратная девочка, старательная, послушная, хорошая общественница, секретарь школьной комсомольской организации. Очень хочет найти Вас или маму. Когда у кого-нибудь из детей находятся родители, тот сразу загорается каким-то новым огнем, а на остальных больно смотреть: завидуют счастливицу и еще сильнее тоскуют о своих родителях. Валя увлекается музыкой, хочет поступить в музыкальное училище. Уверена, что Ваши письма и Ваше внимание придадут ей сил.

Воспитатель Анкушева».

Отец приехал под Новый год. Получив телеграмму, Валя и воспитательница поехали на санях на станцию: от Верхнего Бора, где находился детдом, до Тюмени – двенадцать километров. Был темный морозный вечер. А вот и вокзал, сейчас подойдет поезд. Валя очень волнуется: десять лет она не видела отца, узнают ли они друг друга?.. Из вагона вышел высокий мужчина.

– Вот он, вон наш папа! – сказала девочка, ведь в детдоме все было «наше», все «общее».

– Не наш, а твой, – поправила воспитательница, но Валя уже бежала к отцу. Оба плакали.

В детдоме все ребята окружили гостя. Они сажались к нему на колени, обнимали, заглядывали в глаза и спрашивали:

– А моего папу вы не видели? Не знаете: он скоро придет?

Валя была счастлива. На новогоднем концерте она выступала с особым подъемом: танцевала, играла в духовом оркестре, пела. Взволнованная, счастливая, стояла она на сцене и пела любимую песню: «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой...» Ее отец, тоже взволнованный и счастливый, не мог сдержать слез. Он думал: «Выросла, окрепла моя березка. В такую бурю не сломилась. Спасибо добрым людям, которые помогли ей выстоять!»

А в притихшем зале звучал чистой и нежный Валяин голос:

*–Детство наше золотое
Все светлее с каждым днем,
Под счастливую звезду
Мы живем в краю родном,
Мы живем в краю родном...*

1975 год

Анешкино детство, или О хате, которая с краю

Есть в европейской России чудесный уголок, где встречаются три области: Брянская, Калужская и Орловская. Там брянские и калужские леса вплотную подступают к орловской лесостепи, по которой течет веселая речка. И стоит там деревенька Низина, а в пяти километрах Льгов, излюбленное место Ивана Тургенева – писателя и охотника. Стоят деревеньки давно; во всяком случае, барщину помнят. Да и как не помнить, если четыре части, на которые поделили Низину, с давних барских времен называют по фамилиям хозяев-помещиков. Например, хата, о которой пойдет речь, находилась в «будаевщине». Давно уж нет помещика Будаева, а жители в этой части деревни даже в советские времена говорили: «Мы – будаевские».

В Низине 150 дворов. Все хаты деревянные, все крыты соломой. А на возвышении, в окружении лип – барский особняк, тоже деревянный, но на высоком фундаменте и очень большой. А рядом, в обрамлении плакучих ив – несколько прудов каскадами. После революции в особняке открылась школа-семилетка, и в этом новом предназначении дом верно служил деревенским детям вплоть до 1938 года. В 1939-м построили настоящую школу, тоже деревянную, но светлую и просторную. Радовалась детвора. Радовался и Лешка Башкиров.

Хата, в которой жил Леша, стояла на краю деревни. В остальном же была она похожа на другие хаты: не ведала богатства, не видала электричества. Леша был старшим из трех сыновей Башкировых. В новую школу он пошел в третий класс. Любопытный и любопытный, мальчишка успешно постигал все науки, хотя круглым отличником не был.

Весной 1941 года Леша закончил четвертый класс и за хорошую учебу был вместе с Колей Мартыновым награжден путевкой в пионерский лагерь. И вот в июне посадили мальчишек на телегу, и колхозник дед Никанор повез их в поселок Лесной, что в десяти километрах от Низины. Всю дорогу дед балагурил, размышлял о жизни.

– Вы, ребята, счастливые! У нас в детстве такого не было. А

сейчас все – для вас. Счастливые вы!..

Под дедовы восклицания да под скрип колес Алеше вспомнились слова, которые они с ребятами не раз торжественно повторяли: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!»

И вот мальчишки в пионерском лагере – словно в другом мире. Они увидели электрический свет, который давала динамо-машина поселку и лесопильному заводу. Кормили три раза в день – и как кормили! Лешка впервые в жизни ел манную кашу, пил настоящий чай, да еще и с сахаром. А спали – ну прямо как барчуки! Не то, что дома, – на полу да на соломе... Радио, горн, барабан, пионерская линейка, веселый гармонист дядя Сережа Костромичев, интересные занятия, экскурсии, а в свободное время – с удочкой на речку! Просто сказка! Прав дед Никанор, подумал Алешка. И напрасно взрослые иной раз скептически ухмылялись, когда дети хором благодарили товарища Сталина. Алеша был счастлив!.. Ах, если бы не этот день...

*Днем с восторгом мы в воде плескались –
Над рекой звенели голоса,
Молодо и дружно отзывались
Эхом нам окрестные леса.
В час, когда вечернею звездою
Небосвод неярко заблестал,
Будто растревоженный бедою,
Соловей неистово свистал.
А наутро как бы виновато,
Без мурашек всяких по спине,
Словно удивленный, наш вожатый
Известил негромко о войне.*

Было утро 22 июня. Пионервожатая Тамара Попова на линейке успокаивала ребят. Не надо падать духом, надо помогать фронту хорошим поведением и отличной учебой. Красная Армия сильна, и фашистов она победит... Паники в лагере не было – лишь какая-то тревожная суета. Гармонист дядя Сережа сразу же, на второй день войны, ушел на фронт. А на третий день в лагерь стали приезжать родители. Приехал и папа Иван Степанович Башкиров – и Алеша с Колей вернулись домой. Счастливое пионерское лето оказалось укороченным, урезанным. Война урезала детство целого поколения.

Военные раскаты слышались все ближе и ближе. Колхозный скот, чтобы он не достался врагу, угнали дальше, в Козельск Калужской области. И продолжали работать. А дел на земле всегда много. Июль, август. В сентябре дети пошли в школу. Алеша Баш-

киров – в пятый класс. Учились и следили за событиями на фронте. Радио в Низине не было, сообщения поступали в сельсовет по телефону. И в школе на большой карте с грустью и тревогой отмечали, как отступает наша армия, сдавая врагу город за городом, село за селом. Вот уж и Брянск под немцем, а это всего в 80 километрах. И канонада все громче, и зарево все ярче... В конце сентября по лесной дороге пошли отступающие. Вот один отряд. Идут организованно, отдыхают на привале тоже организованно. В добротной одежде, словно и в бою не бывали. Что это за люди? И почему они идут на восток, почему отступают? Может, у отряда особое задание? Этого ребята не могли знать. Но малышня просила у солдат патроны, а подростки – гранату. Зачем? Да рыбу глушить...

– Нет, ребятки, вы пока малы, а нам еще с врагом биться.

Но некоторым все же удавалось выменять боеприпасы на табак или хлеб.

Потом стали появляться другие отступающие, группами по два-три человека. Сразу понятно: из ада! Изможденные, усталые, в прокопченных шинелях, без оружия. В деревне старались их обогреть и накормить, предлагали отдохнуть. От предлагаемой одежды солдаты отказывались: держали военную форму. И, немного передохнув, отправлялись по большаку в сторону Калуги.

Вдруг мертвая тишина: ни канонады, ни зловещего зарева. В Низине насторожились, ожидая бури после затишья, и все посматривали на запад, на дорогу, по которой провожали на войну земляков. До железнодорожной станции – 25 километров. В той стороне еще недавно громыхало. Должно быть, оттуда и появятся немцы. А они пришли с восточной стороны – и хата Башкировых, стоящая с краю, оказалась на передовой. И хата, и колодец, что в полусотне метров от жилья, и березки, посаженные отцом, первыми в Низине увидели немцев. И Алешка. Вышел он из дома – и видит: у колодца лошади и немцы, девять человек (это была вражеская конная разведка). Что-то лопочут, смеются. Мальчик не испугался. Но то, что случилось через несколько минут, повергло его в полное смятение. Идет наш солдат, за ним еще двое. А навстречу немцы с автоматами. И наш солдат, в пилотке, в шинели без ремня, поднимает руки – сдается в плен. Как же так? При виде отступающих Алешка с горечью думал: «Почему? Ведь Красная Армия всех сильнее!» «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»... Многое подростку непонятно. И сейчас ему страшно за солдата и жалко его. И в то же время очень обидно: ведь наши не должны сдаваться в плен!..

Но вскоре плененной оказалась вся Низина. С того же восточного края, где стояла Алешкина хата, пошли фашистские машины, загрохотали танки. Завоеватели собрали народ, объявили, что власть переменялась.

– Теперь вы будете жить в свободном мире, мы избавим вас от коммунистов. Отныне вы подчиняетесь военной комендатуре. Не оказывать сопротивления. У кого есть оружие – сдать. За неподчинение – расстрел.

И барский дом опять поменял свое предназначение: в нем расположилась комендатура. Выбрали старосту. И началась «свободная жизнь». Такая, что свободно нельзя было и шагу ступить. Да, видно, и новые хозяева на чужой земле чувствовали себя непрочно, неустойчиво. Иначе зачем же рыть окопы, возводить какие-то оборонительные сооружения? Но помогать им в этом больших охотников не находилось: почти все мужчины ушли в партизаны. Вот и злобствовали оккупанты.

Закончилась осень, наступила зима. Пришел новый, 1942 год. В феврале завьюжило. Закружились, заметались и немцы. Видать, февральские ветры донесли до них отзвуки ближнего боя. А вскоре бой пришел в Низину – и крайняя Алешкина хата оказалась на огневом рубеже.

– Пришли наши, – вспоминает Алексей Иванович. – Поставили миномет. Под окошком – гора ящиков с минами. А на соседском погребке, на меже с нашим огородом, установили пулемет «Максим». Мама стала хлопотать, чтобы покормить бойцов хотя бы картошкой. Один молоденький солдат разулся, стал сушить портянки у печки, да и задремал. А потом так крепко уснул, что не слышал, как в хату забежал часовой и доложил о наступлении немцев. «Все – в ружье!» – крикнул командир в полушубке. И началось!.. Я разбудил спящего солдатика. Он вскочил, быстро обулся, достал из кармана ножичек в кошелечке, подарил его мне и со словами «Спасибо тебе!» бросился догонять своих... Отбили первую атаку. И снова бой... А мы сидим за печкой. Мама с маленькими: Мишке пять лет, Ваньке полтора года. Жутко!.. Пулеметы строчат, окошки дребезжат. Вдруг ударило как во время грозы. С потолка посыпалось. В углу, где стояли мешки с зерном, вспыхнуло пламя... Повалил дым, задыхаемся. Я бросился тушить, стал сбивать пламя одеждой. Тут прилетела немецкая мина. Ударилась в стену, потом рикошетом – в потолочную матицу. И это нас спасло, от разрыва мины мы не пострадали. Это было счастье.

Наступило временное затишье. Открывается дверь.

– Ну как вы тут? – вбежал уже знакомый солдат. – Собирайтесь скорей, пока тихо! – он помог им собрать кое-какие вещи. – Пошли! Надо вас спрятать.

А куда спрячешься? И спустили их в погреб, на котором стоял пулемет. А там глина, сыро. Не успели прислушаться к тишине – снова начался бой. Заговорил пулемет – и посыпалась на головы земля. Снаряды визжат, как кошки – недалет, перелет.

– А в нас фашист не попал: видно, хранил нас господь, – рассказывает Алексей Иванович. – К вечеру чувствуем: покатали пулемет с погреба. Отступают наши. Прижались мы к самой стенке. Немец открыл погреб, заглянул – не заметил... Немцы направились дальше, в деревню. Мы выбрались из погреба. Соседская хата уже догорает. Горит и наша новенькая школа. Горят другие дома, вспыхнули их соломенные крыши, и начали оголяться печные трубы... В воздухе пахнет гарью. Стоит лошадь без седла, ранена в шею, кровь капает. В канаве убитые солдаты, уже припорошенные снегом. Вот и командир с пробитым животом. Наша корова бродит по снегу. Двери в хате открыты... Что делать? Мама в слезах...

А что делать, если бои местного значения не принесли облегчения? Надо жить дальше при новых хозяевах, которые принесли в Низину «свободу».

И вот «свободный человек» Лешка Башкиров каждое утро, в любую погоду несет бутылку молока в комендатуру: по литру от каждой коровы – таков был ежедневный «оброк» для его земляков. В один из морозных дней знакомой дорогой пришел парнишка в барский дом. Поставил на стол бутылку и стал открывать. А пробка тряпичная примерзла к горлышку, а в руках от мороза тысячи иголок, а пальцы не слушаются – и с трудом откупоренная бутылка выскользнула, словно щука, и прямо в кадушку с помоями, которая стояла под столом. Выловил ее растерявшийся парнишка и снова поставил на стол.

– Не огорчайся, – успокаивает его приемщица, добрая русская женщина. – Молоко твое уже испорчено. Возвращайся и неси другое.

А где взять другое, если голодная корова дает меньше козы? Если даже маленький Ванюшка не видит молока. И как сказать маме?.. С горькими мыслями летел он домой, не чувствуя ни мороза, ни ног своих. Дома подождал, пока молоко отстоится, и понес обратно: ведь там ждут! Добрая женщина молча приняла, унесла бутылку куда-то и пустую вернула Алешке... Весь день мальчишка

страдал. Его бросало в жар, его мучила совесть. Ночью он не мог спать. Но маме не признался, чтобы не огорчать, не видеть ее слез.

На другое утро милая приемщица не улыбалась:

– Ну что, паренек? А вчера ведь ты сфальшивил! Хорошо, что шефа не было. – Лешка догадывался, что шеф – это какой-то грозный начальник. – Пожалела я вас с мамой. А то знаешь, как бы тебя наказали? – И прочитала нотацію:

*Ты мал еще, не понимаешь,
В каком огне твоя страна,
И с кем ты в шуточки играешь,
И как безжалостна война...*

Так снова судьба в образе русской женщины отвела Алешу и его семью от наказания, быть может, очень страшного.

– Приписали бы тебе диверсию, – объяснял позднее один майор. – Расстреляли бы или повесили в назидание другим.

Сомневаться не приходилось. Подобное не раз видели в Низине за время «свободной жизни», которая продолжалась с ноября 1941-го по июль 1943 года.

Однажды Алеша с дедушкой отправились в лес, поискать сухостоя на дрова. Был декабрь 1941 года. Зашли они на мост. Построил Лешка вниз – а подо льдом алые лужи, зеленеющие брызги крови. Дед сказал, что здесь немцы расстреливали наших и с моста бросали в воду. А ведь еще совсем недавно, мирным летом, Лешка с друзьями весело плескались в этой ласковой речке. Мальчишке стало жутко... За мостом Калужский тракт. Прошли немного – и вдалеке, на опушке леса, увидели четверых повешенных на деревьях земляков. Их окоченевшие тела устрашающе раскачивал декабрьский ветер.

– Ну что, идем дальше? – спросил дед.

– Нет, я не пойду! – негромко ответил почти остолбеневший подросток.

Не раз сжималось от ужаса юное сердце.

В один из дней на мельнице в Низине молот зерно зять Беляева, старосты из соседней деревни Мыррино. Брата этого Беляева в гражданскую войну расстреляли красные. И теперь новоиспеченный староста преданно служил немцам. Много муки намолот беляевский зять, больше десяти мешков. Но всю муку забрали нагрывавшие партизаны. А зятя отпустили. И тот, конечно, расказал обо всем дома. Расправа была жестокой. Две партизанские семьи из Мыррино, от стариков до младенцев, расстреляли на

глазах односельчан прямо посреди деревни и зарыли в яме, которую перед казнью сами жертвы и выкопали.

– А их имущество отправили к нам в Низину, – рассказывает Алексей Иванович. – Берите, мол, кто желает: тут и детского много. И стали раскладывать. «Бабы, да это же наших, расстрелянных! Как носить-то будем?» – закричала женщина в слезах. И никто этой одежды не взял... Через некоторое время казненных наши перезахоронили на кладбище.

В мае 1942 года казнили конюха Ивана Амелина. За что?.. В небольшом, уже престарелом табуне деревни Зуевки подрост молодой жеребчик. И захотел его забрать один немецкий прихвостень. А Иван не отдал: конь-то ведь общий! И прихвостень донес: дескать, зуевский конюх помогает партизанам, выращивает для них лошадей. И доставили Амелина в Низину, в комендатуру – допрашивали, три дня держали в погребе. И однажды на рассвете расстреляли за околицей, в сосновом бору.

– Мы с пацанами в то же утро сбегали на место казни. Лежит Иван в телогрейке и сапогах, распластался на пригорке, – вспоминает Алексей Иванович.

*Мой милый край многострадальный,
Теперь ты весь как наш Иван.
Несет палач твой час прощальный
С крамольным словом «партизан».*

Вот так устанавливался «новый порядок». И никто в Низине не знал, что произойдет завтра на родной земле. Да и в небе тоже. Однажды были на покосе. Все тихо, спокойно. Вдруг появились самолеты. Немецкие, потом наши. И начался воздушный бой. Страшно было видеть, как содрогается небо, и ожидать, что опять будут падать подбитые наши самолеты. Такое Алешка наблюдал не раз. Но в этом бою было иначе. Загорелся и стал падать немецкий самолет. Мальчишки побежали к деревне и были оглушены страшным взрывом: самолет рухнул и взорвался. Казалось, содрогнулись все хаты, которые еще уцелели. Не пострадало и колхозное овощехранилище, что в нескольких метрах от Лешкиной хаты с краю.

И вот, укрывшись от опасности, сидят в овощехранилище земляки, почти вся «будаевщина». Разговаривают негромко. Вдруг дверь настезь – и на пороге молодой автоматчик:

– Ну как тут у вас? Фрицев нет?

– Да ты, парень, свой?

– И верно свой! – радостно закричали «будаевские». – Наш сол-

дат, наш!

– Свой я, свой! – успокаивал автоматчик. – Пришла к вам победа!

Вот так вместе с овощехранилищем Алешкина хата с краю, которая самой первой оказалась на огневом рубеже, первой и узнала, что оккупация окончилась. Был теплый июльский день 1943 года.

Фашистов погнали. Но бои еще продолжались. И небо по-прежнему посылало угрозу. Бомбили Низину, бомбили соседний Льгов, где фашистские снайперы вели также обстрел с колокольни двуглавой церкви. Люди спасались в лесу, где под командованием бывалого вояки, участника финской войны, вырыли окопы. Однажды в лесной тишине послышался отдаленный гул.

– Слышите? – сказал старый солдат. – Это бомбовозы гудят. Тяжело идут...

Самолеты шли «тройками», «девятками». Алешка принялся считать. До шестнадцати досчитал. Вдруг что-то засвистело, и всех словно жаром охватило. А отчаянный мальчишка продолжал считать, пока тетя Настя не затащила его за ногу в окоп: «Не дрыгайся!» А бомбовозы расползлись по небу и через какое-то время вспахали ближайший луг – осталась вздыбленная, в глубоких воронках земля.

Вот под такой аккомпанемент проходило Алешкино военное детство. Вместе с земляками испытал он и страх, и голод. Такой голод, что приходилось есть мясо убитых немецких лошадей. Мясо жесткое, да еще без соли – как трава. А соль давно уже кончилась. И однажды пацаны чуть не отравились, приняв за соль удобрение, рассыпанное под колхозными амбарами. Опасность была всюду, даже там, откуда ее совсем не ждешь...

Пройдет много лет – и Алексей Иванович в стихотворении **«Урезанное детство»** напишет об оккупации, когда

*Мучила обида за бессилье,
За неволю думать и творить –
Юности подстреленные крылья
Не могли высоко воспарить.
Голову кружило, ныло тело.
Но за то судьбу благодарю,
Что душа тогда не онемела
В том «раю», у смерти на краю.*

После оккупации надо было возрождаться – людям, земле, деревне. Раненому партизану доверили быть председателем колхоза. Ох, каким нелегким оказалось оно, это возрождение! И все же

через год, в сентябре 1944-го, дети пошли в школу. Опять учились в барском доме. Алеша Башкиров снова сел в пятый класс. Он успешно закончит семилетнюю школу. И будет работать в колхозе, сознавая себя главным в семье, поскольку папа вскоре после войны уехал к родственникам на Урал. А потом Алексея призовут в армию... И будет в его жизни незабываемый день 16 августа 1949 года.

Накануне он грустил: как-то невесело идти в армию одному. Да их в Низине и было-то всего двое, призывников 1929 года рождения. Но ровесника уже проводили. Алексей с тревогой думал о маме: как ей одной-то с двумя его младшими братишками? А в армию призывник Башкиров шел с желанием... В день отправки заехал за ним председатель сельского Совета Андрей Петрович, повез его на лошади в военкомат, в районное село Знаменское, что в пятнадцати километрах от Низины. Жаркий августовский день, уборочная страда в полном разгаре. Лошадь весело бежит, поднимая дорожную пыль. И вдруг Андрей Петрович поворачивает вправо, на колхозный ток, где в тот день молотили пшеницу. Приехали. Молотилка умолкла. И взорвалась недолгая тишина. Поздравления, пожелания, объятия; откуда-то появился гармонист – и запел, заплясал колхозный ток. Растроганный Алексей был благодарен односельчанам и председателю сельсовета, организовавшим такие проводы. Тепло людских сердец и августовского солнца призывник взял с собой в дорогу, чтобы как талисман пронести его через всю жизнь.

После армии в его жизни будет Урал, куда проторил дорогу отец. И как подарок судьбы – будет Клава, славная девушка из большой семьи Ивановых. Они вырастят дочь и двоих сыновей. Сейчас у Клавдии Степановны и Алексея Ивановича семь внуков и четыре правнука. Глядя на них, думая о них, дедушка Леша, как когда-то дед Никанор, может сказать: «Счастливые вы, ребята!» И пусть никогда не окажется укороченным, урезанным их счастливое детство.

Алексей Иванович, чья душа, находившаяся «у смерти на краю», не онемела, уже много лет поэтическим пером пишет биографию своего поколения, которая вылилась в два сборника: **«На крыльях любви»** и **«На грани веков»**. Одно из последних его стихотворений называется **«У памяти страны»**:

*Вторая мировая
Не канет в забвенье.
Геройски воевало
Отечество мое.*

*Да время нас не спросит,
Но делает свое
И в мир иной уносит
Участников ее.
Потом под звуки меди
Настанет скорбный час,
Когда ее последний
Солдат уйдет от нас.
И мы, как часовые
У памяти страны,
Свидетели живые
Великой той войны.*

Да, живых свидетелей остается все меньше и меньше. И дети войны, считает А. Башкиров, должны сохранить для потомков память о «великих тех годах». Чтобы из поколения в поколение были зоркие «часовые у памяти страны», чтобы всегда была жива эта светлая и святая Память.

Чувств и мыслей трепетный посев

А сейчас, дорогой мой читатель, обратимся к поэтическому творчеству Алексея Башкирова. Вот первый сборник его стихов. Называется он **«На крыльях любви»**. Эта добрая книжицаместила около шестидесяти стихотворений, серьезных и шуточных, гневных и нежных. Давайте, словно по жизни, пройдем по ее страницам вслед за автором, за его трепетными чувствами и мыслями, которые выливаются в такие же трепетные строки.

Вчитаемся в самые первые.

*Заря сиреневой рекою
С востока плещет над тайгой...
К домам, бледнея, жметя тень.
И город мой с душой открытой
Встречает гордо, деловито
Простой, неповторимый день.*

Так начинается стихотворение **«Рабочее утро»**, открывающее сборник и написанное в то романтическое время, когда качканарская земля пробуждалась к новой жизни и когда каждый день был поистине неповторимым.

*Руда выходит к новой жизни
Из плена каменистых груд.
Здесь ежесменный, каждодневный,*

*Большой, упорный, вдохновенный,
Как подвиг, свят и славен труд!*

Автор умело подбирает слова, передающие трудовой ритм рабочего поселка. Он гордится людьми-созидателями, как гордится горой, открывшей им свои клады. С нежностью и признанием обращается он к ней в стихотворении **«Качканар-гора»**.

*Отходит день с моей заботой,
Я снова встрече нашей рад;
Тебя припудрит позолотой
Под вечер солнечный закат.
И в ночь, когда при тусклом свете
Округа меркнет до поры,
Ты даже в темной силуэте
Хранишь величие горы...*

Поэт говорит о высоком предназначении горы Качканар, о ее роли на Урале, в России, а завершает так:

*И в гуще жизненных явлений,
Пока здесь будет человек,
В легендах многих поколений
Продлится твой железный век.*

Строка за строкой мы все ближе узнаем автора – великого жизнелюба и необыкновенно наблюдательного человека. Вот в стихотворении **«Зимний выходной»** он описывает морозное утро, когда «лес дождался с утром встречи» –

*И сосен бронзовые свечи
Зажглись от первого луча.*

А вот **«Речка у дома»**, у его дома в десятом микрорайоне, где

*Мосток, орнаментом повитый,
Узорным кажется литьем...
Язык течения приторможен.
Храня молчанье до весны,
Река в своем студеном ложе
Пока досматривает сны.
Закружат в солнечном апреле
Над ней прилетные скворцы,
И снова тесной колыбели
Ее проснутся бубенцы!*

Автор этих слов тонко чувствует и любит природу, любит город, в котором живет и во имя которого работает. И неслучайно первый раздел сборника он назвал **«Мой Качканар»**.

А.Башкирову хорошо знакомы качканарские ветры, которые

нередко сливаются с ветрами его памяти.

Раздел **«Ветер памяти»** открывает стихотворение **«Снегири»**.

*Где теперь, о чем щебечут
Мои птицы прошлых дней?
Их несет ко мне навстречу
Ветер памяти моей.*

Этот ветер уносит Алексея Ивановича на родную Орловщину – и рождаются стихи **«Урезанное детство»**, **«Я помню бой»**, **«Политрук»** и другие. Он вспоминает, как в 1941-м в жизнь ворвалась война, и враз опустел их пионерский лагерь. Вспоминается

*Вмиг войной урезанное детство,
Той поры мальчишеская рать.
Тяжкий труд достался нам в наследство
От отцов, ушедших воевать...*

Почти два года жить под оккупантами, видеть, как фашисты вешали и расстреливали мирных людей, – крест для мальчишки действительно страшный.

*Волною красного прибоя
Сливался фронт с закатом дня.
И вновь вставал передо мною
Боец, что спас из-под огня.
Я помню бой войны жестокой
У кромки нашего села.
Не меркнут в подвиге высоком
Солдата ратные дела.*

А завершает эту главку сборника **«Слово о матери»**.

*Ты чуть поугасла глазами:
Извели горе они,
Когда истекали слезами
В печально-военные дни.
И снег седины запорошил
Волос поредевшую прядь.
Не может лишь времени ноша
Душевную щедрость унять.
И льнут к тебе внуки погреться,
И в душу озноб не проник,
И бьется в груди твоей сердце,
Как в светлом колодце родник.*

Проникновенные слова посвящены и матери-природе, ее целебному воздействию на человека. В стихотворении **«Храм земной»** есть такие строки:

*Полянка, где бархатно-чисто,
Излечит житейский невроз,
Свет солнца струится лучисто
В таинственном свете берез.
За лиственной зыбкой завесой,
Под струнами ветра порой
Рождается музыка леса
И слышится гулкий настрой.
Отступят хандра и усталость
От этих спасительных встреч.
Да как бы нам то, что осталось,
Для внуков своих уберечь...*

Раздел **«В ладу с природой»** объединил стихи о родных просторах и временах года, о работе на земле и о чувствах, которые рождаются в общении с природой.

*Родной природы изваянья
Возникнут вмиг – и помнишь век,
Проникнут в душу и сознание,
И ты – счастливый человек.*

Большим чувством, нежным и возвышенным, чистым и неиссякаемым, пронизаны стихотворения раздела **«На крыльях любви»**, давшего название всему сборнику и посвященного любимой женщине.

Так же велика и безгранична любовь автора к России. Тем больнее видеть ему безрадостные картины.

*Царит безрадостная доля,
Заглохли сельские дела,
Тоска заброшенного поля
Пустые хаты обняла...
Какой теперь нам скажет знахарь,
Когда той ниве вновь сиять,
Когда к земле вернется пахарь
И мы увидим, как опять,
Лазурь небесную листая,
Нарушив строй, вдруг затрубит,
Коснется поля птичья стая
И нас восторгом вдохновит?*

Четко высвечивает гражданскую позицию автора раздел **«К России»**, самый большой в сборнике, где с болью и тревогой Алексей Иванович пишет о безработице и свободных ценах, о дедовщине в армии и наркомании, о пенсионерах и детях, о маль-

чиках, погибших в Чечне и Афгане, о смятении в мыслях и чувствах людей. В завершающем стихотворении этого цикла автор взывает:

*О звон, природой оглашенный!
Как эхо звездной высоты,
В потемках душ опустошенных
Пролейся светом доброты,
Уйми неистово горячих,
Над злом победно воспари,
Верни ослепшим свойство зрячих,
Непримиримых примири!..
Не оборвись от яркой силы,
Судьбы натянутая нить!
Сумей в дни смутные, Россия,
Свое величье сохранить!*

Поэт верит в Россию, в ее возрождение. Подтверждением тому **«Мгновенья светлые»** – раздел, пронизанный духом добра и веры в человека, оптимистическим взглядом в будущее.

*Время на орбите мирозданья
Неуклонно катится вперед,
Будоражит нервы и сознание,
Постоянно к подвигу зовет.
За успех особо не ручаюсь,
Но с тоской в обнимку не сажу.
С молодой надеждой я венчаюсь,
В новую дорогу ухожу.*

И читателя автор зовет идти в новую дорогу с надеждой, призывает оставить в жизни добрый след.

*Вот снега чистая страница –
Природа свежестью мудра...
Охота жить и торопиться,
Чтоб свой оставить знак добра.
И сердце бьется нам во благо.
В душе обиды не таи.
Слетают словом на бумагу
Мгновенья светлые твои.*

Поэтическим словом, озорным и острым, насмешливым и добрым, слетели на бумагу те мгновенья и явленья нашей жизни, о которых не скажешь иначе, как **«Елки-палки!»** В этом разделе, объединившем небольшие стихотворения и частушки, А. Башкиров показал себя неплохим юмористом и знатоком народного творчества.

Есть в сборнике стихотворение **«Лукоморье»** – о литературном объединении при газете «Качканарский рабочий», в котором Алексей Иванович занимается уже много лет.

*Бродит осень по уральским взгорьям,
Празднично плывет через лесок.
Не минует наше «Лукоморье»
И заглянет в гости на часок.
Да взмахнет цветастым сарафаном –
Нынче, кстати, юбилейный год –
И присядет к нам за самоваром,
Разговор душевный поведет.
Вспомним вместе прожитые сроки,
Чувств и мыслей трепетный посев,
Как рождались собственные строки
На газетной нашей полосе.
Любящие здесь стихи и прозу
Город строили и творчески росли,
К Качканару, людям и березам
Бережно любовь свою несли.
В «Лукоморье» духом не стареют,
Ветеранов скука не берет,
Юные стремительно взрослеют
И в большой готовятся полет.
Пусть и впредь летят земные птицы
Светлых дум и творческих идей,
«Лукоморья» нашего страницы
Греют пусть и радуют людей.
Пусть подарит осень вдохновенье,
Чуть прибавит радости в судьбе
И оставит нам стихотворенье
Как святую память о себе.*

В поэтическом сборнике **«На крыльях любви»** – «чувств и мыслей трепетный посев». Для того этот добрый посев даст добрые всходы в умах и сердцах читателей.

Войной израненное детство

Мы с Раисой Ивановной Ременец сидим в ее качканарской квартире и рассматриваем фотокарточки. Как тут многолюдно: родные, друзья, дети, внуки; праздники и будни, памятные события, от свадеб до похорон – словом, жизнь. Если все эти запечатленные мгновения поставить в ряд, получится длинная жизненная шеренга. И самым первым в этом строю окажется маленький черно-белый снимок. Раиса Ивановна на нем – еще подросток, Рая Федосеева. А рядом мама, Екатерина Сергеевна. Фотография сделана в 1951 году. От нее и тянутся жизненные вехи – все дальше и дальше, в наш XXI век... «А где же ранние снимки? – должно быть, спросите вы. – Ведь была же жизнь!» Да, жизнь была. Но была и война, в пожаре которой сгорели все документы, и Раина деревня, и Раино детство. Осталась лишь память, печальная и светлая, как глаза этих женщин на маленьком снимке.

Жили Федосеевы в деревне Татищево Псковской области. Пятистенный бревенчатый дом. Шестеро детей: четыре сына и две дочери. Самая младшая в семье – Рая. Отца она почти не помнит: Иван Федосеев пал жертвой сталинских репрессий в 1938 году, когда дочке не было и двух лет. Зато хорошо помнит Рая гитлеровскую оккупацию.

– Немцы заняли нашу деревню; разместились как хозяева в каждом доме. У нас забрали лошадь, зарезали корову. Спали на полу, человек пятнадцать-двадцать – негде ногой ступить. Сытые, холеные, наглые. Помню: сидим мы на русской печке, а немцы едят консервы из круглых банок. Не доедят – бросают нам, смеются. А мы, как волчата голодные, ждем, не бросят ли еще.

Голод, вражеские насмешки – это унижительно. Но не самое опасное. Гораздо страшней, когда врагом становится земляк твой, которому ты верил, как себе.

– В деревне стоял немецкий штаб, – рассказывает Раиса Ивановна. – Все штабное начальство жило у нашего соседа Дмитрия Сопота, который стал предателем и полицаем. Сколько жизней: партизан, солдат, односельчан – загубил этот доносчик!..

И поведала женщина о судьбе своего старшего брата. Осипа вместе с другими сельскими комсомольцами полицай сдал немцам, и те отправили его в районный город Остров. Там, в помещении бывшей тюрьмы, они организовали свой фашистский лагерь.

А через две недели несколько ребят сумели убежать из этого плена.

– Вернулся и брат мой. А полицейский-то через дом живет. Как убережет Осипа? Выкопали в роще яму, сверху хвороста накидали, замаскировали, как могли. И скрывался Осип в этой яме. По вечерам я приносила ему еду кой-какую. Посылала меня, потому что маленькую лучше не заподозрят. Но все-таки узнал Сопот, что ребята сбежали от немцев. И фашисты пришли в наш дом...

И на глазах детей они под дулом пистолета пытали их мать, стараясь узнать, где она прячет сына. Рае было очень страшно – за маму и за Осипа, которого немцы с вилами в руках искали даже на сеновале.

– Просидел Осип в яме с неделю – и получился у него нервный срыв, буйное умопомешательство, – рассказывает Раиса Ивановна. – Это было ужасно. Всюду ему мерещились мыши.

Фотокарточки от времени тускнеют, становятся желтыми, изображения стираются. Но увиденное и пережитое в детстве память хранит отчетливо. До сих пор перед глазами Раисы Ивановны потерявший рассудок брат, который в панике пытается скрыться толи от мышей, толи от фашистов.

А разве забудется, как казнили комсомольца Сашу? Он тоже сумел сбежать из немецкого лагеря и прятался в деревне. И однажды по заданию партизан Саша с односельчанином Ильей Ивановичем убили Сопота, зарубили топором. Что тут началось! Каждый день жителей деревни гоняли за двенадцать километров в районный город Остров и на допросах пытались узнать, кто убил полицейского. Но никто не выдал деревенских мстителей. Тогда оккупанты пригрозили, что сожгут всех живьем вместе с домами. И на очередном допросе Саша признался.

Возле Шашиного дома, недалеко от Федосеевых, была небольшая площадка с качелями. Здесь в мирное время собиралась и веселилась молодежь, которая и представить не могла, что их любимое место станет когда-нибудь эшафотом.

– Три немца пришли в наш дом, взяли толстую веревку и табуретку и понесли к качели, – вспоминает Раиса Ивановна. – Сашу привезли на пятнистом «бобике». В дом зайти не позволили. Лишь разрешили поставить на крыльцо корзину с передачей. Эту передачу для Саши привез отец и возвращался из Острова домой. Узнав, что сына повезли на виселицу, отец умер по дороге, и лошадь привезла домой его холодное тело. Саша поставил корзину и не знал, что в доме лежит его мертвый отец... И вот Сашу на глазах

у всей деревни поставили на табуретку, накинули веревку на шею, стали затягивать. Но не получилось, сорвалось. И снова поставили его на табуретку. Саша посмотрел на людей и успел сказать лишь два слова: «Помните меня». И две недели висел Саша на качели: немцы не разрешали снимать – в назидание другим. А был апрель, уже тепло... На похоронах Саши плакала вся деревня. А Илью Ивановича фашисты расстреляли.

Не тускнеют, не желтеют, не стираются в памяти такие картины. Сквозь расстояния и годы эхо войны доносит зловещие краски, запахи, звуки.

– Шнелль, шнелль! Быстреей, быстреей! – будто сейчас слышит Раиса Ивановна грубые окрики немцев, которые гонят жителей деревни Татищево к латвийской границе.

– Слякоть, дождь, все мокрые. У меня поверх валенок лапти, но ноги все равно промокли. Шли несколько дней. Люди усталые, голодные. Вооруженные охранники с собаками кричат, подгоняют. И пристреливают тех, кто упал или попытался убежать.

Потом была железная дорога, битком набитый товарный вагон. Была Рига, баня, стрижка наголо. Потом узкоколейка и паровозик, чирчавший «ку-ку!»

– Привезли нас на какой-то полустанок, выстроили вдоль дороги. Приехали на лошадах латыши и стали выбирать рабочую силу. Немцы передали им какие-то бумаги, и я поняла, что нас продали. Нашу семью выбрал латыш в больших черных очках и к вечеру привез на хутор. Поместили нас в сарай. Там ветер гуляет, холодно! Зарылись мы в сено, прижались друг к другу. Так прошла ночь. Даже кружки чаю не дали, чтобы согреться. А утром перевели в чулан с одним окошком, маленьким столиком и нарами с двух сторон.

Тут мы и жили. Спали на голых досках, кормили нас плохо. Мама работала на огороде. Братья-подростки Коля и Толя косили траву. Однажды младший порезал руку косой – хозяин отстегал его плетью, говоря, что Толик сделал это специально, чтобы не работать. И целый день не кормил Толика. Сестра Тоня пасла хозяйских коров, телят, овец. Я тоже была при деле, чтобы не зря баланду хлебать: гоняла скворцов и воробьев с вишни, а сама не могла и ягодку съесть – иначе кнут получишь. А когда заболела мама, хозяйка ей не поверили и не стали кормить и маму, и меня.

Так в изнурительной работе и постоянных унижениях жили Федосеевы до глубокой осени 1944 года. Узнав о приближении советских войск, хозяин погрузил на повозки свое добро и торопли-

во покинул хутор, трусливо сбежал.

– Началась стрельба. Бой шел на земле и в небе. Обстреливалась дорога, по которой на передовую везли боеприпасы, военную технику. Было страшно! – рассказывает Раиса Ивановна. – Снаряды рвались то тут, то там. Мы, как загнанные зайцы, метались, не зная, где укрыться. К утру бой утих. От хутора остались одни руины. И как не погибли мы – одному Богу известно. А вскоре узнали, что Псков освобожден, и решили добираться домой.

Как они добирались: пешком, на телеге, в товарном вагоне – это отдельная история, тревожная и не очень веселая. Вынесли и голод, и все превратности пути, ибо знали, что возвращаются домой. Через месяц пути были на родине. А где же дом? Где деревня Татищево?.. Вернулись они на пепелище. А с неба уже летел снежок. Где жить? Что носить? Чем питаться?..

– До войны у нас был амбар Но кто-то (немцы или русские?) опустил его под землю – и получился такой бункер. Вот там и поселились три семьи. Пол земляной. Настелили хворосту. Спали, прижавшись друг к другу. До половины зимы ели картошку, если можно так назвать то, что осталось в подполье, когда сгорел наш дом. Кожица отстала, а внутри вроде бы крахмал. Но потом и эта еда кончилась. Братья подались на заработки. Мама и Тоня пошли по миру, в уцелевшие деревни. Когда корочку хлеба принесут или картошки. Так и жили людской милостью до весны.

А весна вместе с солнцем и теплом принесла проблемы. Люди пошли на поля, собирали перезимовавшую картошку и ржаные колоски, искали первую травку. А на полях и в кустах лежали еще не убранные трупы, искалеченные тела русских и немцев. Весеннее собирательство на израненной земле было опасным. Но голод оказался сильнее. К тому же бани нет, мыла нет – грязь и завшивленность. И начались болезни. Люди умирали от дизентерии и тифа.

– А у мамы открылась язва желудка, сильное кровотечение. Увезли ее в Остров, в больницу. Кое-как врачи ее выходили. Тоня каждый день ходила к маме – не с передачей, а за передачей. С мамой лежали жены офицеров. Они подкармливали ее, а мама – нас. А я, голодная, с нетерпением ждала вечера, когда Тоня вернется (до города-то двенадцать километров). Потом маму выписали из больницы. И нам, как многодетной семье, дали телочку, чтобы мы вырастили корову и пили молоко, вкус которого я давно забыла. Но молоко будет через год. А пока живем впроголодь. А пока – весна, надо копать землю. А лопаты сгорели вместе с до-

мом. Братишки нашли где-то ржавый плуг, впряглись в него, а мы с мамой и сестрой толкали сзади. А сил нет. Мальчишки падают, мы тоже. Но клочок земли вспахали. А семян нет. И опять пошла мама по деревьям. Собирала картофельные очистки с глазами и ростками. Этим и засадили мы свой маленький огород.

И стали они ждать. Взойдут ли эти в общем-то пораненные семена или погибнут в этой покалеченной земле? Как погиб Осип, деревенский парнишка с израненной психикой. Как погиб второй сын Екатерины Сергеевны, Саша, успевший прислать домой лишь одно письмо.

Война еще не закончилась. Где-то по-прежнему идут бои и гибнут люди. Еще и здесь, на Псковщине, время от времени взрывается заминированная фашистами дорога, ведущая в село Пушкинские Горы. Но на освобожденной земле исстрадавшиеся, изможденные люди уже живут светлыми надеждами. Надежды растут и крепнут, как крепнут пробившиеся всходы на маленьком огороде Федосеевых. И уже верит Екатерина Сергеевна, что ее сыновья и дочки тоже окрепнут, научатся улыбаться и что их взрослую жизнь не омрачит война.

Взрослая жизнь Раисы оказалась связанной с человеком военнослужащим и из Псковщины пролегла через Семипалатинск и Нижний Тагил. А в 1963 году Раиса Ивановна и Александр Викторович Ременец приехали в Качканар, которому отдали более двух десятков трудовых лет. Бомбежки и пожарища, гибель и разрушения остались в прошлом. А здесь звучала музыка созидания и поднимался в тайге светлый послевоенный город. Радовалась Раиса Ивановна, и исцелялось понемногу израненное войной сердце.

Поезд шел на запад

Была весна 1944 года. Поезд отправился от станции Торжок и уверенно набирал скорость. Позади уже десятки, сотни километров. Калининская область, Новгородская, Псковская ... «Ах, какая большая наша страна!» – хотелось воскликнуть Нине. Но она с болью выдохнула: «Ох, какое большое горе!» Израненная земля, разрушенные и сожженные города и села – страшные следы недавних сражений с фашистами, которые иступленно рвались на восток, надеясь покорить Москву. «Не получилось!» – с каким-то злорадством подумала Нина. Не получилось. Теперь под натиском советских войск враги отступают, катятся на запад. К западным границам Советского Союза направляется и сформированный в Торжке шестой железнодорожный полк, в составе которого и она, Нина Темникова. Уверенно стучат колеса, длинный состав идет вперед, оставляя позади десятки, сотни, тысячи километров. Многогострадальная земля встречает новую весну и дышит свободно, хотя в воздухе еще висит запах пожарищ.

«Весна... Дома у нас сейчас тоже весна», – подумала Нина. Какое раздолье, какой простор в оренбургских степях! Какие высокие травы, какие яркие цветы! Особенно буйные – май и июнь, когда все благоухает. Проснешься утром, распахнешь окно – и тебе улыбается солнце. На Южном Урале солнце встает рано. А в июле поднимается так высоко и так сильно палит, что степь изнывает от жары и в ее яркой палитре появляется рыжий цвет. Зато какие дыни и арбузы вызревают на бахчах! Кроме бахчевых, колхоз в селе Донском выращивал хлеб и корнеплоды, разводил скот.

Успешно работала на земле и семья Темниковых. Папа – оренбургский казак, с непокорным чубом и неразлучным конем. Мама – телятница в колхозе. Четверо детей: Нина – старшая, потом близняшки Мария и Евдокия, а младший – Александр. Росли, учились, помогали родителям. Нина после школы мечтала быть учителем. А стала киномехаником. Так сложились обстоятельства, что она оказалась в Воронеже, где и поступила на курсы киномехаников. В этом городе и застала ее весть о войне. После курсов девушка вернулась домой и работала киномехаником в районе.

В 1943 году Нине Темниковой исполнилось двадцать лет, и Беляевский военкомат призвал ее в армию. Родные переживали. Конечно, Нина не первая из девушек, которые с начала войны

ушли на фронт. Но разве война – дело женское? Вот если бы Нина была врач или медсестра... Медики всегда военнообязанные. Понимали родные, что уж коли пришла война, то защищать Родину обязаны все.. И уж коли призвали Нину – значит, и она нужна на фронте. Понимали и все же тревожились. В районный центр Беляевку ее провожали мама и пятнадцатилетний брат Саша. Распрощались, и Нина вместе с другими уехала в Оренбург. А там была сформирована 61-я отдельная железнодорожная рота. Да, без железных дорог, как и без медиков, на войне тоже не обойтись. Девушек на железнодорожном транспорте работает много. И стала Нина железнодорожником. И вот вокзал в Оренбурге. На платформе многолюдно. Громкая команда – и платформа опустела; ожили, заговорили заполненные призывниками товарные вагоны. Протяжный гудок паровоза – и длинный состав тронулся. Ехали долго и не сразу узнали, что направляются на помощь блокадному Ленинграду.

Поезд остановился на станции Дно. И Нина с каким-то содроганием осознала вдруг, что родной дом, Урал сейчас далеко-далеко, а тут – война. Была ночь, но на небе вспыхивали яркие зловещие зарницы, слышались звуки канонады и гул вражеских самолетов. И за всем этим, где-то там – Ленинград. От станции Дно к блокадному городу вела узкоколейная железная дорога. Она и стала местом боевой службы для Нины и ее спутников – новоиспеченных железнодорожных кадров. Непривычные, но такие приятные названия: Сосна, Оляха – немало станций соединила протянувшаяся в лесу узкоколейка. На одной из них в звании рядового Нина Темникова была и стрелочником, и дежурным по станции. Жили в землянках, работали под обстрелами и бомбежками. В Ленинград по узкоколейке доставлялись продукты, а на обратном пути везли раненых. Чтобы не рисковать, поезда шли без сигналов и только ночью. Но без жертв все же не обходилось.

– В атаку мы не ходили, – говорит Нина Александровна, – но крови и смертей насмотрелись с избытком.

Да, в боях они не участвовали, но отчетливо сознавали, что их служба – это тоже сражение. За город на Неве, за родную страну. Теряя друзей, они достойно несли эту службу, сопряженную с постоянной опасностью и риском, в постоянном напряжении физических и душевных сил. Ведь узкоколейка для блокадников тоже была «дорогой жизни».

– Однажды здесь встретила я мужа моей двоюродной сестры. Смотрю на машиниста паровоза, а это он, Николай. А пообщаться-то было некогда...

Но эта мгновенная встреча – будто яркий луч среди зимы, заматавшей узкоколейку. словно привет из родных оренбургских степей, она согрела душу и сделала Нину сильней.

В январе 1944 года блокада Ленинграда была снята, а весной всех служивших на узкоколейке привезли в город Торжок Калининской области.

И вот сформированный здесь шестой железнодорожный полк направляется на запад. Состав уверенно набирает скорость, оставляя позади километры израненной советской земли. Тяжело видеть эти страшные раны! согревает душу лишь то, что фронт идет на запад. Железнодорожный состав – тоже. Россия, Белоруссия... А вот и приграничный Брест, мужественная крепость, удивившая в 1941-м даже врагов и оказавшаяся им не по зубам. Не по зубам Гитлеру оказался Советский Союз. И где теперь этот грозный завоеватель? Бегут его солдаты восвояси под натиском нашей армии. Вот уж и Брест, граница. А дальше Польша, Румыния, Венгрия. Здесь тоже заметны следы войны, но страшных разрушений нет. Ведь Гитлер почти беспрепятственно прошагал по Европе и торжествовал, пока не дошел до советской границы.. А теперь отступает и злится, и бомбит, и обстреливает с воздуха, вступает в бой с нашими войсками.

– Однажды (кажется, в Румынии), – вспоминает Нина Александровна, – мы с подружкой Леной отправились в лесок (дежурство по станции было не наше). Тихо, красиво. Собирали чернику, у нас в степи такие ягоды не растут. Уже возвращали обратно, когда в небе появился фашист и стал стрелять. Парни машут нам руками, сигналият, чтобы мы падали, ложились на землю. Мы упали, фашист улетел. А поднялась с земли только я, Лена была ранена. И чего стреляет? Ведь знает, что проиграл, что война идет к концу. Видать, после воздушного боя удирал от наших – и от злости давай палить с самолета. Сидел бы лучше дома – зачем воевать?

Зачем война? Этого Нина не понимала. Разве плохо, когда цветет мирная земля и колосятся поля? Для нее, сельской девчонки, это – счастье. На дорогах войны несла она в сердце картину цветущей оренбургской степи и ласкового солнца – и это согревало, придавало сил. О родном селе думала и в день Победы, который она встретила в Будапеште.

А дальше путь радостный на восток, в Казахстан. Приехали в Акмолинск, в тот самый город, которому суждено будет стать Целиноградом, а потом Астаной – столицей республики. Акмолинский железнодорожный полк обслуживал пути до станции Караганда-Угольная. Была у них своя тяговая сила, свои путейцы,

дежурные по станции, прочий персонал. Нина как оператор отвечала за весь участок. Жили в бараках, пользовались привозной кухней. Армейская служба Нины Темниковой продолжалась до ноября 1945 года.

И вот она в селе Донском, демобилизованный солдат, единственный участник Великой Отечественной войны из семьи: папа, воевавший еще в первую мировую, был уже непризывного возраста, а младшие Темниковы пока подрастали.

Самым важным в послевоенной мирной жизни стал для Нины Кувандык. Есть такой промышленный город в Оренбургской области. Там, на метизно-механическом заводе, где она работала в ОТК, Нина встретила свое личное счастье. Это был начальник питейного цеха, и звали его Борис Литингмей. Инженер-химик, умный, очень добрый, деликатный. Человек необычной судьбы. Мать его была русская, а отец – китаец, преданный своей профессии врач. Жили в Москве, там и родился Борис, там закончил первый класс. Потом семья надолго уехала в Китай. А когда папа умер, мама с Борисом вернулись в Советский Союз. Было это в 1952 году. Этот счастливый для Нины год стал началом ее семейной жизни. Тридцать лет в мире и согласии проживет она с мужем, пока не уйдет он в мир иной.

В Качанаре семья Литингмей с 1966 года. У Бориса Михайловича и Нины Александровны три дочери. Старшая Валентина и младшая Наталья – фармацевты. Средняя Ольга – горный инженер. К сожалению, она, умница и красавица, рано ушла из жизни. Сейчас Нина Александровна живет одна. Но о ней постоянной заботятся дочери и внуки.

– У меня два внука и три внучки, два правнука и одна правнучка, – с радостью и гордостью говорит она.

Нине Александровне восемьдесят седьмой год. Почти целый век прошла она вместе со своей страной. Хорошо помнит голодный 1933 год, коммуны и колхоз в селе Донском; помнит, как начинала налаживаться жизнь перед войной. Послевоенное строительство, целина, полеты в космос; и распад СССР, успехи и проблемы новой России – все прошло на ее глазах, через ее сердце. С ее участием мужал и хорошел и наш город юности. Нередко в квартире Нины Александровны раздаются телефонный звонок из Китая: там живет и учится внучка Женя, и радуют бабушку звонки из далекой страны. «Сколько разных стран на земле, больших и малых, – размышляет Нина Александровна. – Вот и жили бы в дружбе, удивляя друг друга мирными достижениями. И не воевали... И зачем людям война?..»

В пятнадцать лет он стал сыном полка

– Какой молоденький! Совсем еще мальчик! – удивлялись сестрички в медсанбате.

– А уже танкист, и уже ранен...

– Ну, слава богу, очухался!.. Две недели не приходил в себя, бедняга... Какой молоденький!..

Раненому танкисту было пятнадцать лет, и звали его Юрий Щепанковский.

Он очнулся в медсанбате, расположенном в небольшом селе на берегу реки. Он вспомнил молдавский городок Иванешты, за который они два дня с большими потерями вели бои. Вспомнил, как потом удирали немцы от наших танков. И какое страшное сражение было затем на реке Днестр. Чтобы форсировать ее, шесть раз саперы наводили понтонные мосты, но переправить танки не удавалось: немцы обстреливали переправу с противоположного, крутого берега и бомбили с воздуха. Пришлось отойти в камыши и окопаться. Потом пришла штрафная рота. И Юра впервые увидел какое-то странное оружие, оказавшееся огнеметами. Солдаты-штрафники навязали снопов из камыша и на этих снопах переправились на другой берег. Многие погибли под непрерывным вражеским огнем, а те, что уцелели, огнеметами сожгли всех немцев в их окопах. Саперы снова навели понтонную переправу – и наши танки пошли вперед. А вскоре взводу танковой разведки, в котором служил Юра, снова пришлось вступить в бой. Он помнит, что их танк подбили. И больше юный танкист уже не сознавал себя на этом свете.

Лишь через две недели открыл глаза и под тихие восклицания сокрушающихся сестричек понял, где он находится. Сильно болела обширная рана: пробитые лопатка, плечо, ключица. Но было больно еще и оттого, что его танковая часть ушла дальше, на Тирасполь, ушла без него. Был март 1944 года. Сколько же предстоит лечиться?.. Лечили его долго, почти три месяца. За это время он вспомнил не только последний бой, но не раз перебрал в памяти всю свою пока еще короткую жизнь. С каким-то щемящим чувством он мысленно возвращался домой, к маме и папе, к старшей сестре Нэле и заботливой бабушке – в город Чечельник Винницкой области.

Там Юра родился 20 июля 1928 года. Там, под южным солнцем, под веселый плеск речки Чечелки, бегущей к Южному Бугу, под шелест нежных ясеней и кленов да дубов-великанов, прошло Юрино детство. Он учился в шестом классе, когда отца, отслужившего в армии, перевели в 1940 году на один из заводов в город Ходоров Львовской области. Жилье Щепанковским дали вблизи предприятия, в одном из двухэтажных 16-квартирных домов, каких в заводском поселке было немало. На новом месте Юра, общительный и озорной парнишка, быстро обзавелся друзьями, рядом с которыми незаметно пролетали летние дни. А оставаясь один, любил смотреть в окно. Там вдалеке, на опушке леса, стоял артиллерийский полк, были видны палатки и орудия. Они манили его, и Юра часто мчался туда, метров за восемьсот от дома. И вскоре артиллеристы привыкли к любознательному мальчишке, а он уже считал их своими друзьями. Набегается днем, наиграется – ночью спит спокойно и крепко, чтобы бодрым и радостным встретить новое утро.

Но однажды он проснулся от какого-то шума и грохота. Отца дома уже не было: вызвали в военкомат. Мама в тревоге пыталась куда-то звонить, но связь не работала.

– Сбегай в военкомат, узнай: что там случилось? – попросила Юру.

Он побежал. Но на мосту его остановили часовые в синих гимнастерках и синих фуражках. Мальчик побежал обратно. А шум, сотрясающий воздух, становился все сильнее, словно старался догнать его. Вот под такой зловещий аккомпанемент начинался этот день – 22 июня 1941 года.

В доме уже командовал заводской завхоз:

– Быстро собирайтесь – и в машины! Приказано всех вывезти.

А завод уже бомбили. Когда бомбежка закончилась, машины с заводчанами двинулись на вокзал, что в полутора километрах от поселка. А на вокзале после бомбежки – ад кромешный. Убитые красноармейцы, с оторванными ногами и головами; истекающие кровью раненые. «Кто им поможет?» – с ужасом думал Юра, держась за мамину руку и ступая между недвижимыми телами. Подошли к составу. Юра видел, как в паровозе, на тендере с углем, устанавливали зенитный пулемет. Такой же пулемет был и на последнем вагоне. Все люди погрузились, и состав двинулся в сторону Львова. Тут недалеко, всего шестьдесят километров. Но немецкие десантники и украинские националисты обстреляли эшелон.

– Пулеметы с состава врезали по десанникам. Машинист дал задний ход – и километров тридцать мы проскочили бегом, – вспо-

минает Юрий Антонович. – А потом снова воздушный налет. Когда эшелон остановился и, схватив узлы, люди выбежали, то увидели, что горят семь вагонов. На тендере с углем лежат убитые зенитчики. Оставшиеся в живых – в панике. Кто-то из железнодорожников посоветовал идти перелесками до станции. И, вытянувшись колонной, мы пошли...

И был у них новый эшелон, и опять бомбежка, и снова пеший переход – шесть эшелонов сменили, пока добрались до города Канева. А там – столпотворение. Мосты через Днепр разрушены. На берегу лошади, коровы, телята, свиньи – большие колхозные стада; разбитая сельскохозяйственная техника. Безнадзорную скотину кормить некому. Павшие от голода и убитые животные уже разлагаются – вонь, смрад, дышать нечем. Люди тоже голодные, измотанные страхом и длинной дорогой, не знающие, что будет завтра и что ждет их в следующую минуту.

– Больше никуда не поедем, – решительно сказала мама. – Пока не убили, пойдем к бабушке.

Одно упоминание о бабушке уже согревало, а ясная цель придавала силы и упорства. Юра дал руку своей сестре, и они доверчиво пошагали за матерью. Дети не знали, что от Канева до Винницкой области и родного Чечельника – около тысячи километров, но они знали, что идут домой. Вслед за Щепанковскими подались и другие. Куда?.. Но не оставаться же на месте в покорном ожидании смерти. И они пошли, втайне надеясь на лучшее.

Людская колонна была большая, двигалась медленно. А на встречу – немецкие колонны: танки, грузовики, вездеходы, бронетранспортеры. Юра впервые увидел такие машины, которые больше вагона. Видимо, воодушевленные успешным наступлением, немцы людей не трогали. Ехали с музыкой и песнями, с наглым улюлюканьем и насмешками над несчастной толпой. А в небе тучи самолетов с крестами. Порой какой-нибудь крылатый шутник развлекался смертоносной очередью – и людская колонна редела.

– Иногда к нам присоединялись местные жители, в страхе убегающие от карателей, – говорит Юрий Антонович. – И предупреждали: «Обойдите ту деревню: там зверствуют фашисты».

Следов зверства они на своем пути видели немало. Местами дорога была буквально усеяна изуродованными телами гражданских и военных людей. Ужасных впечатлений все больше, сил все меньше, а дорога не кончается. А лето уже закончилось, и сентябрь миновал. Лишь к концу октября Щепанковские добрались до бабушки, в небольшой поселок, недалеко от города.

В глинобитной хатке-мазанке вместе с бабушкой жило пять человек. Изможденных путников обогрели, накормили, помогли прийти в себя. Хорошо, когда рядом родные. Но восьмерым в мазанке очень тесно. Между тем на краю поселка пустует хата, в которой не осталось ни одного живого человека. И Щепанковские перебрались туда. Истопили печь, обогрели осиротевшее жилище. Уголь брат и сестра возили на тележке с разрушенной станции. Много запасли, на две зимы хватит. За хаткой – поле, потом овраг, а за оврагом кустарник – далеко-далеко, до самого леса, километров во-семь. Такой простор! Он так и манит непоседу Юру. Греет печка, греет родная земля.

Но радости мало: на твоей земле хозяйничают фашисты. Злобствуют, грабят население, насилуют девушек. А в райцентре, говорят, образовали какое-то еврейское гетто. Разве усидишь на месте, если у тебя пытливый ум, активная натура и уже окрепшие ноги? И отправился Юра в город. Зачем? Да просто узнать, посмотреть. И что увидел? Вышки, колючую проволоку, часовых, которые не подпускают никого ближе десяти метров и начинают стрелять. Еле ноги унес. И все думал о тех, кто за колючей проволокой. Что там происходит? И удастся ли евреям убежать?..

Однажды ночью в хату Щепанковских постучали трое. На ногах какие-то тряпки да веревки, одежда – лохмотья. Сбежали? Да. Но не евреи из гетто, а красноармейцы из немецкого плена. Голодные и холодные: был уже ноябрь 1941 года. В хате тепло – отогрелись. И накормили солдат чем богаты сами. А все богатство – это вырытые из-под снега картошка, свекла да колосья с полей, которые так и остались необранными. Ночные гости задержались недолго. Юра слазил на чердак, нашел кое-что из одежды от прежних хозяев, чтоб одеть солдат. И едва забрезжил рассвет, они ушли. Позднее приходили еще десятки таких групп, и тоже ненадолго. Боялись подвести хозяев: за укрывательство беглых грозил расстрел. Опасались и местных жителей, среди которых оказались прислужники немцев.

Сложная обстановка была на оккупированной территории. Два раза в неделю по домам разносили маленькую газетенку «Новая жизнь». Восхвалялись немецкое оружие и армия, призванная установить здесь новый порядок – без большевиков и жидов. «Помогайте выявлять и уничтожать их! – призывала газета. – Красная Армия бежит. У большевиков не осталось сил, скоро мы загоним их за Урал – и вы будете свободны!»

И ведь находились такие, которые верили вражеской пропаганде. Тем более что видели: наши отступают. Видели колонны плен-

ных красноармейцев. Изможденные и виноватые, они шли медленно, опустив головы. Некоторые грызли кукурузные початки. А пацаны бежали следом. Отчаянный Юра пытался даже поговорить с пленными. Добрые охранники позволяли это и иногда давали ребятам конфеты в упаковке. А злые показывали детям «пу-пу!» и стреляли. А иные лупили шомполом. Так ударит, что не только рубашка, но и кожа насквозь, до крови. В другой раз подумаешь, прежде чем подойти.

Как-то летом 1942-го пригнали на поле пленных с лопатами. А поле-то все в ранах: воронки от бомб глубокие, метров восемь-двенадцать. И кровоточат эти раны жирным черноземом. Такая земля пропадает!

– Копайте, грузите! – командовали надзиратели.

И сотнями, тысячами платформ в то лето уехала украинская земля в «родную Германию».

К работам немцы стали привлекать и местных мужиков. Но многие ушли в лес, а их семьи фашисты расстреляли.

Однажды в лесу мужики наткнулись на землянку. Там оказались лейтенант и семеро гражданских. Это был костяк чечельницкого партизанского отряда, расположенного в 25 километрах от райцентра, в селе Бриталка. Рельеф там сложный: холмы да овраги, густой лес да заросли кустарника. Словно специально спряталась Бриталка от врагов. И словно специально природа приготвила для Юры укромную дорогу к партизанам. Сразу за поселком – река Чечелка, а дальше овраг. Шмыгнешь туда с провизией для партизан и пробираешься осторожно сквозь колючий терновник. Если тебя не встретят, оставляешь мешок в дупле – и сразу обратно: задерживаться не велено ни минуты. И так каждый месяц по две-три ходки, всю зиму 1942-1943 годов.

Как-то с востока стал слышен громкий гул, вспыхивало зарево, раздавались пулеметные очереди. Немцы затревожились. И не зря: вскоре завязался бой и появились партизаны. Это Ковпак шел со своим отрядом в Карпаты.

– Стояли они у нас больше месяца. На своих лошадях возили нам дрова. Мы грели воду, а они мылись по домам в корытах. Общественную баню и заводскую немцы разбомбили, а русских бань у нас не было. В поле ковпаковцы соорудили боевой аэродром, принимали какие-то грузы и на санях увозили куда-то, – рассказывает Юрий Антонович. – Однажды немецкие бомбардировщики перепахали аэродром, а партизаны соорудили новый в другом месте. Ковпаковцы подкрепили наш партизанский отряд, и

стал он взрывать немецкие эшелоны. Тогда фашисты прислали полк карателей. Вел колонну Мишка Сволочь (так у нас называли этого казака-предателя). Но партизаны преградили колонне путь, пролегающий между высокими холмами. И огромные спиленные дубы покатались с холмов на карателей. И началась такая мясорубка, в которой в течение часа были уничтожены полторы тысячи немцев. Когда бой закончился, собрали нас, пацанов, и попросили помочь. И мы грузили трупы на сани и возили их на лошадях под навес, где раньше стояла техника МТС. Потом мужики с нашей помощью складывали трупы в три ряда почти под самую крышу навеса. Сорок третий год был самым тревожным...

Однажды на улице послышался какой-то шум. Юра выскочил из дома. Боже мой! Оказывается, немцы научились ходить пешком! Без танков и самоходок, без песен и наглых улыбок, жалкие и грязные, иные без головных уборов, перебинтованные – протягивают руки, просят хлеба, а многие говорят: «Гитлер – капут!» Эту фразу в тот августовский день Юра услышал впервые. А колонна была длиннющая, больше четырех часов длился этот «триумфальный марш». Такие отрадные картины повторялись и осенью, и зимой. А с востока громыхало все громче: фронт приближался. Как-то вечером один за другим прогремели четыре взрыва: это отступающие «победители» взорвали мосты через реку.

Был февраль 1944 года, когда на рассвете кто-то тихонько постучал Щепанковским в оконные ставни. Юра хотел зажечь лампу, но мама не разрешила. Сын вышел из хаты. Перед ним стояли люди в маскхалатах. Один сразу поднял капюшон, и Юра увидел красную звездочку на шапке и услышал русскую речь, не с хорватским или мадьярским акцентом, а чистую русскую речь – и к сердцу подростка подкатила теплая волна. Зашли в хату. Остальным лейтенант приказал замаскироваться и не двигаться. Это был командир взвода танковой разведки.

– Мне нужен брод. Покажи, – сказал он, раскрывая перед Юрой карту.

А брода тут нет: речки из-за плотин глубокие. До брода километров пять. Но в двух километрах есть крестьянских переезд, не обозначенный на этой карте.

– Показать можешь? – спросил лейтенант.

Юра накинул телогрейку и вместе с лейтенантом вышел из хаты. Мать тяжело вздохнула. Она еще не знала, что теперь долго не увидит сына, но уже чувствовала, что ей он больше не принадлежит: сын ушел в солдаты.

Прошли с лейтенантом немного, и Юра увидел три танка. Сели, поехали. Миновали разрушенный сахарный завод – и к броду. Но там оказались камыши, болото. Поехали в соседнее село, там есть каменистый брод. Танки поставили за домами, и несколько разведчиков пошли обследовать брод.

– Ходили мы около часу. Вдруг раздался орудийный выстрел. Он попал в хату и в танк – экипаж погиб. Другие два танка поехали. Но их преследовали немецкие «пантеры», – рассказывает Юрий Антонович.

– Выводи нас к лесу! – приказал лейтенант.

А до леса – поле, открытое пространство. Ползли под обстрелом. Было жутко; прижмешься к земле и ждешь: вот-вот в тебя попадет. Одного разведчика ранило. «Лежать!» – приказал командир. После небольшой передышки скатились в виляющий овражек и по нему, отстреливаясь, ползли еще с полкилометра. А потом до леса бегом. На опушке упали, отдышались. Их было семеро.

– И повел я их в село Белый Камень, что в семи километрах. Там, как оказалось, были наши войска. Пришли в село ночью. Зашли в хату. Наш лейтенант пошел докладывать командованию. Потом проглотили холодную еду, мои разведчики выпили по кружке самогона – и спать. А утром лейтенант сказал, что пойдём брать две станции.

И вместе с танковым батальоном Юра Щепанковский отправился в бой. Ему дали автомат и два запасных диска. В тот момент он почувствовал солдатскую гордость в душе и мужскую силу в руках, державших оружие. Станцию Дохна они взяли быстро, а на узловой станции Рудница перестрелка длилась часа три, пока немцы не побежали.

– И пошли мы дальше, на станцию Кодыма, это уже в Бессарабии. Шли с перестрелками километров сорок. Переночевали у насыпи. А утром начался штурм, и мы с ходу взяли эту станцию. Оказали помощь раненым, а убитых (их было двенадцать) похоронили... И был привал. А есть нечего. И пошли красноармейцы по хатам. Печеная картошка, мамалыга да вода – вот и вся еда. А вскоре из штаба батальона пришел лейтенант с новым приказом. И мы двинулись в сторону Днестра, на Тирасполь...

И были бои за молдавский городок Иванешты, форсирование Днестра и то роковое сражение, в котором наш юный герой был ранен. И вот теперь он проходит длительное лечение, а милосердные сестрички даже не знают, что их молоденький пациент – партизан, разведчик, танкист и сын полка. А он, ударившись от

безделья в воспоминания, мечтает о том, как снова стать в строй. Но его посадили на «студебекер» и увезли домой, в Чечельник.

Дома через несколько дней открылись раны, вокруг оставшихся осколков пошли свищи. И в тяжелом состоянии Юру увезли в больницу. И снова лечился несколько месяцев. А поправился – и пошел сын полка искать свою часть. И ведь нашел!

– Но мой лейтенант был уже убит, и никого из старых во взводе не осталось, – говорит ветеран. – Доложили комбату – и приволокли меня к командиру танковой бригады подполковнику Супрунову.

Побаивался. А подполковник торжественно вручил Юре медаль «За боевые заслуги» и так же торжественно приказал отправить его домой. И проводили его с машинами, идущими в тыл.

– Не дай бог, чтоб ты опять вернулся! – пригрозил на прощание Супрунов.

Но Юрий Щепанковский все же вернулся в армию. Дома он закончил восемь классов и поступил в Винницкое общевоинское военное училище, которое вскоре перевели в Черновцы. Потом отобранную группу выпускников отправили на специализацию в город Выборг. Там они прошли морскую подготовку и в звании лейтенантов были отправлены в город Пиллау (ныне Балтийск). И для Юрия Антоновича началась морская служба, которая продолжалась до декабря 1956 года.

После демобилизации он в Ростове-на-Дону. Приобрел рабочие специальности. Как слесарь-сборщик и клепальщик собирал вертолеты, ТУ-104, штурмовики и был 1567-м в очереди на получение квартиры. Перспектива очень призрачная. Новые горизонты открылись для Щепанковского на уральской земле, где в те годы рождался Качканар. Здесь бывший сын полка продолжил свою биографию, мирную, трудовую и тоже героическую.

Девочка из прифронтового села

Какая большая эта лопата! Какая тяжелая земля! Какой глубокий окоп! Как трудно поднимать лопату и выкидывать землю из окопа!.. И как хочется отдохнуть!..

Клава выпрямляется и долго стоит в обнимку с лопатой. Справа и слева от нее, во всю длину окопа – женщины, женщины, женщины. Рядом две ее родные тети. Мама сегодня пойти не смогла, и вместо нее отправилась Клава – за восемь километров от дома сюда, под рязанское село Бычки, где вместе с ними, бабами рязанскими, роют окопы и бабы из соседней Тамбовской области. Работают с упорством, даже с ожесточением. Да и как тут не ожесточиться, если родимую землю, на которую ступил враг, приходится уродовать глубокими шрамами-окопами!.. Клава снова берется за лопату и глубоко вздыхает. Неужели и сюда придет фашист? И спасут ли тогда эти окопы?.. Тревожные мысли настойчиво возвращают ее в прежнюю жизнь, небогатую, но такую прекрасную – довоенную.

Их село Ново-Бокино небольшое. Река, на которую Клава любит смотреть из окна, тоже небольшая. А изба и вовсе маленькая. Русская печь – главная радость и основное убранство; деревянная сколоченная мебель, соломенные матрацы. К праздникам избу белят, в Троицу украшают цветами, молодой травой.

Лесов в их краю нет. Луга и поля, бескрайние поля, засеянные просом. Клава часто ходила с мамой на прополку проса, на уборку картофеля, которого в колхозе выращивали также немало. Деревенская девчонка привыкла к работе на земле и не тяготилась ею. И уж, конечно, знала цену хлебу. Их семья имела 25 соток земли. На половине этой площади они выращивали пшеницу. Весной вскапывали, сеяли, осенью жали серпами, молотили цепом, веяли. Потом мололи на жерновах. Правда, в селе была ветряная мельница, и те, у кого зерна много, ходили на мельницу. Другие мололи жерновами: так меньше потерь. Нелегкий это круг – жернова, но крутит его Клава – и зерно становится мукой. И ей приятно. А когда это зернышко, брошенное тобою в землю, выходит из русской печки круглой буханкой, запашистой и пышной, Клава знает: это не только большой труд, это великое чудо!

А разве не чудо, что болото, обыкновенное болото тебя греет? Правда, для этого тоже надо приложить немало труда. В их краю,

где нет лесов и нет дров, печи топили торфом. Его много, но он прячется в болоте, под крепкой толщей дерна. И вот мужики снимают дерн, а остальное под силу и подросткам. Вручают им лопату и резец – и работа началась. Вырезаются торфяные пластины-кубики, накладываются аккуратной горкой для просушки. Много надо было накопать и засушить торфа, чтобы он грел тебя всю зиму, да и круглый год. А еще на том же болоте, поросшем кустарником, надо заготовить хворост, который вместе с соломой шел на растопку. Собирали подростки хворост и на тачках (с одним колесом и двумя ручками) возили домой.

Эта тачка и резец с лопатой, словно милое видение, вспомнились Клаве, когда она снова взялась за большую лопату, чтобы опять бросать тяжелую землю из глубокого окопа. Уж лучше бы копать болото, чем этот окоп!.. Но надо! Война приближалась. «И до нас добираются!» – говорили женщины, и это звучало не как жалоба-сетование, а как призыв собраться с силами и выстоять. И в бабьем царстве делали все для этого. Полугодовалые, уставшие на рытье окопов, женщины вели домашнее и колхозное хозяйство, опираясь на стариков да подростков. Высушенное на току зерно увозили в районный центр, на элеватор. Дети собирали в поле колоски, чтоб ни единое зернышко не пропало, и сдавали в колхоз. И не приведи Господь утаить хоть один колосок! Хлеб нужен фронту!

А фронт был уже где-то рядом. По большаку Воронеж-Москва то и дело шли военные колонны; днем они проходили мимо, а вечером останавливались в селе, размещаясь на ночлег по избам. Мама варила солдатам картошку, поила их молоком, а они угощали Клаву консервированной гречневой кашей. Пшенная-то каша уж приелась, а гречневая была в диковинку и казалась такой вкусной! Девочка надолго запомнила и эту кашу, и добрые лица солдат, которые шли на войну, чтобы защитить Клаву. Все ли они вернуться обратно?..

Вести с фронтов приходили тревожные. Радио в селе не было, и все с нетерпением ждали почту. А придет газета – Клава разворачивает ее и вслух читает сообщения «От советского информбюро», а слушает весь околоток, сопровождая чтение тяжелыми вздохами, сдержанными всхлипываниями или громким плачем. Ведь даже успешное наступление наших войск и освобождение городов, о чем сообщала газета, было связано с большими человеческими потерями. Так же дружно читали и скупые весточки с фронта. Письма дяди Миши Клаве особенно нравились. Балагур и

весельчак, деревенский гармонист, он и на фронте не терял силы духа. И все его письма заканчивались одинаково: «Наше дело – правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» И ему верили. Верили и плакали. А вот от дяди Гриши писем не было: он погиб в первые дни войны. Ох, сколько похоронок было омыто горячими слезами! А уж если возвращался раненый солдат, в его избе собиралось все село. Обнимались, расспрашивали – и плакали. Клава тогда еще не знала, что за всю послевоенную жизнь ей не придется видеть столько горя и слез, сколько довелось увидеть в детстве в маленьком прифронтовом селе. Ново-Бокино так и осталось прифронтовым. Советские войска не пустили оккупантов на эту землю и с боями гнали их на запад, до самого Берлина.

Весть о Победе односельчане тоже встретили со слезами – и Клава их понимала. Понимала не столько разумом, сколько сердцем. Чутким сердцем, которое с детства училось состраданию и любви к людям. Училось и закалялось. Такое вот сердце и добрую душу пронесет эта девушка через всю свою жизнь.

После войны Клава закончила семилетнюю школу. Куда податься деревенской девчонке? Особого призвания не чувствовала. Знала только, что всякую работу надо выполнять честно, любому делу отдавать всю душу. С таким убеждением училась она на швею в районной мастерской. Именно так, старательно и добросовестно, работала санитаркой в женской консультации и очень гордилась белым халатом. Уж не пойти ли в медицину? И она успешно сдала экзамены в медицинский техникум, прошла по конкурсу. Но из их четвертой, последней, группы многих отсеяли, чтобы освободить места для бывших фронтовиков, которых принимали вне конкурса. И Клава тоже попала в отсев.

В городе Моршанске Тамбовской области (поблизости от их рязанского села) были еще строительный, текстильный, педагогический и библиотечный техникумы. Книги Клава очень любила. В коридоре их сельской школы стоял шкаф с книгами, старыми, зачитанными до дыр, – вот и вся библиотека. А о том, что существует библиотечный техникум, деревенская девчонка и понятия не имела. Удивилась, подумала – и поступила в Моршанский библиотечный техникум. Три года училась старательно и увлеченно. Оказывается, какой интересный и богатый этот книжный мир! Сколько тонкостей в библиотечном деле! Какие необъятные горизонты открываются перед тобой в книжном море! Какой неожиданной стороной поворачивается к тебе жизнь в каждой новой книге!.. И вот в 1951 году с дипломом библиотекаря вышла Клавдия из тех-

никума, обогащенная новыми знаниями о мире и людях, о своей профессии. Девять человек распределялись в Приморский край, шестнадцать – на Урал, остальные выпускники – в Тамбовскую область. Клава выбрала Урал.

В Свердловском областном отделе культуры ее направили в поселок Ис, бывший тогда районным центром. И вот этот поселок, вот Урал, о котором она знала только по книгам. Все здесь непривычно и необычно. Во-первых, лес, кругом лес. Никогда прежде Клава не видела столько деревьев. Во-вторых, горы, горы, тоже почти все покрытые лесом. Они казались и суровыми, и надежными защитниками небольшого деревянного поселка. И, наконец, люди, немногословные, но приветливые и светлые, как небо над поселком в тот теплый августовский день. Ей предстояло жить и работать здесь, породниться с этим краем. А через два года, когда она вышла замуж за рабочего механического завода Алексея Селезнева, Урал и впрямь стал родным. Исовская детская районная библиотека, где Клавдия Степановна была заведующей, стала центром притяжения не только для юных читателей. А вскоре Клавдии Селезневой предложили принять библиотеку в Валериановске, встреча с которым оказалась уж совсем необычной.

После районного семинара библиотекарей, проходившего на Ису, Клавдия Степановна отправилась в Валериановск. Двенадцать километров. Пешком. В те времена это было нормальным явлением. Шли с заведующим валериановской библиотекой Петром Николаевичем Бурдаковым и молодой работницей Ниной Пономаревой. В Валериановске Клаву встретили радушно, тепло, даже очень тепло: после дальней дороги отправили в баньку. После баньки отдых – какое блаженство!.. Только длилось оно недолго: начались роды. Валериановцы не растерялись – и заботливые руки молодого фельдшера Лилии Глазуновой приняли новоявленного первенца Валерия Селезнева. Вот так: шла принимать библиотеку, а получила сына. 13 сентября – необычный, радостный, запоминающийся день! После родов их увезли на Ис, а уже через месяц Клавдия Степановна вернулась в Валериановск – на родину сына и новое место работы. Надо было принимать библиотеку, куда поступили новые книги. Надо было работать. Хорошо, что рядом мама, которая тогда же, в 1951-м, вслед за единственной дочерью приехала на Урал.

Валериановск. Такой же деревянный поселок. Тот же лес, те же горы. И такие же люди, суровые и добрые. Дали Селезневым комнату в бараке, в той части поселка, где сейчас стоит мемориал.

Там же, в старом клубе, тоже в небольшой комнате, располагалась библиотека. Несколько книжных стеллажей, барьер, отделяющий читателей, – вот и все. Но как велика была тяга людей к книгам! В наш компьютерный век этому приходится только удивляться. В библиотеку валериановцы шли и за книгами, и за общением с Клавдией Степановной – эрудированным человеком, интересным собеседником, добрым советчиком. Книжный фонд пополнялся. И вскоре читательская тропа пролегла по другому адресу: поселковая библиотека разместилась в доме, где теперь клуб «Ветеран». И хотя там же находился медицинский пункт, но читателям и книгам было здесь намного просторней. А когда медпункт перевели в другое здание, библиотека с читальным залом стала подлинным очагом культуры поселка. Здесь проходили тематические книжные выставки, интересные встречи, читательские конференции. В библиотеке также был агитпункт. Как агитатор Клавдия Степановна бывала в домах валериановцев и не переставала поражаться, как бедно живут эти люди. Люди опорного края державы, пережившие войну и отдавшие ей многих своих земляков. Люди, умеющие забыть о себе и подставить стране свои трудовые плечи. Да, с такими людьми, сродни уральскому металлу, этот край не зря зовут опорным. Думала так К.С. Селезнева и еще не знала, что ей вместе с валериановцами предстоит сделать жизнь поселка более достойной.

В 1959 году ее избрали заместителем председателя исполкома, а в 1963-м – председателем поселкового Совета. 23 года на этом посту показали, что не зря старинный уральский поселок вручил свою судьбу этой девочке из прифронтового рязанского села, которая навсегда посвятила себя Уралу, окончательно сформировавшему и отшлифовавшему ее характер.

Правда, на первых порах молодая женщина почувствовала растерянность, даже некую робость: такими трудными и необъятными казались задачи, которые предстояло решать. И вместе с тем трудности помогли ей сосредоточиться, собраться с силами. И, конечно же, помогли поверившие в нее люди. А также Качканар, одно лишь упоминание о котором сразу же в 1957-м оживило поселок. Клавдия Степановна верила, что с такими людьми все получится. И действительно за четверть века сделано немало.

Изменился внешний вид поселка. На улицах появился асфальт. Высадили деревья и кустарники, разбили два сквера, построили стадион. Старались все, от пионеров до пенсионеров. А вдохновляющим был начальник Главного карьера А.М. Соколов – руково-

дитель депутатской группы по благоустройству. По его же инициативе была построена объездная автодорога – и в поселке стало меньше пыли и шума.

За техникой Клавдия Степановна часто обращалась к начальнику автотракторного цеха Н.Ф.Плахову. «А давайте сделаем пруд!» – предложил как-то Николай Федорович. И вот на месте ям, котлованов, оставленных драгой, уже работают бульдозеры, равняется будущее дно, отсыпается плотина – и река Гусевка рождает пруд. «А давайте зимой на пруду поставим елку!» И вот автогрейдер чистит лед – будет каток. А вот и красавица елка, и гирлянды огней! А сколько на пруду народу! А как весело детям!

Немало хлопот было с теплоснабжением, но зато сколько радости людям и какое удобство: тут тебе и холодная, и горячая вода! Когда на областных совещаниях председателей поселковых и сельских Советов слышали, что в Валериановске теплоснабжение, то удивлялись и искренне завидовали поселку, у которого такие заботливые хозяева и шефы. Клавдия Степановна говорит об этом не без гордости и с благодарностью называет М.Л.Шелепова, В.В.Гаркачева, В.Ф.Миронова и многих других. Ну куда бы она без таких руководителей, неравнодушных, чутких к нуждам людей! И если бы не участие депутатов поссовета и первого председателя Качканарского горисполкома К.П.Сухенко – разве вместо старого клуба появился бы в поселке кинотеатр «Горняк»?

А памятник погибшим землякам! Его сооружение стало общегородским и поистине святым делом. Городской отдел архитектуры, разработавший общий план; завод ЖБИ, изготовивший стелу и плиты; автобаза №5 во главе с Д.В.Тарарухиным, обеспечившая транспортом; ветераны войны Н.Семенов и Е.Галышев, кропотливо восстановившие фамилии героев-земляков; начальник Северного карьера В.И.Завгороднев и другие депутаты, а также заместитель председателя поселкового Совета В.М.Прокошев – да разве перечислишь всех участников этой трудоемкой работы, которая успешно завершилась в 1985 году, к 40-летию Победы! И стал памятник поклонным местом и прекрасным средством патриотического воспитания молодежи. Валериановские школьники заботливо ухаживали за этим святым местом. А директор школы. М.Г.Вараксина, руководитель депутатской группы по воспитательной работе, была главным вдохновителем многих ребячьих инициатив.

С чувством гордости говорит Клавдия Степановна о своих уральских земляках, а валериановцы всегда тепло отзываются о ней.

Т.Х.Никишина, бессменный секретарь поселкового Совета, четверть века проработавшая с К.С.Селезневой, называет ее Человеком с большой буквы, талантливым руководителем, умеющим наладить контакты с руководителями предприятий и организаций, с общественностью, с депутатами, с населением поселка – и всю их добрую энергию поставить на службу Валериановску. Тамара Халимовна вспоминает, как активно работали депутатские группы, опорный пункт правопорядка, народная дружина, товарищеский суд, комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, уличные и домовые комитеты, совет пенсионеров, как весело проходили праздники, какой содержательной и насыщенной была жизнь поселка. И не зря в соревновании сельских и поселковых Советов Свердловской области Валериановский поссовет всегда занимал призовые места. А в поселковый Совет люди приходили, как домой, со своими радостями и горестями, с интересными предложениями и всегда находили понимание. И недаром недавно земляки так тепло поздравили Клавдию Степановну с юбилеем: ведь ей 1 января исполнилось 75 лет.

Да, годы идут. И многое меняется. Вся жизнь К.С.Селезневой прошла при социализме, которому она служила верой и правдой и не жалеет об этом. Сейчас дуют ветры перемен, такие ветры, что порой сбивают с ног. В такие минуты Клавдия Степановна думает о своих земляках и верит, что они, как и прежде, устоят против любых ветров. И пускай эти ветры несут только хорошие перемены. Чтобы тот солдат на мемориале и герои-земляки, вернувшиеся домой фамилиями на бетонных плитах, смотрели на родной поселок и радовались, что валериановцы живут достойно. Как и подобает победителям.

2005 год

Светлая река его жизни

Василия Васильевича Туруева я застала за чтением. Сейчас, когда нет недостатка в свободном времени, он читает много. Книги в основном исторические. О русских императорах и полководцах, о государственных и политических деятелях, вершивших судьбы России в веках минувших и веке нынешнем, о русском народо-труженике, народе-воине... Читает внимательно, вдумчиво; иногда сомневается, часто соглашается с авторами, а порою готов с ними поспорить. Он ведь уже не школьник. За плечами – восемь десятилетий, а это без малого век, это целая эпоха, которая до сих пор пульсирует в каждой его жилке. В союзе с книгами Василий Васильевич пытается лучше понять жизнь, осмыслить свою эпоху. У него вообще, как считает дочь Ирина, философский склад ума.

– Папа – умный и добрейший человек, – говорит она. – По натуре он крестьянин. Душевная щедрость, работоспособность, любовь к земле, к человеку труда, чуткость и мудрость – все это оттуда, от земли, от его крестьянских корней.

Крестьянские корни

Есть в Калужской области село Понизовье. И протекает там река Болва (приток Десны) – такая прозрачная и светлая, что на глубине пяти метров отчетливо просматривается дно. Места в тех краях очень красивые. Не зря когда-то облюбовали их бояре Нарышкины, чье имение, с его изысканной архитектурой, не один век украшало Понизовье. И величественная церковь, построенная на пожертвования прихожан. Да еще устремившийся ввысь обелиск – на том месте, где по дороге с юга останавливалась императрица Екатерина и, по слухам, купалась в светлой калужской реке.

Ушли в историю века и унесли с собой бывшее величие бояр и дворян. Но многое хранит народная память. И Василий Васильевич хорошо помнит Понизовье, где родился он 1 мая 1926 года. С этим селом да с хутором Супонино (по фамилии столыпинского землеустроителя) связаны детство и юность Василия Туруева.

Да, он – человек от земли. Его крестьянские корни – прочные и глубокие. Не будем говорить обо всем генеалогическом древе. Скажем лишь, что у крестьянина Василия Исаевича Туруева (отца нашего героя) было три брата и три сестры. Да и сам он, женив-

шись, растил четверых. Семьи были дружные, работающие.

В Супонино жили пятнадцать семей. Хозяйство Туруевых было середняцкое: две коровы, три лошади, овцы, куры. Как и другие хуторяне, сеяли лен и рожь, выращивали овощи. Жили в ладу с собой и с природой, которая снабжала их грибами и ягодами, рыбой и орехами. Заросли орешника в тех краях очень богатые.

– Рвать незрелые орехи нам, пацанам, не разрешали. Сорвешь – получишь крапивой и никому не пожалуешься. Зато когда фундук созреет – ешь, сколько душа пожелает.

Взрослые хуторяне были едины в своих требованиях. Помогали друг другу, выручали во всем. Траву косили вместе и сено делили на всех, не забывая и тех, кто не смог участвовать в сенокосе.

– А случился пожар у соседа, так за месяц всем миром ему новый дом построили, – вспоминает Василий Васильевич. – Дружные были, сплоченные... Когда начался колхоз, приобрели конную молотилку, веялку, льномолотилку...

С любовью говорит Василий Васильевич о хуторянах, тепло вспоминает долгие зимние вечера при лучине да керосиновой лампе. А я думаю о том, каких светлых людей родила эпоха лучины и керосиновых ламп, какими здоровыми и животворными были крестьянские корни моего собеседника.

Зимой, когда земля отдыхала, многие уезжали на заработки в город или на лесозаготовки. Норма жизни – это постоянный труд. Такой урок вынес хуторской мальчишка из своего детства.

А в школу он ходил в село Понизовье, что в полутора километрах от Супонино. Потом хутор ликвидировали.

– До сих пор помню, как плакала мама, – говорит Василий Васильевич. – Ложилась на землю, будто хотела обнять ее, и горько плакала: «Ведь это наше поле! Ведь тут мы корчевали лес, пахали, сеяли!..» Теперь-то я осознаю всю глубину ее горя. А тогда не понимал, но тоже начинал плакать.

Жаль было расставаться с хутором, да ничего не поделаешь – переехали в Понизовье. Здесь в 1941 году Василий Туруев окончил неполную среднюю школу.

– Семь классов – и прощай, учеба: началась война!..

Военная юность

Война быстро катилась на восток. Вот она уже совсем рядом – в Ельне Смоленской области, в 60 километрах от Понизовья. Что делать?..

Весь колхозный скот, чтобы он не достался врагу, спешно отправили в Саратовскую область. Правда, председателя колхоза Василия Исаевича Туруева объявили паникером и едва не посадили за решетку. А через два дня в селе уже хозяйничали немцы, устанавливая «новый порядок».

Василий тоже узнает этот «порядок», а пока ему, 15-летнему подростку, предстоял длинный и нелегкий путь. Вместе с отцом, другими сельскими активистами он прошел пешком 200 километров – до Вязьмы. Стойко переносил все лишения и опасности (фронт дышал где-то совсем близко). Мальчик знал, что рядом отец, что они уходят от немцев, чтобы влиться в какую-либо организованную борьбу с врагом. А враг-то был уже в Вязьме. Под этим городом шли жестокие бои и, как потом сообщали, четыре наших армии немец взял в плен.

Тут пришлось расстаться. Василия-младшего, в кровь стершего ноги, оставили у какой-то крестьянки, Василий-старший с мужчинами пошли дальше. А младшему, выросшему среди добрых людей, на мирной земле и светлой речке, привелось увидеть такое, что никак не укладывалось в его голове и сердце. Людское столпотворение, беженцы, пленные, плач, крики и окрики, выстрелы и автоматные очереди... Немцы строили пленных в колонны, чтобы угнать их в концлагеря или в Германию. А таким тщедушным, как Вася, командовали: «Марш отсюда!»

И Вася начал марш длиною в те же 200 километров – обратно, домой! Что за путь это был в условиях военного времени, сколько дней и ночей тянулись нескончаемые версты, сколько страху пришлось натерпеться, то ни в сказке сказать, ни пером описать... Описывать не будем. Скажем только, что в путь отправлялся он мальчиком, а домой пришел взрослым, совсем, как в сказке. Но то была не добрая сказка и не страшный сон, а кошмарная явь, жестокая реальность, заставляющая детей рано взрослеть.

Василий и впрямь оказался в семье главным мужчиной: отца не было, а старший брат Александр – в армии. Дома мама, младшие братья Евгений и Иван да сестра Анна. Месяца через два отец, а с ним председатель сельского Совета, еще несколько мужчин тоже вернулись, чтобы создать в родных краях партизанский отряд. Но сначала весь колхозный хлеб раздали односельчанам, чтобы он не достался немцам.

А немцы злобствовали. Русская зима застала их врасплох. Фашисты раздвали и разували, расстреливали мирных жителей. Расстреляли и председателя колхоза Василия Туруева. Унижения

и голод, жестокие расправы – все вынесли наши люди.

– Но никто не перешел к фашистам, ни один не стал полицаем, – с гордостью за своих земляков говорит Василий Васильевич.

Фашисты хозяйничали на чужой земле. Но по-прежнему несла свои светлые воды речка Болва, и нельзя было остановить ее, повернуть вспять, как невозможно было убить светлые мысли наших людей, сломить их веру в то, что оккупация не вечна. И настало время, когда захватчики покатались на запад.

В 1943 году, когда ребят 1926 года рождения на военную службу еще не призывали, Василий Туруев пошел в армию добровольцем. Начинал с полковой школы в Кирове (есть такой город в Калужской области). Школа готовила средний командный состав для артиллерии. Через полгода учеба закончилась, и Василия да еще пятерых выпускников оставили в учебном дивизионе – готовить командиров артиллерийских орудий. А потом артиллерист В.Туруев храбро сражался с врагами, был ранен, освобождал Белоруссию, с боями прошел до Кенигсберга.

– Мне Лукашенко прислал медаль за освобождение Белоруссии, – сказал Василий Васильевич.

Когда мы заговорили о его боевых наградах, ветеран принес свой парадный пиджак. Орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», медаль Жукова, юбилейная медаль «60 лет освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков», много других юбилейных медалей. Гордится В.В.Туруев и трудовыми наградами, среди которых медали «Ветеран труда», «За трудовое отличие».

Начав военную службу 17-летним добровольцем, Василий Васильевич отдал армии семь лет и вернулся в родные края лишь в 1950 году.

Небо над Россией давно уже было мирным, а фронтовику все еще слышалось эхо прошедшей войны. Искореженная воронками земля, пылающие поля, разрушенные города и села, раненые, убитые и плененные соотечественники да страшная боль в душе – с таким тяжелым грузом солдат пришел домой. Но в его багаже было также страстное желание жить. Все так же несла свои чистые воды река его детства, рождая в нем светлые мысли и чувства; а земля, питающая его крестьянские корни, давала новые силы. И вчерашний фронтовик с головой окунулся в созидательный труд, чтобы вместе со всеми возрождать и обновлять родную землю: восстанавливать разрушенное, строить новые города, подобные нашему Качканару.

Мирный труд

А дорога в Качканар пролегла через Красноуральск, куда Василий Туруев приехал в 1955 году к своим родственникам.

И на многие годы связал свою судьбу с трестом «Востокметаллургмонтаж». Начинать на красноуральском монтажном участке слесарем четвертого разряда. Но разряды, как и его мастерство, быстро росли, так как этот человек постоянно учился у опытных производственников, овладевал смежными профессиями. А вечерами ходил в школу рабочей молодежи. А еще он учился в Челябинском монтажном техникуме, закончил годичную школу мастеров по монтажу промышленных предприятий. Из крестьянского парнишки получился хороший производственник и руководитель.

Он радовался, что жизнь прочно вошла в мирную колею. И шел по жизни уже не один: рядом была его Машенька. Они познакомились на танцах в вечерней школе. Родом Мария Курмеша из-под Чернобыля. Она хорошо помнит голодный 1933 год, хотя была еще совсем ребенком; помнит и нелегкую жизнь в Луге Ленинградской области, куда семья перебралась перед войной в поисках лучшей доли; помнит блокаду Ленинграда и знаменитую, опасную «дорогу жизни» по льду Ладожского озера; и переполненные, идущие на восток поезда, сопровождаемые частыми воздушными тревогами и бомбежками; помнит потерю родных и жизнь в эвакуации. Вот с таким, тоже нелегким багажом шла Мария по своей жизненной дороге, которой суждено было привести ее на Урал, а потом на вечер в школу рабочей молодежи. И встретились две судьбы – и стали одной. Уже полвека вместе. В июле – их золотой юбилей. И почти весь этот путь Туруевы прошли с Качканаром.

На качканарский участок треста «Востокметаллургмонтаж» Василий Васильевич был переведен в 1960 году, когда полным ходом шло строительство промышленной базы. С качканарскими «востоковцами» он, опытный руководитель, запускал бетоношпалку на заводе ЖБИ, строил холодильник, хлебозавод, кислородную станцию, склад ГСМ для треста «Качканаррудстрой». Успешно использовали электросварку, что позволило в 10-15 раз увеличить производительность труда. За опытом к ним приезжали из Челябинской области. Качканарские «востоковцы» впервые в Советском Союзе применили конвейерный метод монтажа оборудования. На счету у прорабского участка В. Туруева пролет мокрой магнитной сепарации на обогащении, пульпонасосная с пульповодами, насосы осветленной воды, насосы второго подъема, все

технологические трубопроводы и другие важные объекты... «Востоковцы» жили одной семьей, где каждому небезразлично, как учатся твои дети, что тебя огорчает и радует.

«Востокметаллургмонтаж» – непростая, очень интересная и светлая страница в биографии В.В.Туруева. Но давайте перевернем ее – и увидим далее еще много страниц, посвященных Качканарскому ГОКу, которому наш герой отдал три десятка лет. И все они связаны, главным образом, с мазутным хозяйством комбината. Давайте на этих страницах познакомимся хотя бы с одним эпизодом.

Случилась авария. Сильный ливень затопил топливopодачу ТЭЦ и мазутонасосную – сплошное озеро. Остановились аглофабрика, ТЭЦ, рудоремонтный завод. Что делать?.. Собрались специалисты и директор комбината Толочко.

– Сколько потребуется дней, чтобы ликвидировать аварию? спрашивает Толочко.

– Суток пятнадцать...

– Десять...

– Может быть, пять...

Директор положил руку на плечо Туруева, заглянул в глаза и так тихонько спросил:

– Сколько?

– К утру, – сказал Василий Васильевич.

Он вызвал своих людей (восемь человек), потребовалось четыре пожарных машины, поставили дополнительные насосы на понтонах; сняли электродвигатель, просушили, включили в работу, а насосы продолжали откачивать воду.

Утром пришел Толочко. Походил молча, посмотрел. Потом, глядя на перепачканного Туруева, спросил:

– А чем ты теперь отмываться будешь?

О главном не спрашивал, не надеясь, видимо, услышать положительный ответ.

– А вы посмотрите наверх. Дым-то из трубы идет...

– Так, наверно, дровами топишь?

– Да нет, мазутом.

Вот такой случай... Если мы перелистаем другие страницы трудовой биографии В.Туруева, то узнаем, как преданно служил он Качканарскому ГОКу, как четко работала его творческая мысль и в привычные будни, и в такой ответственный период, как переход комбината с мазута на голубое топливо – газ. Не один десяток рационализаторских предложений внес Василий Васильевич,

осваивая и улучшая технологию производства.

Благодарности, грамоты, премии, Доска почета – за рацпредложения, за высокие производственные показатели, безупречный труд, выполнение спецзаданий, за большую помощь в строительстве Западного карьера... Поощрения в День строителя и в День металлурга.

Это мы с вами уже листаем трудовую книжку В.В.Туруева. Посмотрите, какие в те годы были премии: 3 руб., 5 руб., 7 руб. 50 коп., 10, 20, 47, 50, 100, даже 200 рублей. Удивительные премии! Теперь бы сказали: смешные! Еще более удивительно и уж совсем не смешно, что вся жизнь человека, работавшего до 70 лет, уместилась вот в этой маленькой серенькой книжечке с гербом СССР на обложке. Конечно, каждая запись в ней говорит ее хозяину значительно больше, чем нам с вами.

Правда, теперь он дружит с другими книгами. Открывает неизвестные страницы истории, узнает «рассекреченные жизни», переосмысливает историю страны. Нередко огорчается. Но все-таки и в книгах, и в нынешней жизни старается найти повод для радости.

– В нем русская харизма, – говорит о Василии Васильевиче его дочь Ирина. – Папа – очень светлый человек, он любит русскую литературу, до сих пор помнит много стихов Пушкина и Тютчева. Он всегда учил нас, что огнем и мечом ничего не добьешься – надо уметь убеждать, надо думать о людях хорошее. В чем-то романтик и философ, он в то же время человек конкретного дела.

1 мая Василию Васильевичу исполняется 80 лет. Заглядывая вперед, он размышляет о будущем. И хочется ему верить, что жизнь его детей и внуков будет лучше, что все жестокое и грязное смоет чистый поток истории. А я думаю о том, что крестьянский мальчик с берегов светлой речки через всю жизнь пронес свою светлую душу и достойно встретил мудрую старость.

2006 год

Ах, Семеновна!

С чем только ни приходят в редакцию газеты! С горем и радостью, с сердитыми и добрыми письмами, с вопросами и предложениями... А она пришла с частушками. В мыслях почему-то сразу пронеслось: «Эх, Семеновна!». Помните, была такая конкурсная телепередача, полная частушек, раскрывающих душу народа?

Познакомились. Эта невысокая пожилая женщина с доброй улыбкой и веселыми глазами и впрямь оказалась Семеновной. Частушки, которые она принесла, были о войне. К 60-летию Победы Галина Семеновна Жирнова выбрала именно их, хотя знает сотни других, грустных и веселых, лирических и задорных. Частушки сопровождали ее всю жизнь, скрашивали суровые будни, помогали выстоять в военное лихолетье. Узнав поближе эту женщину, я не произношу ни задорное «Эх!», ни сострадательное «Ох!» – я говорю восторженное: «Ах!» «Ах, Семеновна!», думаю, и вы, дорогие читатели, согласитесь с такой моей оценкой.

На что, маменька, родила?

На что нежила меня?

Посадила бы в корзинку,

В омут бросила меня.

Итак, сначала о рождении. У Семена и Надежды Трухиных было три сына и три дочери. Их большая и дружная семья жила в деревне Трухинской Костромской области. Лелеять и нежить детей особенно не приходилось, но и в омут никого не бросили. В доме царили доброта, взаимное уважение, понимание и общий труд. Дом был большой, двор – тоже. В этом дворе, в конюшнях жили колхозные коровы и телята, за которыми ухаживала мама, Надежда Васильевна, а дети ей помогали. Сколько воды надо было для скота! Сколько дров, чтобы нагреть большой котел, стоящий тут же, во дворе. Сколько нарубить соломы, заварить ее, сдобренную трухой, и напоить коровушек. Подоить их, вычистить конюшни, напоить-накормить телят – во всем помогала Галина матери в свободное от школы время.

А школа была в районном селе Шайма. Привыкшие по-крестьянски рано вставать, трухинские ученики каждое утро пешком отправлялись в школу. Три километра – это для них немного, обычно и привычно. А после уроков – в обратный путь. Зимой – на самодельных лыжах, осенью и весной – босиком. Учиться Галине

очень нравилось, однако закончить семилетку не довелось. Начинала ходить в седьмой класс, но у мамы заболели ноги, и вся забота о коровах легла на Галину. Впрочем, не ей одной пришлось в те годы забыть о партах и заняться взрослыми делами: началась война.

*Дорогому Сталину
Пошлю записку тайную,
Чтоб залетку моего
Не брали нынче в армию.*

В армию забрали всех, кто мог держать оружие. А такие, как Семен Трухин, в силу преклонного возраста были направлены в трудовую армию. На фронт сначала ушли Иван, старший из сыновей, и дядюшка Макар. *«Я знаю, как погиб наш дядюшка: их эшелон попал под бомбежку»,* – сообщил вскоре Иван в одном из писем. Он воевал на Калининском фронте. *«Шли с Иваном в бой, в наступление, – писал позднее земляк. – Видел, как его ранили, как он пытался встать и не мог... А когда мы отступали, Ивана там уже не было. Может, санитары, сестрички подобрали...»*

Вот и все. Да еще казенная бумага о том, что «пропал без вести». Как «пропал»? Может, все-таки похоронен где-то? Как хочется узнать об этом, утешиться! До сих пор обращается в военкоматы Галина Семеновна – но пока безрезультатно.

Воевал и Алексей Трухин. С тяжелейшим ранением он был отправлен в тыловой госпиталь, в Нижний Тагил. Перебиты руки и ноги, осколки в легких, рана в голове – казалось, и шансов-то нет никаких. Но выжил! И был доставлен с Урала в родную Костромскую область.

– А от нашей деревни до железнодорожной станции Шарья, куда его привезли, 120 километров, – рассказывает Галина Семеновна. – Поехали за ним на лошадях. Привезли. Занесли осторожно в избу, положили на полати... Уезжал в армию такой веселый, бодрый. Провожали его зимой. Помню, сел он в сани и запел. Так с песнями и уехал... А вернулся бессильный, беспомощный. Но очень хотел жить!.. Алексей у нас вообще упорный. Хотели ему в госпитале ногу отнять – не позволил. А дома привяжет камень – и тренирует, разрабатывает ногу. И начал ходить, правда, с тросточкой. Выучился на сварщика, стал работать в леспромхозе. И до сих пор там живет. Сейчас ему 60 лет. А еще один осколок совсем недавно из груди вышел...

Вот такие осколки, старые раны и просто память сердца не дают забыть о войне ни фронтовикам, ни тем, кто был в тылу. И Галина Семеновна хорошо помнит военное время, словно все это

было вчера: и юность, и родная деревня, и колхоз...

*Нет у щуки молока,
Нет зубов у червяка –
Нет хорошего колхоза
У плохого вожака.*

Трухинская и еще несколько окрестных деревень входили в колхоз «Красное Заречье». А вожаки в колхозе были хорошие. Председатель Василий Фролович Голышев – человек в возрасте, инвалид. Бригадир Евлан Михайлович Хомяков и вовсе старый. Оба любили землю и умели работать на ней. И людей организовать умели, и больших, и малых.

– Сегодня у школьников закончился учебный год, а назавтра утром бригадир уже под окном. Пришел с нарядом: кому куда, на какую работу. Например, возить навоз.

И идет Галина лошадь запрягать. Кто постарше, помогут хомут надеть, а с остальным сама справится. Вилы на телегу, вожжи в руки – и вперед. Уставала за целый-то день. Но не унывала. Однажды, правда, впала в такое унынье, что даже заплакала. Было это, когда она боронила поле и не заметила, как обронила завернутый в тряпочку кусочек хлеба. Где теперь его найдешь: поле-то большое. А есть хочется. А до конца дня еще долго. И покатались слезы отчаяния. Но подобной слабости, такого «детства» больше Галина не допускала. Работала наравне со взрослыми и все делала с желанием. Косила клевер, траву, носила копны. Умела жать серпом, снопы вязала.

– А еще мы, подростки, грузили и возили снопы на ток (а снопы-то выше нас). Женщины на току эти снопы скирдовали.

Колхоз «Красное Заречье» выращивал пшеницу, рожь, овес, ячмень. Но основная культура – лен. Галина Семеновна с детства знает весь процесс его выращивания и обработки. Не на словах знает, а на деле. Рвать лен лучше в дождь – так они и делали. Расстилать желательно на траву и на августовские росы. Эти росы – лучшие, а на траве самая хорошая лежка.

– Лежит лен, пока «рубашка» не отстанет. И волокно получается крепкое, эластичное, голубое. И столько радости доставляет тебе лен – от своего голубого цветения до голубого волокна!..

Да спросите вы Галину Семеновну, какая работа была ей не в радость. И она не найдет, что ответить. Приходилось нелегко – это правда. Но каторжницей никогда себя не чувствовала. На судьбу в то время не жаловались, все принимали, как должное.

По душе была Галине чисто женская работа – с пряжей и веретеном. А лесозаготовки? Конечно, не по душе. Но ведь надо! И целую

зиму, до самого апреля была она на лесозаготовках, за 80 километров от дома. С Паней Соловьевой, сорокалетней женщиной, они справлялись с этой мужской работой и ежедневно выполняли норму. Инструменты – топоры да ручная пила (о «Дружбе» тогда и не ведали). Валили деревья, обрабатывали. И этот лес шел потом на сплав.

*Дорогие мама с папой,
А я розочка у вас.
Я пойду, вы посмотрите
На меня последний раз.*

Куда же она собралась от родителей? Да вот на этот самый сплав. Было это в 1944 году. Тогда собрали всех, кто не закончил семилетнюю школу и кому исполнилось 15 лет. Сказали, что отправляют на реку Ветлугу, на сплав леса.

– Кто у вас за главного? – спросили.

– Трухина.

– Такая вот сплавщица? – удивились руководители, глядя на маленькую, тоненькую, как хворостинка, белокурую девочку. Но, узнав, что она активистка, комсомолка, да увидев задорный блеск в ее глазах, смирились, согласились.

И вот полтора десятка подростков во главе с Галиной отправились в путь-дорожку дальнюю – 60 километров пешком. Выдержали не все. Толи кишка оказалась тонка, толи кишка была голодная, только половина «сплавщиков», съев свои скудные припасы, подалась в обратном направлении. В том числе и Коля с Толей – одноклассники Гали. Остались одни девчонки. Ну, что ж? Пошли дальше.

В какой-то деревне присели на завалинку отдохнуть.

– Вы куда? На сплав? Устали?.. Ну, заходите! Переночуете у нас, отдохнете, накормим. Только уж вы нам огород забороните, пожалуйста!..

Заборонили вскопанный хозяевами огород, отдохнули и пошли дальше. А на дворе май, дороги грязные, вода холодная. На ногах у девчонок лапти. Вода в них затекает быстро. Правда, так же быстро и вытекает, но ноги суше не становятся и лишь чуть-чуть согреваются при ходьбе. Ну, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – а пришли, наконец.

Вот и деревня Вшивцево на берегу Ветлуги. Девчонкам сказали, что их участок – отсюда до деревни Красной, это километров восемь. У Галины тут же родилась частушка.

*Раскачу катушку ниток
По зеленому лужку.
Хороша деревня Красная
Стоит на бережку.*

Красная, может, и впрямь хороша, только до нее еще надо добраться. Идти вот по этому бережку, сплошь заваленному лесом, приготовленным к сплаву. И вот эти длинные, тяжёлые бревна (а не катушки ниток) надо скатить с бережка в реку – и поплывут они по Ветлуге до самого лесозавода. Багры в руки – и в атаку на бревна! Но с наскака с ними не справишься. Нужны сила и сноровка. А где их взять? Так что первые метры, первые километры в направлении Красной деревни оказались особенно трудными. Но девчонки не унывали и радовались, как дети, когда получалось – и бревно, ставшее в воде легким, подчинялось течению.

Ветлуга – река глубокая, а потому лес сплавляли не только молью (отдельными брёвнами), но и штабелями. Однажды штабель в шесть рядов сел посреди реки – образовался затор. Надо спасать сплав! И вот четыре девчонки добираются до штабеля и, орудуя баграми, опасно балансируя на этом сооружении, снимают один за другим три ряда – штабель всплывает. А река все течет и течет...

Так вот и река нашей жизни. Плыдем мы по ней – бревна, веточки, щепки. Заносит нас на крутых поворотах – сталкиваемся, образуем заторы обид, неурядиц, проблем; тонем, всплываем, ныряем с головой – устаем и хотим остановиться. Но течение вновь подхватывает, и река несет нас дальше. Мы не знаем, что там, впереди: речные перекаты и мели, глубокие омуты, крутые повороты или новые заторы – но плывем, ибо река все течет и течет...

Гитлеру хотелось остановить наше течение. Но когда на пути реки ставят преграды, она разливается, становится морем. И разлилось море народного гнева, чтобы смыть фашистскую нечисть. И в этом море ненависти к врагу и любви к Родине каждая капелька имела вес, была нужна и важна. Не тем ли и были сильны девчонки-подростки, что знали: они нужны! Нужны дома и в колхозе, на лесозаготовках и лесосплаве. И везде они успевали. Справлялись с делами в «Красном Заречье» – надо помочь отстающим колхозам: имени Калинина, имени Ворошилова, имени Молотова. И молодежь отправлялась туда.

*Выходила за ворота
Слушать не одиново:
Не сыграет ли во полюшке
Гармошка милого.*

А эта частушка говорит нам о том, что молодежь военного времени и отдыхать умела. Частушки да песни, пляски да игры помогали сбросить усталость, забыть о лишениях, справиться с горем,

которое несла война, и с надеждой войти в новый день.

Любили собираться на берегу речки Софоновки. Но если увидят их костры или даже огонек спички-папироски – придут и разгонят по домам. Фронт был хоть и не очень близко, но требовали соблюдать светомаскировку. Поэтому чаще вечеринки устраивали в какой-нибудь избе. Плотно занавешивали окна и веселились при свете керосиновой лампы-коптилки: электричества-то в деревне тогда еще не было. Герман Голышев, председателев сын, растягивал гармонь, и она, послужная его рукам, выводила мелодию за мелодией, будто выговаривала вместе с ребятами песенные слова. Эта музыка, простая и понятная, согревала сердца. И, конечно, не обходилось без частушек с притопом и прихлопом. Галина Семеновна вспоминает, как они с Германом, её ровесником, состязались, кто кого перепоет-перепляшет. Да и другие не отставали. Частушки бойко слетали с языка и, казалось, витали в воздухе. И ребята уж не знали, какую они сочинили сами, а какую придумал кто-то другой.

*Ой, подружка моя,
Скоро кончится война –
Милые домой приедут,
С нами будут навсегда!*

Да, они ждали, они верили, что война закончится. И этот день настал.

С 4 до 9 часов утра боронили поля (весна ведь, сев начинается).

Выпрягли лошадей на завтрак и короткий отдых. И стали снова запрягать. Вдруг бежит бригадир Евлан Михайлович.

– Девки, распрягайте лошадей! Домой пойдем!.. Победа! Кончилась война, кончилась!..

Быстро хомуты рассупонили, оглобли откинули, сбрую с собой прихватили – и домой. А потом все пошли в деревню Заречную, к правлению колхоза. А там уж народу полно, гармошки играют, люди поют и пляшут. И ревут.

– Ой, как плакала-голосила Пинка Зиниха! Ее муж Зинко, крепкий, здоровенный мужик, погиб незадолго до Победы, две дочери остались, – рассказывает Галина Семеновна. – И радовались, и плакали: такой уж это наш праздник, такой день.

И она, и ее деревенские сверстники тоже, как могли, приближали этот день.

О том, что было после войны, скажем перечислительно. Пять лет Галина Семеновна работала дояркой в Сибири, куда Трухины подались, спасаясь от голода. Когда вернулись, жила в няньках. И

18 лет отдала льнозаводу, где пришли к ней трудовая слава и трудовые награды, там же судьбу свою повстречала и в 1953 году вышла замуж за Николая Жирнова, с которым вырастила троих сыновей. Качканарская биография Г.С.Жирновой связана с горно-обогатительным комбинатом.

Всю жизнь работала, растила детей и постоянно училась, о чем говорят ее многочисленные свидетельства и удостоверения.

Такая вот наша Семеновна – деревенская девчонка, великая труженица, мудрая женщина, ветеран Великой Отечественной войны. Восьмой десяток живет на свете, а задора и душевной молодости не утратила. Попросите ее спеть частушку – она тут же выдаст вам вполне современную:

*Я девчонка боевая,
Поплясать желательно.
Путина не завлеку,
Лужкова - обязательно!*

А мне хочется спеть ей такую частушку:
*Ах, Семеновна, Семеновна,
Бодра и весела,
Потому что дает силы
Тебе матушка-земля!*

2005 год

Взрослый век бабы Нади

Начну, пожалуй, с небольшой осенне-летней картинки, хорошо знакомой качканарцам.

Вот к железнодорожному вокзалу подошла электричка, и садовые, груженные урожаем, устремляются на штурм автобуса. Несколькими минутами толчеи и давки – и самые напористые да удачливые уже в салоне. Двери закрываются, и переполненный автобус, тяжело вздохнув, медленно трогается с места. Оставшиеся на привокзальной площади ждут следующего рейса. А некоторые пассажиры сразу с электрички направляются в город пешком. Среди них еще много лет назад заприметила я одну старушку. Маленькая, как гном, с рюкзаком за плечами, она в хорошем темпе шагала в гору, подобно туристу, для которого ходьба – дело привычное и даже любимое. А недавно я познакомилась с этой старушкой и поняла, что баба Надя всю свою жизнь прошагала пешком. Видно, не зря говорят: пешком ходить – долго жить. Давайте и мы, дорогие читатели, пройдем по ее жизни длиною почти в целый век.

Небольшая вятская деревня с говорящим именем Безденежная. Шел 1913 год, когда здесь, в семье Безденежных, родилась наша героиня. Впрочем, все в той деревне были Безденежных. Лишь одна семья, как вспоминает баба Надя, выделялась фамилией и достатком – Новокшоновы. Остальные еле сводили концы с концами, хотя в поте лица работали стар и мал. Нет, нельзя сказать, что света белого не видели. Отмечали все православные праздники. В такие дни одевались понаряднее и шли в церковь в одно из соседних сел. Конечно, пешком и, конечно, не близко, но усталости не замечали, ибо знали, что идут к Богу, который даст им новые силы, просветит их разум, согреет и очистит душу. И весь обратный пеший путь несли они в себе этот божественный свет, чтобы вновь окунуться в деревенские будни. Жили с Богом. Если, к примеру, угрожала засуха – служили молебен, просили у Господа дождя. Во всякую минуту к Нему обращались и в то же время понимали: на Бога надейся, да и сам не плошай. И не плошали, надеялись на свои рабочие руки.

Такие руки были и у нашей Нади. Сложилось так, что отец умер, когда ей было пять лет; старшая сестра Нина уехала в Кирово-Чепецк, а мама не отличалась крепким здоровьем и все надежды

возлагала на младшую дочь, которая вполне оправдывала свое имя. Учиться много Надежде не пришлось. В школу ходила один год в детстве да еще один год намного позднее, «когда уже робенки были». Читать и писать научилась. Но раньше всего научилась она трудолюбию, знала всю крестьянскую работу: и на земле, и в избе. А еще была большая рукодельница: хоть шить, хоть вязать, хоть шерсть пряхть. Придут, бывало, к ней: «Сын-то у меня в армию уходит. Не свяжешь ли, Надежда, ему носки?» И за ночь носки готовы.

Вот такая была Надежда Безденежных, безотказная и добрая, скромная и работающая. И красивая. Невысокого роста, круглолицая и ясноглазая, с длинной черной косой, задорная и веселая, она слыла завидной невестой. Многие деревенские парни, кто тайно, а кто явно, вздыхали по ней. А замуж Надежда вышла за Ивана Мамаева из села Одинцово.

Муж в ней души не чаял, свекор и свекровь тоже любили. Благополучно складывалась семейная жизнь. А в 1937-м у Мамаевых появился первенец – дочка Аля. И Надежда испытала доселе ей неведомую материнскую радость. Это новое чувство наполнило ее жизнь особым смыслом и уверенностью, что любые трудности можно и нужно преодолеть.

А трудности, тоже новые и доселе неведомые, уже подстерегали ее. Первая беда постучала в их дом, когда в магазине, где работал Иван, ревизия обнаружила излишки: 30 копеек. И ее муж, этот честный и скромный человек, был осужден на полтора года. А вскоре пришла другая беда, и постучала она не только в дом Мамаевых – началась война. В душе Надежды словно что-то оборвалось. Оборвалось с такой же болью и отчаянием, как и в 30-е годы, когда стали рушить церкви, превращать их в гаражи и склады. Не тогда ли и накликали эту большую беду? Эта мысль, это чувство боли не покидают Надежду Дмитриевну всю жизнь. Даже сейчас, в свои 92 года, когда многие факты и имена стерлись из ее памяти, она помнит местного антихриста Кузю Килуна, который тогда сбрасывал кресты с церкви. Отреклись – и пришел антихрист на землю русскую.

Когда началась война, Ивана Мамаева выпустили из тюрьмы. Освободили досрочно, чтобы бросить из огня да в полымя. Недолго побыл он с семьей и ушел на фронт. На фронте, судя по его письмам, дела были плохи: наши отступали. *«Проходим по деревне, – писал Иван, – а из окошек смотрят дети. Виноваты мы перед ними! Вижу их – и вас вспоминаю. Такая тоска и тревога!»*

В тоске и тревоге жили и в тылу. И хоть нерадостными были Ивановы письма – утешало то, что он жив. Писали ему о своем житье-бытье, стараясь не огорчать. А однажды сообщили радостную весть: у него родился сын Леня.

«Был сильный бой. Мою шинель прострелило, а меня Бог спас – остался жив. Будьте здоровы, берегите сына!» – писал Иван.

Как хотелось ему увидеть Леню, взять его на руки! И Надежда ждала такой минуты. Но это письмо от мужа оказалось последним. Потом пришли печальные известия. Из госпиталя написали, что Иван Мамаев был ранен в живот, что поврежден позвоночный столб, что десять суток раненый был без сознания. Спасти не удалось. Он погиб в том же 1942 году, в котором появился на свет его сынок. А немного позднее еще одна весть: *«Уважаемая Надежда Дмитриевна! Сообщаем Вам, что Ваш муж Мамаев Иван Архипович захоронен в братской могиле на воинском кладбище города Калуги. Его фамилия занесена на мемориальную доску»*.

Вот так Иванова дочка Аля, как когда-то ее мама, осталась без отца в пятилетнем возрасте. А Надежда Дмитриевна осталась вдовой с двумя малыми детьми, тоже повторив судьбу своей матери. Вдова в 28 лет!..

Ах, эти вдовы погибших фронтовиков!.. Такие молодые и такие самоотверженные, они забыли о своей личной жизни, полностью посвятив себя детям и стране. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Эта меткая народная частушка – о них, взваливших на свои женские плечи всю тяжесть военного и послевоенного времени. И Родина должна поклониться им в ножки!.. Да что восклицать-то – давайте посмотрим, как жила молодая вдова Надежда Мамаева. Да разве все расскажешь? Вот лишь несколько штрихов.

Колхоз, где остались женщины, старики и дети, жил. Жил и работал. Работал для фронта, для Победы. Весной начинались пахота и сев. А как пахать, если почти все лошади тоже были призваны в армию? И запрягали быков да коров. Зачастую впрягались и женщины и тащили за собой тяжелый плуг или борону. За плуг тоже вставали женщины, старики да пацаны. И бабы, эти семижилные бабы, были самые надежные. Нелегко женским рукам держать плуг, управлять этим железным пахарем и вести ровную, глубокую борозду. Ох, как нелегко! Хорошо это знает Надежда Мамаева, которая исходила за плугом немало верст по весенним полям – в рваной обуви и босиком. Ноги мерзли и гудели. К концу дня так уставала, что казалось: не она правит

плугом, а плуг тащит ее и скоро выдернет из плеч ее немеющие руки.

Летом и осенью – полив, прополка, жатва, сенокос – работа от зари до зари. А ближе к ночи садится Надежда на телегу, груженную мешками с зерном, и едет в село Оричи – сдавать хлеб государству. И только тут, на возу, чувствует, как она устала, и вот теперь за дорогу отдохнет.

Однажды на собрании председатель колхоза сказал: «Бабы, надо косить клевер. Кто выкосит гектар, тому сразу дадим муки». Надежда косила день, косила ночь. Утром бригадир Колька замерил: гектар и шесть соток. Пришла домой усталая, легла на печку отдохнуть. За мукой детей отправила. Вот несут они эту заветную муку, килограмма полтора, и напевают. Просеяла муку, напекла морковных пирогов – вот уж праздник-то был! К тому же, бригадир разрешил ей после ночной косовицы отдохнуть денек. «Мама, мы сегодня наелись досыта!» – сказали довольные Аля и Леня и снова замурлыкали. А у матери ком в горле, он так и пытается вылиться слезами – толи радости, толи жалости к детям.

– Жили впроголодь, – рассказывает Алевтина Ивановна. – Летом, конечно, было полегче. Варили крапиву, лебеду, щавель. Колхоз давал выжимки от подсолнечного масла, Собирали мы песты (полевой хвощ). И когда эти пестики мама поджарит с яйцом – очень вкусно!..

А весной, как только сойдет снег, деревенская ребятня отправлялась на колхозное картофельное поле. Полуголодные, полубосые дети, словно грачи на пашне, ходили по холодной, едва оттаявшей земле в поисках гнилой картошки. Перезимовавший клубень – это сморщенная грязная оболочка, под которой тоже грязь да воздух, а внутри маленький, твердый крахмальный комочек – главная ценность. С полными посудинами этой ценности ребята возвращались домой. Ох, сколько нужно было принести воды, чтобы не один раз перемыть эти гнилушки и добраться, наконец, до белой серединки!.. Зато какими вкусными казались лепешки из гнилой картошки!

– Носить нам тоже было нечего, – вспоминает Алевтина Ивановна. – У меня одно платышко, у Лени единственные штаны на лямке. Летом, бывало, выстираем, повесим на огород и ждем, пока высохнут.. Валенки зимой – тоже одни на двоих, да и те дырявые. К школе купила нам мама лапти: «Берегите их». А мне неохота лапти надевать: онучи наматывать долго. И я почти до самого снега бегала в школу босиком. Техничка посадит меня на печку, отогреюсь

немного – и на уроки... А после уроков – в поле, помогать картошку убирать. Или собирать колоски. «Кто больше колосков соберет, – скажут нам иногда, – тому дадим хлеба с медом (в колхозе была пасека)». И мы старались. А после работы усадят нас за стол в колхозной конторе и всех накормят. Вот такие случались редкие радости. Но чувство голода, желание поесть было почти постоянным. Приходилось и милостыню просить (чего скрывать-то?). Правда, до поры до времени выручала корова. Но содержать ее становилось все трудней. Сенокосных угодий у нас не было – кормили соломой, какую давал колхоз на трудодни. И в один из дней мама увела буренку в Киров – на бойню, на колбасу... А на обратном пути остановилась мама передохнуть да решила пересчитать полученные за корову деньги, порадоваться. И вот эту радость, эту невидаль (в колхозе ведь денег не видали) унес порывистый осенний ветер. И вернулась мама домой безденежная, убитая горем.

Но не согнулась Надежда Мамаева – выстояла. И не такое уже довелось выдержать. Теперь надо как-то пережить очередную зиму, а весной опять впрягаться в пахоту, чтобы вновь колосились поля.

Не удивительно ли, дорогие мои читатели? Шла война, в деревне бабы, старики да дети и почти ни одной лошадиной силы – а поля колосились! Не потому ли они колосились, что колхозная земля была обильно полита горячими женскими слезами, согрета душевным теплом женщин, обласкана их нежными, заскорузлыми руками? Не потому ли, что женское упорство и нравственная сила падали в землю крепким зерном и прорастали добрым урожаем? И колосились поля, и жила деревня Безденежная, работала для страны, для Победы... А сейчас? Нет войны, есть мощная, умная техника – а деревни вымирают, и земля, в тоске по человеку, поросла бурьяном. Не колосятся поля. Не удивительно ли? Не печально ли?..

– А после войны, – продолжает Алевтина Ивановна, – мама увела нас в леспромхоз, где жила ее старшая сестра Нина... Уже осенью, по первому заморозку шли мы два дня (идти-то 40 километров). Помню, ночевали в какой-то деревне. И снова в путь. Леня шалью перевязан. На одной ноге у него ботинок, на другой галоша... Какой, спрашиваете, багаж? Детки-малолетки – вот и весь мамин багаж, сам ножками топает. Что дома осталось? А что там оставить-то? Деревянный стол да корыто деревянное. В леспромхозе лучше. Я ходила в школу за пять километров, а Леня был еще мал. Мама работала обрубщиком сучьев, получала день-

ги. У нас появилась кой-какая одежда, и питаться стали лучше. Собирали грибы, ягоды, ловили рыбу. В леспромхозе мы и выросли. А когда он ликвидировался, перебрались в Лесотехникум – поселок с барачными и щитовыми домами на берегу Вятки. Там располагалось лесничество, а техникум готовил работников леса. Мы с братом работали: я обрубала сучья, а Леня лес маркировал. Маме работать мы не разрешили: ей и дома дел хватало.

В начале 60-х годов переехали мы в Качканар: подруга меня сагитировала. Я устроилась кровельщицей в СУ-7. В это же стройуправление пришел и Леонид, приехавший в Качканар после службы в армии. А мама до самой пенсии работала в орсе.

За сорок качканарских лет выросла семья бабы Нади. Появились внуки и правнуки. Любит она этот юный город, который принял ее хорошо. Жила сначала в общежитии у дочери, потом в благоустроенной квартире с подселением. Сейчас у Надежды Дмитриевны однокомнатная квартира, в которой ей, как вдове погибшего, недавно сделали хороший ремонт. Благодарна баба Надя городским властям и А.А.Калугину, который принял личное участие, чтобы обеспечить ее слуховым аппаратом.

Но и на Урале не обошли Надежду Дмитриевну удары судьбы. Скропостижно скончался ее младшенький, Леня. И уже 12 лет лежит на Именновском. А Алю разбил паралич, и сейчас она на группе. Но не поддается Алевтина Ивановна, борется с болезнью и по примеру матери много двигается. Вместе с мужем Леонидом Ефимовичем держат они на Именновском свой дом и хозяйство. И баба Надя помогает им летом и зимой, да и в баньку любит сходить.

Кстати, когда ей оформляли документы как вдове фронтовика, то на запрос пришел из Кирова ответ, что деревни Безденежной больше нет. С грустью говорит об этом баба Надя, которой, наверное, очень хотелось бы, чтобы на месте исчезнувшей появилась деревня Денежная. Но уж это от бабы Нади не зависит. И вот она прикасается к деревенскому бытию, помогая дочери на Именновском и внучке в шестом саду, куда тоже чаще добирается пешком, чем на автобусе. «Да тут, – говорит, – недалеко». Внуки приедут, а грядки уже прополоты и политы: бабушка постаралась. Ей работа на земле – в радость. Да и по грибы минувшим летом она шесть раз на гору сходила.

Ну, что, дорогие читатели, не устали еще следовать пешком за бабой Надей?.. Недавно видела я, как она, в валеночках, пуховой

шали, в пальтишке, с двумя сумками наперевес через правое плечо, бодро шагала по улице Свердлова – к электричке, чтобы уехать на Именновский.

Вот так и идет по жизни эта маленькая и великая женщина – вдова фронтовика, заботливая мать, бабушка и прабабушка. За ее спиной уже остался двадцатый век. Сквозь его бури и лишения пронесла она свое храброе, чистое сердце и добрую, светлую душу. Такою шагнула и в век двадцать первый. Давайте с благодарностью поклонимся и по-хорошему позавидуем этой женщине.

Милая баба Надя, пусть дольше ходят твои ноженьки, пусть не устанут твои рученьки! Будь здорова и уверенно шагай к своему столетию!

2005 год

В городе, войною замеченном

Есть в нашем «Лукоморье» Александра Герасимовна Пастухова – по возрасту самая старшая, а по состоянию души – самая молодая в литературном объединении. Многие ее строки, поэтические и прозаические, – это зарисовки о прожитом и пережитом вместе с ее поколением, поколением победителей.

*Из далеких суровых лет,
Дней, прожитых под крышей одною,
Сохранился тропинки след –
Память сердца жива со мною.*

*Семье Ивановых
Нижний Тагил, 1941-1945 г.г.*

Таким посвящением-эпиграфом открывается один из сборников А.Пастуховой **«Уральский город мой»**. Давайте, дорогие читатели, вместе с вами перелистаем эту небольшую книжицу.

Нижний Тагил. Когда говорят: «Урал – опорный край державы», я в первую очередь представляю именно этот город, где плавился металл, рождались снаряды, и прямо из завода отправлялись на фронт танки.

*Уральский город тыловой,
Ты стал моим суровым домом,
Началом жизни трудовой,
Совпавшей с пуском первых домен.*

Здесь, в Нижнем Тагиле, началась трудовая биография Александры Костицыной. Двадцатилетней девушкой, она, выпускница Лысьвенского механико-металлургического техникума, приехала сюда вместе с подругой в июне 1940 года, чтобы работать на Нижнетагильском металлургическом заводе (НТМЗ). Погода была прекрасная, настроение – тоже. Встретили молодых специалистов хорошо. Небольшой дом, где поселили девушек, находился на улице Ленина, там примерно, где теперь возвышается драматический театр. В маленькой комнатке, отведенной новоселам, стояли две железные кровати, два стула да стол. Выдали девушкам матрасы, подушки, наволочки и простыни. Одеяло у Шуры было свое – новое, ватное, подаренное ей родственницей по случаю получения диплома, который звал

Александрю в самостоятельную жизнь. И эта жизнь оказалась надолго связанной с НТМЗ.

Правда, некоторые шутники расшифровывали эту аббревиатуру так: **Не** ходи, **Там** Мало Заработаешь. А другие читали ее в обратном направлении: Заработать **Можно**, **Только** **Не** ленись. Ленишься не приходилось. Завод был на подъеме. Уже работали две домны, готовилась к пуску мартеновская печь. И Шуре было приятно каждый день вливаться в многотысячный трудовой коллектив и сознавать, что в заводской продукции, в тагильском чугуне, есть и доля химика-аналитика, ее доля. Доменные печи работали исправно.

*А вскоре задышал мартен.
И первой плавки той анализ
Вели, не чуя перемен,
До коих месяцы остались.*

Этот день, 30 сентября 1940 года, когда из мартеновской печи полилась огненная река, воспринимался на заводе как настоящий праздник труда: рано утром пошла тагильская сталь! Первая плавка! И первый ее анализ, который, как помнит Александра Герасимовна, они делали в 6 часов утра. Качество – отличное! Впереди был новый день, долгая жизнь мартена, новые трудовые планы металлургов. Но...

*Еще вчера живя мечтою
О жизни светлой и большой,
Мы оказались за чертою,
Вмиг проведенною войной.*

Эта черта – 22 июня 1941 года.

– А 29 июня, – вспоминает А.Пастухова, – заходят к нам в лабораторию директор завода Овчинников, главный инженер Морозов, начальник цеха Прокопенко, сталевар Пологов, а с ними профессор-химик Тананаев из Москвы и заместитель министра черной металлургии Коробов.

Вероятно, московские гости побывали уже во всех цехах, посмотрели, как плавятся чугун и сталь. И вот теперь, окинув взглядом лабораторию и лаборантов, Коробов спросил:

– А где же ваше начальство?

– Так ведь сегодня воскресенье, выходной день, – начала было Александра.

– А как вы думаете: на фронте тоже сегодня выходной?..

Нет, они так не думали и готовы были тоже работать без выходных. Ведь уже в первые дни войны прозвучал призыв: «Все – для фронта! Все – для победы!» Как его выполнить?

Об этом и говорили на совещании, которое провели на НТМЗ гости из Москвы. Стране нужен металл, много металла; нужна сталь – высокопрочная, легированная. Значит, нужны новые мартеновские печи.

И заработал НТМЗ в новом ритме. Увеличивалось производство продукции, ударными темпами строились новые мартеновские печи (за войну их построили восемь). А лаборанты на двухнедельных курсах без отрыва от производства научились делать анализ легированной стали. Нижний Тагил работал для фронта, для победы.

*В городе, войною затемненном,
Шагаю я по улицам ночным
Туда, где спешно загружают домны,
Где над мартеном вьется желтый дым.
Не дремлют люди в задубелых робах,
Жарко у мартеновских печей.
Горячий скрап бегом несут на пробу:
Как углерод?.. Да что же вы, скорей!
И мечемся среди кислот и чада –
Навески, реактивы и подсчет...
Но знаем мы одно, что надо, надо!
В победу общий вклад и общий счет.
Течет металл, в орудья превращаясь,
Не замедляя грозный, ровный шаг,
Чтоб, на его лавину натываясь,
Лавиной этой захлебнулся враг.
Одетые в испытанную форму –
Еще горячую уральскую броню, –
Вползают танки сами на платформу
И едут в бой, сражаться за страну.
Идут, идут стальные эшелоны
На запад, в пекло адское боев.
А здесь опять мартен для обороны
Уж наполняет мутьды до краев.*

И этот труд, наполненный высоким смыслом, закалял людей, как сталь, выковывал удивительный уральский характер. Для людей с таким характером в то суровое время самым главным, определяющим было слово «надо!» А надо было очень много. Забыть о своих лишениях. Принять, разместить, приютить эвакуированных. А их, кого война лишила крова, были сотни и тысячи. Многие из них оказались на Урале вместе с

предприятиями из-под Москвы, из Ленинграда, с Украины. Надо было поделиться с эвакуированными и куском хлеба, и своим душевным теплом. А как и в каком уголке души отыскать это тепло, если душа холодеет от печальных военных сводок?

*Уже летели издалека
Одна другой страшнее весть.
И мы в труде не знали срока
Да не досыта стали есть.*

Да, привычный «срок» – восьмичасовой рабочий день – был забыт; трудились и по 12, и по 16 часов, потому что было надо. Недосыпали, недоедали. И самым ценным сокровищем были тогда хлебные карточки. Молодежи нашего времени, когда в магазинах, киосках, ларьках такое изобилие, такой выбор хлебобулочных изделий, трудно представить хлебные карточки. А наше поколение их хорошо помнит. Карточки с буквами: Р, С, И, Д – рабочие, служащие, иждивенцы и дети. Самая «сытная» была, конечно, рабочая карточка: 800 граммов хлеба на день.

Александра Герасимовна, как и любой рабочий человек (что уж говорить о сталеварах!), могла съесть эти граммы в один присест. Но надо было думать о целом дне. Обедали в заводской столовой тоже по карточкам, а точнее – по талонам. Хорошо, что на НТМЗ каждую декаду выдавали эти талоны – на крупу, жир, сахар, мясо. Правда, мясо зачастую подменяла вездесущая килька. А нередко могли объявить: «Талоны на сахар сдавайте: это пойдет в фонд Красной Армии». И сдавали, потому что надо! Зато иногда в качестве премии выдавали по 100 граммов хлеба, и это было самое щедрое поощрение. А в заводской столовой – прозрачный суп, колючая овсяная каша или пюре из картошки в мундирах (хорошо, если с килькой), несладкий чай. Вот, пожалуй, и все меню. Чувство голода было постоянным спутником, а хлеб – самой ходовой, самой конвертируемой валютой.

*Жидкий суп из зеленой капусты,
На второе – колючий овес.
А в желудке по-прежнему пусто,
Только голод лишь больше возрос.
Осторожно кладу на газету
Сэкономленный хлебный паек.
За краюху бесценную эту
Надо выменять мыла кусок.
Да и платье вот-вот расплывется
Со следами от капель кислот...*

*На ногах (только обувь зовется)
Брезентушки разинули рот.
Пребываю в печальном раздумье:
Сколько надо еще недоесть,
Чтоб скопить подходящую сумму
На одежду, какую ни есть.
И внезапно, свистяще над ухом:
– Как я голоден!.. Девка, прости...
Пальцы цепко схватили краюху,
Чтоб надежду мою унести.
Я вскочила, горя возмущеньем.
Но грабитель мой не побежал.
Он кусал и глотал с нетерпеньем,
Только взгляд его страшный блуждал.
Подтянув деревянную ногу,
Он на месте остался стоять,
А глаза источали тревогу
И угрозу: попробуй отнять!
Посмотрев в те глаза, изумилась:
Сколько было в них боли немой!
О потере я вдруг позабыла
Перед горькой чужою бедой.
Надо было уйти поскорее.
Я ушла. Хлеб остался при нем.
Но ему-то гораздо больнее
Вспомнить будет об этом потом.*

Жив ли сейчас этот грабитель поневоле? Вспоминает ли он тот эпизод 1943 года?.. А Александра Герасимовна помнит и его, несчастного калеку; и эвакуированную 36-летнюю женщину, настолько изможденную, истощенную и седую, что походила на 80-летнюю старуху. Вспоминает А.Пастухова и тот дом – первую тагильскую пристань, всех своих соседей и печку-голландку, с аппетитом пожирающую дрова. Вспоминает, как они с Катюшкой пилили и кололи эти дрова, которые до войны им, как молодым специалистам, привозили бесплатно огромными кряжами, а уж в войну дрова приходилось покупать или выменивать на хлеб. Не замерзать же, когда, усталая и голодная, придешь с работы, а окно в комнатке подернуто куржаком и вода в кружке замерзла...

И, конечно же, помнит Александра Герасимовна семью Ивановых, с которой чуть позднее свела ее судьба. В низеньком домике на три окошка жили Валентина Семеновна, ее младшая

сестренка и дочурка-крошка. Печка, кухня да комнатка с наперсток, где мирно соседствовали комод, диван и кровать. Тесно. Даже спала Александра вместе с девочкой-подростком. Но в тесноте, да не в обиде. Ивановы полюбили приветливую девушку с НТМЗ, а Шура, с ее щедрой душой и врожденным юмором, всячески поддерживала их. Так и жили одною семьею.

*А судьба все листала страницы.
Но неведомо было и ей,
Что в избушку беда постучится –
Похоронка хозяйке моей.
Серый лист той бумаги казенной.
Слов немного. Но трудно читать.
Смотрит дочка на мать удивленно:
Почему мама плачет опять?..
Чередю безрадостных буден
Потекли эти черные дни,*

когда Валентине Семеновне особенно нужна была Шурина поддержка и помощь, и та, как могла, помогала, не позволяя женщине поникнуть головой и окончательно упасть духом. А время было нелегкое.

*Один от голода спасался,
Чтоб только выменять кусок –
Другой на горе наживался,
Обманывать и грабить мог.*

Все пришлось испытать: непосильную работу и изнуряющий голод, потерю близких и бессовестный обман. Все пережили, все вынесли и выстояли. Потому что верили: все их лишения, их самоотверженный труд – во имя фронта, ради Победы. Люди ждали ее, чувствовали ее приближение.

*Апрель к исходу. Грозы мая
Снарядов гром идут сменить.
И первый ливень, все сметая,
Прошел, чтоб землю обновить.
Скоро, скоро... Все уж знали:
Бои последние идут.
Девятый май! И в синей дали –
Победы праздничный салют!*

В низеньком домике на три окошка встретила Шура Костицына День Победы. Двадцать лет она, химик-аналитик с НТМЗ, отдала Нижнему Тагилу, этому мужественному городу уральских металлургов. Там же в 1946-м встретила суженого – фронтовика

Виктора Пастухова, который тоже работал на НТМЗ.

В 1961 году Пастуховы переехали в Качканар, но лишь десять качканарских лет отмерила судьба Виктору Анатольевичу. И с тех пор, вот уже 30 лет и три года, Александра Герасимовна одна. Но одинокой себя не чувствует. Живая, энергичная, большая выдумщица и затейница, все эти годы она в кругу друзей – детей и взрослых. Не забывают ее и родные. Сын Анатолий – энергетик в Подмоскowie. Внучка Лена, ее муж Олег, правнучка Алеся всегда рядом с Александрой Герасимовной, где бы они ни находились: в соседнем ли городе Лесном, или в далеком сирийском Дамаске, где они долго жили и работали в 90-е годы и куда недавно отправились опять.

На судьбу А.Г.Пастухова не сетует. Живет с улыбкой. И на все руки мастер. При необходимости она столяр и плотник, маляр и сантехник, и уж, конечно, швея-мастерица. А еще художник и поэт. Но это уже для души. В ее однокомнатной квартире, оформленной в светлых и оранжевых тонах да освещенной ее доброй улыбкой, всегда уютно и солнечно. Таков и мир ее души: радостный, светлый, солнечный. И хочется Александре Герасимовне, чтобы на земле исчезли войны и жестокость, чтобы во всем мире было солнечно и светло.

2004 год

Был тыл войною трудовой - и потому ты победили

*Мы все тебе отдали, дети войны,
Мы жили, трудились во имя страны.
Какой непосильный, немыслимый труд
Детские плечи сквозь годы несут!..
Мы дом свой и землю свою защищали.
Мы, дети, Победе своей помогали.*

Так в одном из стихотворений пишет о своем поколении Нина Ивановна Рождественская, которую качканарские читатели знают как тонкого лирического автора. Главное в ее творчестве – любовь: к человеку и природе, к великой Отчизне и к малой родине – тверской земле, которую в советские времена именовали Калининской областью.

Чудеса и открытия

Хутор Иудино, где родилась Нина, был одним из небольших поселений, каких во времена столыпинских реформ в России появилось немало. Местность холмистая, там много лесов; а земля, разбуженная людьми, давала хорошие урожаи. Дом, в котором жили Рождественские, казался Нине высоким и светлым, хотя в нем было только две комнаты и кухня; зато просторные сени, кладовка и большой двор с домашним скотом и птицей. Дом всеми окнами смотрел в сад, а там яблони и груши, вишни и сливы, смородина, крыжовник, малина и десяток ульев. За домом – картофельное поле и огород.

У Нины было два старших брата: Иван и Александр – и младший Николай. Были еще две сестрички, но они рано умерли. А перед самой войной, в 1940 году, родилась Валюшка. Жили дружно и очень любили друг друга, хотя в семье не были приняты нежные объятия и поцелуи – единственное одобрительное «Молодец!» выражало родительскую любовь. Мама Мария Кузьминична была рядовой колхозницей, а папа Иван Арсентьевич – агроном и пчеловод. Работы хуторянам хватало: и в домашних хозяйствах, и в колхозе. А вся надежда только на свои безотказные руки. И вдруг –

диво!

Году в 1935-м на хуторе появился первый трактор. От села Лозьева ехала невиданная машина, а за ней бежала ватага лозьевских мальчишек, к которым потом присоединились и хуторские. Нина тоже бежала со всеми ребятишками до пригорка, пока трактор не остановился у поля. На следующее утро поле начали вспахивать. И опять ребята гурьбой бежали рядом с трактором, дивясь, как отваливались, переворачивались от лемеха пласты влажной земли. А Ванюшка Рождественский, зачарованный глубокой тракторной бороздой, еще не знал, что она надолго станет его жизненной колеей. В школу он больше не пошел – работал прицепщиком на тракторе, потом трактористом. А в войну он станет водителем танка, получит медали за освобождение Киева, Праги, Вены, Будапешта. Вернется возмужавшим, закаленным, настоящим мужчиной. Но пока он этого не знает и вместе с хуторскими ребятишками удивляется чуду техники – первому трактору.

Нина тоже удивлялась и радовалась. А удивительное было рядом. Вот, к примеру, рядом, в селе Лаптихе, открылась больница, и Люся, подруга Нины, уже успела там полечиться. Выписалась и с восторгом рассказывала про больничные чудеса: спала она на отдельной кровати, на белых простынях, под одеялом в белом пододеяльнике; кормили четыре раза в день – и суп, и котлеты, и компот, и булки белые. Нина мечтала попасть в больницу, но так и не заболела. И не видать ей белых простыней еще долго-долго, до послевоенного времени. А пока домотканый холщовый матрас. После молотьбы его набивали свежей соломой – и так радостно было валяться на нем, пока солома еще не осела. Одеяло – ватное, из ситцевых лоскутков. А подушка – перовая: благо, куры были свои. А белое постельное белье и отдельная кровать – это пока мечта, чудо.

Но было в детстве Нины еще одно чудо чудное, диво дивное, которое не где-то там, не в мечтах, а наяву. Все стены в комнате родителей занимали стеллажи с книгами. Как в их доме появилось это богатство, Нина помнит смутно. Позднее брат Саша рассказал, что кого-то из папиных знакомых или раскулачивали, или отправляли в ссылку. И тот ночью на нескольких подводах привез свою библиотеку на хутор, видимо, чтобы не конфисковали, не разграбили. Какие это были книги! Классическая русская и зарубежная литература. И Нина, рано научившаяся читать, глотала книги одну за другой, зачастую тайком от родителей. Находясь во власти художественного слова, девочка открывала новый, неведомый

мир, с волнением следила за судьбами героев. Этой библиотекой пользовались и учительница из села Лозьева, и многие другие.

В 1938 году все книги отец передал в районный центр Бежецк, в городскую библиотеку. В том году случилось не чудо чудное и не диво дивное, а горе горькое: стали сгонять с хуторов. Этого не понять. Это надо прочувствовать, когда тебя сгоняют с насиженно-го, обжитого места. Потеряли все: богатый фруктовый сад, пасеку, скотину.

*Я помню: дом стоял пустой,
И тучи плыли и редели,
И окна мокрою росой
На нас беспомощно глядели.
И память о родных краях
Толкнет вдруг болью беспричинной...
Застряла родина моя
На сердце клином журавлиным.*

В тот час над домом пролетали журавли, направляясь в теплые края. Послушные инстинкту и вековым традициям, они знали свой путь, эти вольные птицы. А куда теперь Рождественские?

Отца направили на работу в совхоз Подобино, что в двенадцати километрах от Бежецка. Два двухэтажных дома, детский сад и сельмаг – вот и весь совхоз. Сельский магазин привлекал Нину: пряники и конфеты по 90 копеек за килограмм, сахар, рыбные консервы в томатном соусе – такое богатство!.. Жила семья в одной комнате, где каким-то чудом размещались шесть человек. Но было в этой комнате настоящее чудо: черная тарелка репродуктора, висевшая прямо над кроватью Нины. Не простая тарелка, а говорящая. Девочка была поражена, когда впервые услышала ее голос. Сказка? Нет, кто-то настоящий, незнакомый, но очень добрый разговаривал с ней. И с каждым днем она узнавала все больше и больше. О том, как велика страна, в которой она живет. О разных событиях и людях. Черная тарелка дарила ей прекрасную музыку. Но больше всего Нина любила театральные постановки, которые обычно передавали по вечерам. Часто родители просили выключить радио и ложиться спать. А ей так хотелось дослушать до конца! Она послушно забиралась под одеяло, а когда все засыпали – вставала во весь рост и, прижав ухо к репродуктору, тихонько слушала. А назавтра снова жила в радостном ожидании вечера и новой встречи с интересными людьми, которые где-то там, они живут и волнуются, и в то же время они рядом с Ниной, и она волнуется вместе с ними.

В 1939 году Нина начала учиться в школе. Вместе с совхозными ребятами ходила за три километра в деревню Хонеево. Уже умеющая читать, она училась легко, с интересом и большим прилежанием. С ранних лет любую работу привыкла выполнять прилежно и ответственно. Именно так нянчилась Нина с сестричкой Валею, которая родилась в 1940-м и казалась Нине маленьким чудом с большими, небесной чистоты глазами. Каждый день Нина делала новые открытия, умела удивляться и радоваться жизни.

Трудовой фронт

До сих пор Нина Ивановна помнит благоухающую черемуху, которая сплошной стеною росла по дороге в школу. Или это было в другом месте и в другое время? Но и сегодня она видит белое черемуховое море в черный день начала войны. А может, лето в тех краях тогда запоздало, и черемуха буйно цвела, будто утверждая жизнь, вопреки злым силам.

Страшную весть Нина услышала не от черной тарелки, а от учительницы. Взволнованная, с заплаканными глазами, вошла она в класс и сказала:

– Дети, война! Гитлер напал на нашу страну. Идите домой: ваши родные уходят на фронт.

Все три километра они бежали, и эта черемуха, сплошным белым чудом отделяющая дорогу от поля, словно подводила светлую черту под их детством. Они сразу стали взрослыми. Подбегая к деревне, услышали женский и детский плач.

*В деревне рев, в деревне вой,
Деревня залита слезами.
Горели женщины бедой,
Любимых спеленав руками.*

На улице полно народа. Еще утром прискакал нарочный из сельсовета (телефона в деревне не было) – и грянуло: война! Нарочный привез и повестки мобилизованным. На фронт уходили почти все мужчины: деревня-то выросла недавно (тогда деревни не умирали, а рождались), и стариков почти не было. Ушли воевать и тракторист Иван Рождественский, и его брат Александр, окончивший школу ФЗО.

Проводила деревня мужчин и лошадей – и началась другая жизнь: с бесконечной работой, недоеданием и недосыпанием, с тревожным ожиданием вестей с фронта. Родители Нины в поле, она в свои 10 лет – хозяйка в доме, в огороде. Надо истопить рус-

скую печь, что-нибудь сварить. Тоненькая, худенькая, она с трудом управлялась с дровами, чугунками и ухватом. Зато в огороде работала с удовольствием; чувствовала, будто теплая земля не отнимает, а придает ей силы. Младший братишка Коля целыми днями бегал с друзьями по деревне. А Валюшку каждое утро Нина относил в ясли в соседнюю деревню, до которой два километра.

Время шло, и шла война. Фронт подходил все ближе. С весны 1942-го пошел в наступление и голод. Нина, как и другие ребяташки, ходила по картофельному полю, собирала перезимовавшие, гнилые клубни. Потом, тщательно перебив их и добравшись до твердой крахмальной середины, пекла лепешки или запаривала перезимовавшую картошку с морковью или свеклой. Варила суп с крапивой и лебедой. А однажды отец принес овса целый пуд. Лошадито ушли на фронт, а овес остался – и колхоз распределил его по трудодням. Смолотили овес на жерновах и из этой колючей муки пекли лепешки. Они тоже были колючие, но все равно вкусные. Потом сломал ноги молодой жеребчик, и пришлось его зарезать. И колхозникам по трудодням досталось мясо. Мама варила суп и щи – вот уж был праздник! А еще Нина вместе с ребяташками ловила в реке рыбу. Какой восторг был от каждого улова! И сколько радости, когда в избе пахло ухой, которую Нина сварила к приходу родителей.

Но редкие радости не избавляли от постоянной тревоги. С фронта приходили сообщения, что немцы взяли один советский город, другой, третий. Да и над их мирной деревней почти каждую ночь пролетали немецкие самолеты. Через несколько минут раздавались взрывы и небо освещали огненные вспышки. Бомбили Переборы: там гидростанция, плотина. Бегающие допоздна мальчишки смотрели на зловещее зарево и сосредоточенно молчали. И было в этом молчании недетское чувство ответственности за что-то, чего они и сами не понимали.

Летом 1942 года отец встретил в Переборах одного знакомого, который сказал, что в сельсовете лежит похоронка на Ванюшку. А от Ивана уже полгода не было писем. Отец держался, мама заливалась слезами, ребяташки смотрели испуганными глазами. Но в смерть Ивана не хотелось верить, может, потому, что не видели они этой проклятой бумаги... А через две недели радостный почтальон принес сразу шесть писем. *«Жив, здоров, долго находилась в окружении. Продолжаю воевать!»* – бодро сообщал Иван. Похоронка заставила семью страдать, а Ванюшку лишила семейного счастья: его девушка Тамара, поверив похоронке, вышла

замуж. А Иван так и не женился всю жизнь: видно, был однолюбом.

В 1943-м вздохнули полегче: Сталинград, Курск – и немцы покатились на запад. А наша армия, видимо, нуждалась в подкреплении – и Ивана Арсентьевича призвали на фронт, хотя его возраст был уже непризывной. И осталась мама одна с тремя детьми. Самой старшей, Нине, двенадцать лет. В деревне голод. В ту весну пахали на быках и коровах. Коровы мычат, упираются, не хотят идти вперед, а их подгоняют хворостиной. Видеть такое – смертельная мука! Нина Ивановна до сих пор помнит, какой уставшей, почерневшей приходила с пахоты мама, с неизбывной болью и тоской в глазах.

Вдруг пришло письмо: бабушка и дедушка приглашают в Лозьево. Мама повеселела: «Домой поедем!» Это село – мамина родина. И поехали – с узлами, с приключениями. На станции в Бежецке их встретил дедушка Кузьма на подводе. До села 16 километров. Бабушка Катерина встретила приветливо. Детишки сразу забрались на теплую печку и, вдыхая запахи с кухни, поняли, что попали в рай. Да, этот район не знал голода. «Бежецк – город хлебный», – не зря говорили в ту пору. Немцы находились в ста километрах. Их самолеты бомбили в Бежецке железнодорожный мост, через который шли поезда на Бологое. На обочине железной дороги вечной памятью о войне остались глубокие воронки, со временем заросшие, а в 1943-м это были зияющие раны земли.

Нина удивлялась: фронт совсем рядом, а в Лозьеве земля ухожена, засеяна; все, что выросло, убрано; трава скошена и уложена в стога; скотина сытая. Лозьевские крестьяне любили землю и трудились от зари до зари. Нина тоже работала. В подростковой бригаде выполняла все работы, кроме жатвы. Вот она окончила пятый класс, и в тот же день вечером бригадир постучал в окно:

– Мария, завтра Нина пусть отдохнет, а послезавтра возить навоз со скотного двора.

За дедушкой Кузьмой была закреплена лошадь Маруська. Нагружат телегу навозом, и везет его Нина на поле, а там женщины его раскидывают. Нарвет Нина травы, бросит на телегу, чтобы помягче было сидеть, и обратно на скотный двор. Маруська сама дорогу знает, поэтому можно и подремать (легла поздно, а встала рано). Но иногда, чувствуя, что ею не правят, Маруська остановится на попавшейся лужайке и жадно хватает траву. И возница просыпается.

Потом пололи лен. Потом – сенокос, который для подростков был и праздником, и мукой. Для Нины, которая в бригаде была моложе всех, дедушка сделал косу поменьше. Косить девочка

научилась быстро, и с граблями управлялась умело, была безотказной. Работать на свежем воздухе нравилось, но за день очень уставала. И все-таки самой тяжелой и нелюбимой работой было утаптывать клевер. Женщина вилами бросала его в сарай, а Нина большими охалками таскала и равномерно укладывала его вдоль стен и утаптывала. Когда по обеим сторонам сарай заполнялся доверху, заполняли середину. А клевер пыльный, колючий, ноги и руки исцарапаны, тело грязное и пыльное. После работы труженица бежала к пруду и наслаждалась в прохладной и чистой воде, которая смывала не только грязь, но и усталость. Дома тоже ждала работа. Носить воду из пруда в огород и поливать грядки. А из колодца носить воду в дом. А колодец далеко, а ведра на коромысле тяжелые, а идти надо в горку, а вода плещется, а плечи болят.

Но вечером все равно на гулянье. В центре деревни, у амбара, гуляют взрослые, а возле пруда – подростки, «маленькая гулянка». В хрустальном, чистом воздухе звенели частушки и песни, плясали «соломушку» и лянсей (так там называли ланце, танец, похожий на кадрили).

– Вот такая была жизнь, – говорит Нина Ивановна. – Работа, работа, забота, забота. Это потом в городе стали КЗОТ соблюдать и подростки работали неполную смену. А в войну мы вкалывали вместе со взрослыми от зари до зари.

И недаром многие подростки получили потом государственные награды. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года и Нина Рождественская была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

– Уставали мы смертельно, – продолжает Нина Ивановна. – И все же это были счастливые годы. Теперь ругают колхозы. А сколько радости было в общем труде! Умели работать, сочувствовать, сопереживать, помогали друг другу. Не жаловались, не стонали. Знали одно: надо, надо, надо!.. И очень обидно, когда теперешнее высокое начальство о тружениках тыла говорит: «Они же не воевали».

*Был тыл войною трудовой,
И потому мы победили.*

Кончалась летняя страда. Каждодневная изнуряющая работа была позади, а впереди – учебный год. В школу лозьевские ученики ходили в Сырцовку. Вставали рано: ведь надо пройти семь километров. Возвращались поздно, уставшие, а зимой еще и замерзшие. Нина сразу забиралась на русскую печку и засыпала. Поднималась, выполняла письменные задания – и снова спать. Знания стали посредственные, немецкий язык и математика запущены. На зиму мама пристроила ее к каким-то дальним родственникам в

село Константиново, что в километре от Сырцовки. Школа теперь близко, но старики заставляли работать: то мыть, то молотить, то идти за полтора километра с санками в лес за дровами. На уроки снова не оставалось времени. Так и училась и каждую неделю бегала домой, в Лозьево.

*И вот пришла, пришла весна
С ручьями, солнцем и остатком снега,
Что столько лет ждала страна –
Нам в сердце грянуло: «Победа!»*

После войны брат Александр обосновался в Ленинграде. Весной 1945-го, еще до победного дня, вернулся папа. Из госпиталя. На костылях. Разве может теперь он, пчеловод и агроном, бегать по полям на своих двоих? А тут его друг, директор воскобойно-вошинного завода, уходил на пенсию и порекомендовал Рождественского на свое место. И семья переехала в Бежецк. Учиться в городе Нине сначала было трудно: мешали пробелы в знаниях. Но девушке, чей характер сформировался в военную пору, хватило упорства и терпения на пути к аттестату зрелости. Экзамены и выпускной бал стали яркой чертой, за которой осталось военное детство. Впереди была юность, послевоенная, мирная, полная поисков и дерзаний на пути к диплому горного инженера.

Выпускница Криворожского горно-рудного института Нина Рождественская отправилась в Сибирь, хотя ее, как многообещающего молодого специалиста, оставляли на Украине. Но она рвалась туда, где трудней – и одиннадцать вдохновенных лет отдала Кузнецкому металлургическому комбинату. Ее труд на сибирской земле отмечен нагрудным значком «Отличник социалистического соревнования РСФСР». Этой наградой Нина Ивановна очень дорожит.

А потом – «я Качканаром заразилась, седой Урал родным мне стал». Сюда она прибыла по переводу и почти три десятка лет работала на Качканарском горно-обогатительном комбинате. Трудилась так же вдохновенно – на благо Родины. Она гордилась своей страной, вместе с которой прошла путь от первого трактора до полетов в космос. Это патриотическое чувство помогало ей и в общественной работе, которую по достоинству оценил Свердловский областной комитет КПСС, наградив Н.Рождественскую Памятным знаком «За активную пропаганду марксизма-ленинизма». Прошли годы – и вот подведена еще одна жизненная черта: в 1985 году Нине Ивановне вручили медаль «Ветеран труда».

*Оторвало меня от родимой земли
И носило меня по России,*

*Только корни к земельке тверской приросли,
А душа возвращенья просила.*

Породнившаяся с Уралом и Качканаром, Нина Ивановна всегда чувствует глубокие тверские корни и, послушная зову души, периодически возвращается в родные края, поскольку

*Сплела невидимые нити
Энергия моей земли –
Опять к тебе, моя обитель,
Меня дороги привели.*

Энергия родной земли питала ее с самого детства, давала деревенской девочке силы, чтобы выстоять в нелегкую военную пору. И до сих пор эта энергия вдохновляет Нину Рождественскую, которая в пенсионном возрасте обратилась к лирическому творчеству и успешно уже много лет пишет свою поэтическую биографию.

Капельки ее души

Она взялась за перо – и богатая женская душа вылилась на бумагу трогательными живительными капельками. **«Это – капельки души»** – так называются уже два ее поэтических сборника. А одно из стихотворений названо **«Моя малая родина»** Оно начинается так:

*Стоит печально церковь старая,
Укором брошенным тоскуя и скорбя.
То Русь моя, священная, усталая,
Большая моя Родина и малая
Глядела на детей своих, любя.*

Чувство родины, большой и малой, живет в каждой строчке, в каждой капельке авторской души, которая обладает удивительным свойством – умением слушать музыку земли.

*Нет, не февральское затишье
Под старость лет в душе застыло –
Я музыку земную слышу,
И сердце я не остудила.
Все те же мысли, побужденья,
Все те же человечьи страсти,
Порывы, горести, волненья,
Что нам даны землей для счастья.*

Человек рожден для счастья. Убежденная в этом, Нина Ивановна глубоко страдает оттого, что пути к народному счастью порой

оказываются очень сложными, непроторенными, запутанными. Многие ее стихи – это раздумья о судьбах страны, о человеке.

*Не хватило ума тем, у власти стоящим,
Чтобы призрак о счастье сковать настоящим –
И страну мою бросили в рыночный мир,
Где делец, олигарх и хапуга – кумир.*

Душа, брошенная в рыночный мир, многое не может понять и не хочет принять – и у автора рождаются новые вопросы:

*Где правда жизни, где же суть?
Как прожитое можно оправдать?
Кто направляет поколений путь,
Какой провидец может угадать?
Не выбирают веру много раз,
И, как белье, не сбросишь идеалы.
Они в крови замешаны у нас,
Они для славы, гордости державы.*

Да, то, что замешано в крови и усвоено с детства, кажется самым правильным, чистым, святым. Все свои знания, весь свой труд – Родине, во имя ее гордости и славы. Разве это неправильно? Человек славен трудом – разве это несправедливо?.. И больно, очень больно оттого, что теперь – иные ценности, другие герои и кумиры.

*Мир поделен. Побита справедливость.
Добро и зло бытуют в одночасье.
На то, как видно, божья милость:
Без мук нам не познать земного счастья.*

Лирический герой Нины Рождественской – человек, верный идеалам своей юности, человек, которому трудно вписаться в непривычный и непонятный мир. В одном из стихотворений есть такие, рожденные болью души строки:

*Идеалы мои новой жизнью сожгли,
Их кострище еще пепелится,
Все, чем жили, любили и что берегли –
Бьется в сердце бескрылою птицей.*

Жили, любили, берегли. Отстояли эти идеалы и Родину в борьбе с фашистами. Теперь дети войны, для которых была «война трудовая», стали пенсионерами. У них теперь другие радости – и новые вопросы.

*Всю жизнь куда-то бежал,
Мечтал, к чему-то стремился.
Час пенсионный настал –*

*Внезапно бег прекратился.
И вот обиваем пороги:
Субсидии, помощи, льготы...
Бездушны чиновники, строги,
Им «по боку» наши заботы...
Куда ты, Россия, летишь
В греховной своей колеснице?
Коль старых сегодня не чтишь –
Как слава твоя возродится?*

Отдавшая всю свою жизнь стране, Н.Рождественская на равных разговаривает с Россией, призывая остановить «греховную колесницу», подминающую человеческие судьбы. Особенно ей больно и тревожно за молодежь, за ребят, которых посылают на смерть в наше «мирное время».

*Он шел с трудом на костылях,
Красивый, стройный, молодой,
Он ковылял на трех ногах,
В глазах с запрятанной тоской,
Что стала вдруг его судьбой...
Зачем ему нужны Чечня,
Весь ужас ада, смерти, боли?..
Но, клятву Родине храня,
Потоком вражьего огня
Калекой стал по чьей-то воле*

Все волнует Нину Рождественскую: и гибель «Курска», и дети Ирака, и «оранжевая революция» на Украине. Кажется, нет такой грани жизни, которая не отлилась бы поэтической строкой этого неравнодушного автора.

*А мне б – цвело зарею небо,
Кружилась в космосе земля,
И пахло в доме свежим хлебом,
И плыли трели соловья.
И чтоб с экрана не мелькали
«Горячих точек» смерть и кровь,
А наши люди вечно б знали
Надежду, веру и любовь.*

Любовь. Капельки души, наполненные этим чувством, делают поэзию Н.Рождественской очень светлой. Любовь к детям и матери, к родному тверскому краю, к Уралу и Качканару, к русской природе, к России. И, конечно, любовь к русскому языку, за чистоту которого ратует автор, любовь к поэтическому слову. Член литера-

турного объединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий», Нина Ивановна пишет и о творчестве.

*Пошли мне, Господи, еще стихотворенье!
Я утоплюсь в нем, убегу от буден,
И иппокрена, мой источник вдохновенья,
Со мной на «ты» сегодня ночью будет.
Чтоб не терзать себя воспоминаньем,
Не ворошить слова и зло дневное,
А, мощной силой озвучив сознание,
Я в том стихе найду кусок покоя.
И отдохну, как небо после бури,
Когда мой стих на белый лист прольется.
Быть может, он созвучен близким будет,
Встревожит, обогреет, отзовется.*

Нет сомнения, что каждая поэтическая строка Нины Рождественской будет созвучна чьей-то душе, кого-то встревожит и обогреет.

Сейчас в жизни Нины Ивановны – пора золотой осени.

*Вплела береза в сентябре цветные косы,
Белеют утром на траве седые росы.
Краснеют листья на ветвях лесной осины,
И воздух стал такой прозрачный, светло-синий.*

И все-таки, беседуя с первым осенним месяцем, таким ярким и нарядным, женщина просит:

*Не приходи ко мне, сентябрь, не приходи!
Не бреди меня так рано, погоди.
Ты вновь меня своей красой заморозил,
Но ветер первый лист сорвал и закружил.
Не приходи ко мне, сентябрь, не приходи,
Жесточкой болью не коснись моей груди.
Проходит ясной синевою бабье лето.
За что любовь меня покинет – нет ответа.*

Золотая осень. Прекрасный, зрелый возраст. Хотя и грустно сознавать, что ветер уже срывает и кружит наши первые листья. И все же бабье лето приходит ясной синевою. Думаю, что мятежная и чистая душа Нины Рождественской каждой своей капелькой еще долго будет согревать и радовать читателей. Недаром поэтический сборник заканчивается циклом «Жизнь продолжается». И продолжается творчество.

Успехов Вам, Нина Ивановна, на тернистых и вдохновенных поэтических тропах!

Четыре времени года

Весна

О приходе весны сообщала Обь: сначала река темнела, потом под осевшим снегом трещал и ломался лед, наконец, Обь свободно вздыхала – начинался ледоход. Притихшие мальчишки и девочки часами смотрели на реку, слушая могучую музыку весеннего пробуждения, а потом долго бежали по крутому берегу, стараясь догнать шальные льдины.

В конце апреля начиналась навигация, и городок речников оживал. Торжественно провожали водников в первый рейс.

Не хотелось Гале расставаться с отцом. Андрей Иванович был большим другом дочери. Это он научил её слушать дыхание Оби и журчание первых ручейков под снегом, замечать в лесу первую проталинку и первые весенние цветы. Галя знает, как просыпается земля и когда встает солнце, она умело читает азбуку леса. Хорошо идти лесной дорогой, рядом отец с ружьем да Моряк-охотничья собака, которая то забегает вперед, то отстает далеко позади. Интересно слушать рассказы отца. Вот он остановился, снимает ружье и подает его дочери. Она долго ждала этой минуты... Метилась в пенек – попала в муравейник, потом долго болело плечо, и все-таки было приятно. Отец учил ее стрелять, плавать, «резать волну», управляя лодкой. И дочь речника умела все.

А когда кончался учебный год, Андрей Иванович брал Галю в рейс. Он водил по Оби грузовые и пассажирские суда. За целое лето, проведенное с отцом да с сибирской природой, девочка покрывалась темным загаром, становилась выше и сильнее, посветлевшие волосы блестели на солнце, а в глазах даже зимой отражалась водная гладь и светилась радость.

Так и росла она, набираясь сил, как земля весной. Окончила девять классов и поступила в Томское медицинское училище. Училась с удовольствием, увлеченно. Потом так же увлеченно и с удовольствием работала в Кузбассе, куда ее направили по распределению. Люди любили молодого фельдшера, верили ее внимательным глазам, в которых светилась весенняя радость.

Лето

Солнечное воскресное утро обещало жаркий день. Весь Новосибирск двинулся за город: на автобусах и легковых машинах, на велосипедах и пешком. Сосновый бор на берегу Оби, прекрасный пляж и водная станция, много света и чистого воздуха, и тысячи отдыхающих. Из репродуктора льется музыка.

Утихла музыка, минутное молчание, потом негромкие, тревожные слова. Говорил Молотов, он обращался ко всем...

Так же спокойно несла свои воды Обь, а люди, в смятении и горе, были подобны бурной реке, которая текла в город: в переполненных автобусах и машинах, на велосипедах и пешком люди спешили в Новосибирск.

Галя сидела с друзьями в машине, было душно и жарко. «Сегодня, 22 июня... сегодня, 22 июня...» все еще звучало в ушах, и она никак не могла поверить, не могла осмыслить и понять...

Потом поверила. Если дом отдыха стал госпиталем, а она – операционной сестрой, если сюда, в глубокий тыл, идут и идут эшелоны с ранеными, – значит война.

Потом ушла на фронт, где все поняла и осознала. Брянские леса и Пинские болота, Смоленск и Сталинград – много трудных дорог прошла сибирячка Галя, познав горечь отступления и радость побед. Десятки раненых бойцов вынесла с поля боя эта хрупкая на вид девушка. Ползала по-пластунски, скакала верхом, метко стреляла, была на передовой, ходила в разведку, вместе с хирургом оперировала раненых – не в светлой операционной, как было в тылу, а в укрытиях да землянках, в перерывах между боями.

Каждый день видела огромное горе и скромный героизм советских людей.

В один из летних дней в горящем Сталинграде, защищая русскую реку, погиб солдат-грузин, студент Тбилисского института. Погиб, но связь с другим берегом восстановил.

Недавний выпускник военного училища, молодой фельдшер Борис Малинин был всеобщим любимцем. Он погиб в разведке, на подступах к Смоленску. А разведчики, среди которых была и Галя, шли дальше. На пути – сожженная деревня. Ни одного человека, никакого звука... Вдруг в напряженной тишине послышался детский плач. На пепелище сидел мальчик лет четырех и жалобно звал бабушку. Не слышала бабушка, она была мертва. Испуганно-го и грязного, полураздетого и босого, забрали мальчишку развед-

чики.

Так в санитарном батальоне появился маленький Борис Малинин. Его постригли и помыли, из маскировочных халатов сшили белье, из гимнастерок – одежду. Борька стал общим любимцем. Если приходила почта, каждому хотелось получить письмо из рук этого мальчика. Все внимание, все улыбки, вся неистраченная мужская ласка – ему, Борьке Малинину. Раненые подолгу беседовали с ним, рассказывая о своем доме и семье... Все лето и осень был Борька на фронте. Его присутствие грело солдат, быстрее залечивало раны, разжигало ненависть к врагу... С наступлением холодов отправили Борьку в военный госпиталь, а оттуда – на большую землю.

И когда солдаты шли в бой со словами «За Бориса Малинина!», Галя знала: они мстят врагу за погибшего Малинина-старшего и сражаются за маленького Борьку, защищая его сон и покой, защищая мир на земле.

Многое поняла и осознала теперь Галя. Она росла и мужала вместе со своей страной. Росла, как колос в дружном поле: питаюсь соками земли, он зреет с каждым летним днем. За четыре военных года девушка прошла славный путь: от юности к настоящей духовной зрелости. И этапы этого пути – восемь правительственных наград Галины Андреевны.

Осень

– Сколько лет здесь живу и все не налюбуюсь качканарской осенью... Без этой рудной горы не было бы и города. Гора – это слава Качканара и его красота... – так говорит одна из дочерей Галины Андреевны, когда они погожим осенним днем всей семьей едут в сад.

Их четверо. Галина Андреевна и Борис Петрович Соколов встретились в Германии вскоре после войны и с тех пор идут по жизни рядом. Десятый год живут в Качканаре. Борис Петрович – работник треста, сначала был диспетчером, а теперь с коллективом СУ-3 трудится на строительстве Лайского комплекса. А Галина Андреевна – бессменная работница санэпидстанции. Соколовы вырастили дочерей, таких же скромных и трудолюбивых. Старшая, Алла, после школы окончила строительный техникум, сейчас работает в тресте, учится заочно в Уральском политехническом институте, а вечером преподает черчение в строительном техникуме. Младшая, Люба, выпускница Свердловского электротехникума связи, работает электромехаником в городском узле связи и явля-

ется заочницей горного института.

Довольны отец и мать, что дочери нашли дорогу в жизни, что растут активными, беспокойными, что волнует их красота земли. Вот идут они сейчас все вместе в сад и любуются Качканар-горой, где на фоне темной зелени золотятся пряди берез да пылают костры осин. Идут молча, слушая шуршанье листьев под ногами и вдыхая запахи осеннего леса. Потом весело работают в саду.

Богатый нынче урожай, особенно уродились ягоды. Всю весну и лето кропотливо трудились Соколовы в саду, заботливо ухаживали за каждым растением – и осень принесла плоды. Щедро платит земля человеку за труд.

Так бывает всегда. Вышел в жизнь человек. Простой, незаметный, обыкновенный, как все. И живет обыкновенно и просто, спокойно и честно делает общее дело. Огорчается и радуется, любит... Проходит звонкая и юная весна, проходит лето – с ливнями и грозами, в заботах и трудах. А когда наступает осень, то оказывается, что у простого, обыкновенного человека богатая и яркая душа, красивая и щедрая, как осенняя природа. Приходит к человеку осень и приносит плоды: уважение товарищей, любовь детей, моральное удовлетворение. Осень всегда золотая, если правильно жил человек, если в пору весны пустил в землю крепкие корни.

Вот и к Галине Андреевне пришла золотая осень...

Зима

Стрелки часов сошлись на двенадцати.

– С Новым годом! – говорят с голубого экрана, и звучит торжественная музыка.

– С Новым годом! – говорят Соколовы, сдвигая бокалы с шампанским. И слушают музыку, что звучит в душе у каждого.

Сколько длилась эта минута, Галина Андреевна не знает. Может быть, целую вечность, а может быть, один новогодний миг, но в нем было все: первый подснежник и добрая улыбка отца, спокойная, величественная Обь и горящая Волга, Борька Малинин и дымные улицы Берлина, золотая качканарская осень и счастливые глаза юных дочерей.

Вот стоят обе девочки рядом и преданно смотрят на родителей. Они гордятся своим отцом, спокойным, отзывчивым, чутким. Они любят мать беззаветной детской любовью и по-взрослому, глубоко уважают эту женщину за ее скромность и мудрость, за большое человеческое мужество. Недавно друзья проводили Галину

Андреевну на пенсию, она немножечко взгрустнула, и дочери понимали: трудно к этому привыкать. Их мать по-прежнему неугомонна, всегда в работе ее беспокойные руки, всегда молода и трепетна ее душа. У этого родного человека учатся девочки жить; жить просто и ясно, не сгибаясь перед трудностями.

...Сверкает огнями елка, светится голубой экран, звучит праздничная музыка, страна вступает в новый год. За окнами сыплет пушистый снежок. Влюбленно смотрят девочки на мать. В ее волосах тоже легкая снежная прядь, а в добрых, с поволокою глазах плещется обская волна далекой и вечной юности.

1972 год

Он защищал Сталинград

Уважаемый Вениамин Николаевич!

Примите искренние поздравления со знаменательной датой – юбилеем Сталинградской битвы.

65 лет назад на волжской земле, политой кровью сотен тысяч наших солдат, решалась судьба Отечества, будущее всего мира. Эта поистине великая битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны, предопределила крах нацистской тирании. Отсюда, с берегов Волги, начался долгий путь к Берлину, к Победе.

Сталинград – наша слава, наша гордость! Прошли годы, минули десятилетия, но, сколько бы лет ни прошло – Сталинградское сражение навсегда останется в памяти людей как символ беспримерного мужества и силы духа нашего народа.

Спасибо Вам за отвагу и стойкость! От души желаю доброго здоровья, бодрости духа и всего наилучшего.

Президент Российской Федерации В.В.ПУТИН

Это поздравление размещено на стенде. А рядом и Вениамин Николаевич Коптелов. С большого портрета смотрит он на классную комнату, ставшую музеем школы №2. И, конечно, благодарен ребятам за их внимание к прошлому, к истории своего края. Вот экспонаты, отражающие быт России конца XIX – начала XX веков. Прялка 1890 года, чугунные и паровые утюги, чугунок, лапти, вязанный кружевной подвес. Эти и другие предметы, удивляющие современных школьников, Вениамину Николаевичу хорошо знакомы. А вот экспонаты по истории Качканара и родной школы.

Но, пожалуй, самый богатый материал – о Великой Отечественной войне: фотографии, газетные вырезки, сочинения учащихся, воспоминания ветеранов, видеофильмы, стенды, альбомы-альманахи. «Навечно в памяти народной», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Поклонимся великим тем годам», «Подвигу жить в веках», «История моей семьи в истории страны». «Юные герои Великой Отечественной войны».

А вот и стенд, посвященный легендарному сражению на Волге. Среди прочих материалов есть скромная информация «Наши земляки – участники Сталинградской битвы». К сожалению, из этого небольшого списка лишь один ветеран в настоящее время

живой – В.Н.Коптелов. Вот он смотрит на нас с большого портрета. Вот Вениамин Николаевич с ребятами из поискового отряда, председателем городского совета ветеранов Ю.А.Кораблевым и руководителем школьного музея Л.Д.Черняевой. Учитель с 45-летним стажем, отличник народного образования, неравнодушный и увлеченный человек, именно Лидия Дмитриевна семь лет назад открывала музей школы №2 и за эти годы вместе с ребятами наполнила его богатым содержанием. Активно идет поисковая работа. Учащиеся встречаются с ветеранами, записывают их воспоминания. Вот что рассказал ребятам Вениамин Николаевич Коптелов.

Из воспоминаний фронтовика, записанных поисковым отрядом 6-б класса.

Родился я в Нижней Туре 23 октября 1923 года. Я третий ребенок в рабочей семье, где было пятеро детей. Всех надо было накормить, одеть и обуть, и все мы рано привыкли к труду.

В 1930 году переехали на Косью, где прошли мои школьные годы. Учился я только до четвертого класса. Жизнь была нелегкая: голод, холод, нищета. И в 13 лет пошел я в артель старателем, мыли платину. Там и работал до 1941 года.

В июне началась война. Фашистская Германия напала на Советский Союз – и все наши люди встали на защиту Отечества. Я ушел на фронт 2 сентября 1941 года. Враг был зол и коварен. Храбро сражались наши солдаты, но все же пришлось отступать и временно отдать наши земли: Прибалтику, Молдавию, Украину, Белоруссию. Враг торжествовал и надеялся захватить Москву. Мне пришлось защищать столицу нашей Родины. Из Камышлова Свердловской области я вместе с другими был отправлен под Москву. Сражение было жестоким, и мы понимали, что дальше отступать нельзя. Бились храбро, погибали, но не сдавались. 6 декабря я был ранен. Лежал в госпитале.

Мы разбили немца под Москвой. Но фашисты прорвали оборону Юго-Западного фронта и двинулись к Сталинграду. Надо было их задержать. Наше командование направило на защиту Сталинграда две резервные армии, в составе которых был и я. Сталинградский фронт – между Волгой и Доном. На каждом заводе были созданы батальоны добровольцев-ополченцев. Все готовились к защите Сталинграда. Фашистам удалось прорваться на окраину города, к тракторному заводу. Там и встретили их мы и батальоны рабочих добровольцев. Бой шел весь день и всю ночь. В этом бою

я снова был ранен. Гитлеровцы в город не вошли. Еще утром 2 февраля 1943 года они пытались оказать сопротивление на окраине города, а в 4 часа дня в городе на Волге наступила тишина. Выстояли! Победили!

Прослужил я в армии с сентября 1941 –го по сентябрь 1945 года. Получил звание старшего сержанта. Начинал войну в Москве, а закончил в Европе. Имею медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и орден Славы III степени. И несколько юбилейных медалей.

Скромный рассказ ветерана дополняют бесценные документы, бережно хранящиеся в музее. Это благодарности Верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина. Благодарностей – десятки. Вот, например, 1944 год. «За отличные боевые действия...участнику блестящих побед над немецко-фашистскими захватчиками» старшему сержанту В.Н. Коптелову были объявлены благодарности: за овладение городом Умань (Украина) – приказ №22 от 10 марта; за овладение городом Вапнярка (Украина) – 16 марта; за форсирование реки Днестр, овладение городом Бельцы (это уже Молдавия) и за выход на государственную границу – реку Прут – 26 марта.

По эти документам можно судить, как быстро двигались наши войска, освобождая советскую землю. Год 1945-й. Только в январе Вениамин Николаевич получил семь благодарностей: первая – за освобождение столицы Польши Варшавы, последняя – за вторжение в немецкую Померанию. В марте – за овладение городом Альтдамм и ликвидацию сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер, восточнее Штеттина. А в начале мая 1945 года – за овладение городом Берлин.

Достоинво воевал наш земляк. Достоинво работал и после войны. С благодарностями за ратный подвиг соседствует Почетная грамота, которой был награжден в 1978 году слесарь-сантехник ЖКК Вениамин Николаевич Коптелов за добросовестное отношение к работе и в честь празднования 60-летия Вооруженных Сил.

Два года назад ветеран получил президентское поздравление с 65-летием Сталинградской битвы. А нынче страна кланяется ему, поздравляя с 65-летием Победы. Поклонимся и мы Вениамину Николаевичу. Поклонимся всем павшим и живым! Поклонимся великим тем годам!

Красноартеец Шупенова

Они гуляли в зеленой зоне восьмого микрорайона. Две Анастасии. Правда, этот прибрежный лесок был еще гол и прозрачен, и земля, едва освободившись от снега, еще не зеленела, а чернела. Но уже и тут и там белели маленькие и нежные, храбрые и закаленные вестники весны.

– Подснежники, подснежники!.. А вот еще! – восклицала маленькая Анастасия, по-детски радуясь своей восьмой весне.

«И снова май», – тоже радостно думала старшая Анастасия, для которой эта весна уже восемьдесят четвертая.

Я встретила их в начале мая с маленькими букетиками подснежников в руках и одинаковым восторгом в глазах. Подумалось о быстротечном времени, о тех почти восьми десятках лет, что пролегли между этими Анастасиями. Первоклассница Настя, тоненькая и белокурая, как подснежник, еще не знает, что в жизни ей не раз потребуется мужество и стойкость этого весеннего цветка. Зато хорошо это знает Анастасия Евдокимовна. Небольшого роста, лишь на голову выше своей правнучки, эта хрупкая с виду женщина преодолела все жизненные невзгоды, выстояла во всех испытаниях – и вновь распахнула сердце навстречу весне.

Вот скоро растает лед – и опять заплещется качканарское «море», которое, в представлении Насти, здесь было всегда. А ее прабабушка хорошо помнит то время, когда тут бежала веселая речка Выя, очень похожая на Вагранку, реку ее детства. Анастасия Евдокимовна с тоской вспоминает и Вагранку, и родную деревню Артуровку, что недалеко от Верхотурья, и ту далекую пору, когда она была в Настином возрасте.

В большом бревенчатом доме жила их большая и дружная семья во главе с дедом-вдовцом Петром Шупеповым. Четыре его сына (Роман, Федор, Андрей и Евдоким) с женами, их уже взрослые дети и внуки – все, от мала до велика, любили и почитали Петра Семеновича, который верно хранил семейные устои и мудро правил крестьянским хозяйством. Лошади, коровы, прочая домашняя живность, земля, на которой трудились стар и мал, – все это несметного богатства не приносило, но позволяло семье жить безбедно.

– Нас даже раскулачивать хотели, – вспоминает Анастасия Евдокимовна.

– Ты чего сидишь? Вас ведь раскулачивать поехали! – сказали ее отцу, работавшему тогда в Верхотурье.

Евдоким Петрович на коня и во весь опор в Артуровку. Успел.

– Отдохните, – говорит, – заночуйте у нас. Вечером вся семья соберется.

Вот и вечер пришел, и вся семья в сборе – человек тридцать. Удивились гости незванные. Рой, настоящий рой – и все труженики. Ни одного трутня, ни единого кулака не обнаружили. «Так кого же тут раскулачивать?» – так подумали, так и сказали. Видно, поступили по совести, а не по разнарядке.

На кулаков-то ведь батраки работали, а Шулеповы «батрачили» сами. Настя, младшая из четверых Евдокимовых детей, уже в семь лет и коров доила, и траву косила, и хлеб жала; тяжело, конечно, но не в насаду. Да и про усталость быстро забывала, стоило лишь немного отдохнуть и побежать к сверстникам. Бойкая и веселая, большая выдумщица, Настя была заводилой у деревенской ребятни. В школе училась с желанием и интересом, хотя школа та за 28 километров от Артуровки. Закончила пять классов – и была по тем временам человеком грамотным.

Перед войной она училась на сандружинницу, окончила курсы молодого бойца, где девушек учили стрелять, разбирать и собирать автомат, даже прыгать с парашютом, правда, не с самолета, а с какого-то высокого примитивного сооружения. И все-таки это помогало собраться с духом, преодолеть страх и хоть на миг почувствовать себя в полете. В то время Настя еще не знала, что умение преодолеть себя, когда от страха замирает сердце, очень пригодится ей на войне.

А война уже катилась по советской земле, пожирая города и села, человеческие жизни. Ее огненное дыхание чувствовалось и в глубоком тылу. Здесь, далеко от фронта, это дыхание было не огненным, а леденящим, сковывающим душу. Холодом дохнула война и на Шулеповых; вместо треугольных писем им один за другим пришли два скорбных листка: в самом начале войны погибли Федор и Андрей, два Настиных дяди. Ее брат Иван был уже на фронте. Готовилась в путь-дорогу и Анастасия: возраст-то призывной. И вскоре девушка не только почувствовала дыхание и отголоски войны, а увидела ее жестокое лицо, ее противочеловеческую сущность.

Это было в Калуге, в госпитале. Сколько раненых, сколько крови и боли!.. Вот на носилках старшина.

– Ну, дорогой, поедем!..

– Куда?

– Сначала в санпропускник: помыть тебя надо. А потом – на четвертый этаж.

– На чем же поедем?

Настя похлопала себя по плечу и молча улыбнулась.

– Да я придавлю тебя, кнопку этакую!.. – он пытался протестовать и, наверное, злился на себя за то, что, израненный, обессиленный, он вынужден подчиниться этой похожей на школьницу девушке и ехать на ее хрупкой спине.

«Вот уж насада, так насада», – думала Настя, сгибаясь под этой живой ношей, но, стиснув зубы, преодолевала ступеньку за ступенькой и подбадривала бойца и себя:

– Ничего, ничего, потерпи, потерпи, еще немного, скоро приедем...

И вот, наконец, старшина на больничной койке, а Анастасия, выпрямившись, вдохнув полной грудью и улыбнувшись бойцу, торопится вниз. И так целый день: бегом по ступенькам вниз и медленно, с новым раненым – вверх.

В госпитале ей понадобились не только навыки сандружинницы, но и что-то неизмеримо большее. Она не задумывалась о том, откуда бралась у ней физическая сила. А если бы было время задуматься, то, вероятно, поняла бы и почувствовала, что сила эта идет изнутри, что это сила духа, сложенная из сострадания, из чужой боли, жгучего желания помочь раненым и такой же жгучей ненависти к войне, обрекающей людей на жертвы. Как и другие санитарочки, Настя делала перевязки, писала письма под диктовку раненых. А старшину, своего первого «пациента», она запомнила навсегда.

Однажды сказали:

– К твоему старшине мать приехала.

Настя проводила женщину до палаты:

– Подождите немного. Войду первая, подготовлю его.

И вошла:

– А для вас сегодня радость!

– Письмо принесла?

– Нет, не письмо.

– Неужели мама?

И когда гостья вошла в палату, старшина первым делом сообщил:

– Мама, вот та малышка, о которой я писал... Такая сильная малышка...

– Спасибо тебе, девочка, – сказала растроганная мать.

Девочка, малышка... А ведь ей уже двадцать два. Но при добром и веселом нраве да при ее маленьком росте, очень живая и общительная, Анастасия и впрямь напоминала бойкого, даже озорного подростка.

– У вас откуда девчата? – услышала как-то она в госпитале разговор одного военного гостя. – Может, кто-нибудь из них пожелает быть шофером?

Желающие нашлись. Они написали рапорты. И через месяц учебы в Подольске двое из 25 человек (Настя да Вера из Рязани) получили водительские права. Остальные девушки были пока стажерами. Анастасия Евдокимовна до сих пор хранит «Удостоверение шофера третьего класса», которому 3 сентября 2003 года исполнилось уже 60 лет. Хранится у ней и талон, первый и единственный талон, на котором нет ни одного прокола.

Эти маленькие, поблекшие от времени документы – память о фронтовых дорогах, а точнее – о Второй военно-автомобильной дороге Москва-Брест. Именно туда, в распоряжение 12-го дорожно-комендантского управления (ДКУ), осенью 1943 года поступил свежее испеченный шофер Анастасия Шулепова. Главной задачей командования дороги было обеспечение бесперебойного движения по этой автомобильной артерии.

Движение – хорошее слово, прекрасное состояние. Но когда идет война, кажется: весь мир пришел в какое-то адское движение. Бои, бомбежки, кровь и смерть, зловещие запахи и звуки... Никогда еще не видела Анастасия столько людского страдания и горя. Ей, человеку деревенскому, невыносимо было смотреть на горящие поля, истерзанную землю. Утешало лишь то, что движение шло уже не на восток, а на запад: ведь в 1943-м Красная Армия на всех фронтах перешла в наступление. На запад, на запад – добить, остановить тех, кто завел эту адскую машину! Военная автодорога Москва – Брест протянулась дальше: на Варшаву и Берлин. И каждая передислокация радовала теперь больше и больше, хотя трудностей и лишений не становилось меньше. Совсем как в песне: «Шли мы дни и ночи, трудно было очень, но баранку не бросал шофер».

Не бросала ее и Настя. Она доставляла продукты на комендантские участки, возила раненых, вместе с машиной участвовала во многих операциях. До сих пор помнит Анастасия

Евдокимовна, как (уже в Польше) ловили немецких парашютистов-десантников, как на ее машине везли их в комендатуру. А еще она помнит встречу с Рокоссовским. Зайдя как-то в комендатуру и увидев его, Анастасия не растерялась.

– Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру? – и четко отрапортовала.

– Чей это солдат? – статный красивый маршал посмотрел на девушку с высоты своего могучего роста, одобрительно отозвался о ней и сказал: – Да ей бы еще в куклы играть! – и эти слова прозвучали в его устах как приговор войне.

Да, рожденная не для войны, эта девушка-дюймовочка стала фронтовым шофером. И воевала достойно. Вот «Карточка взысканий и поощрений на красноармейца Шулепову А.Е., в/ч 12-го ДКУ (дорожно-комендантского управления)». Взысканий в этой карточке нет, а поощрений за 1943-45 годы более десятка. За отличное знание Устава Красной Армии и высокую воинскую дисциплину. За хорошее содержание оружия. За успехи в боевой и политической подготовке и хорошую выучку. За отличное выполнение задач, поставленных командованием автодороги. За отличное несение службы в период передислокации. Вот приказ. *«За образцовое выполнение задач по обеспечению бесперебойного движения по дороге Москва-Брест в период весенней распутицы 1944 года объявить благодарность и наградить знаком «Отличный дорожник» рядового Шулепову А.Е.»* А вот несколько строк из характеристики на красноармейца Шулепову А.Е. *«За весь период службы (с сентября 1943 года) была образцом высокой воинской дисциплины и порядка в подразделении. Работая шофером, красноармеец Шулепова не имела ни одной аварии и катастрофы, ее машина всегда в исправном техническом состоянии. В работе Шулепова А.Е. трудолюбива и исполнительна. Выдержанна, морально устойчива, пользуется уважением личного состава».*

А рядом с этими записями – фамилии, словно автографы на вечную память: младший лейтенант Кудинов, капитан Языков, начальник главного дорожного управления генерал-лейтенант Кондратьев... Где они сейчас? Все ли живы? Анастасия Евдокимовна бережно складывает эти истершиеся на сгибах листочки, улыбается: «Поизносились мы...». А из карих глаз льется свет ее далекой юности. Мы перебираем с ней эти документы-реликвии и награды. Медаль «За Победу над Германией», орден Отечественной войны второй степени, медаль Жукова и много послевоенных юбилейных медалей.

Есть у Анастасии Евдокимовны и еще одна послевоенная награда, самая свежая. Автомобиль «Ока», подаренный ей государством. В тот торжественный день, когда вручали ей эту награду, Анастасия Евдокимовна открывала дверцу «Оки» с таким волнением, будто садилась за руль своей первой машины. Она вспомнила и родимый «ЗИС-5», и чужой «студебекер», на котором колесила по Европе; вспомнила пыль и грязь военных дорог, те огненные версты, которыми шли к Победе. На какой-то миг ей показалось, будто она опять в том суровом времени, молодая и дерзкая. И будто нет шести десятков послевоенных лет...

Но они были, они есть. Об этом ей напомнила и новенькая «Ока», такая аккуратная и чистая; и этот город, тоже чистый и молодой; и чистое небо над ним; и мирные дороги, по которым предстояло бегать ее «Оке»... Справившись с волнением, А.Е.Шулепова уверенно взялась за руль и тронула с места так плавно, что сидящий рядом Сергей, муж ее средней внучки Ольги, искренне удивился. Машина была послушна рукам ветерана и, наверно, вместе с Анастасией Евдокимовной радовалась, что под колеса бегут первые километры, мирные километры.

Разве думала А. Шулепова, отважный фронтовой шофер, что когда-нибудь у нее появятся собственный автомобиль и личный водитель?.. Да, когда на твоём спидометре уже девятый десяток лет, то лучше сидеть не за рулем, а в салоне, хоть и небольшом, но таком уютном. А за водителя теперь старшая внучка Ирина, которая уже отвозила бабушку в госпиталь, а после лечения привезла обратно.

Внучек у Анастасии Евдокимовны три и пять правнуков. А живет она в трехкомнатной квартире с дочерью Людмилой Яковлевной и зятем Валерием Васильевичем, с младшей внучкой Юлей и ее мужем Олегом да с правнучкой Настей. Четыре поколения в одной квартире – явление в наши дни редкое, если не сказать уникальное. Беспокойно старому человеку при таком народонаселении? Наверно. И не будь баба Настя внучкой Петра Шулепова, не имей такого доброго, покладистого нрава, не пройди сквозь лишения и невзгоды – вероятно, роптала бы, привередничала, обижалась. Но Анастасия Евдокимовна на жизнь не жалуется. Она благодарна судьбе, что на своем веку повидала и прочувствовала многое: познала радость Победы, вместе со всеми преодолела послевоенные трудности, строила наш юный город. Она счастлива, что дожила до внуков и правнуков, которые, по ее признанию, «умирать не велют».

И пусть уверенно стучит ее сердце-мотор, пускай подольше крутится ее спидометр, и пусть все километры ее жизненного пути будут мирными. А в правнуках пускай продлится жизнестойкость прабабушки и подснежника, этого нежного и отважного цветка, который, вопреки холодам, первым пробивается к солнцу, чтобы украшать землю и радовать людей.

2004 год.

Шамины

Родина зовет

Счастье пришло неожиданно. Оно явилось к нему в образе курносой смешливой девушки. Девушка только что окончила двухгодичные курсы медицинских сестер и приехала работать на Косью. Невысокая, с прямыми русыми волосами, обыкновенная для других, для него она была самой лучшей, самой нужной. Встреча с ней наполнила жизнь новым смыслом. Он чувствовал: встреча эта – навсегда. Они решили пожениться.

Несчастье пришло неожиданно. Оно налетело, как вихрь, и коротким словом «война!» разразилось над поселком. Как гром среди ясного воскресного неба. Еще вчера Анатолий Шамин провожал любимую девушку домой, а сегодня она провожает его на фронт.

Небольшая поселковая площадь словно расширилась. Она не могла вместить всех людей и разрывалась, как их сердца от боли. Площадь дышала единой грудью, жила единой мыслью, клочкотала любовью и ненавистью. Играл оркестр, говорили речи. Речи были кратки, как приказ. Анатолию Шамину тоже дали слово. Он увидел огромное людское море, и его захлестнула бурная волна чувств. Анатолий знал, что такое война. Прошло только полгода, как вернулся он с финского фронта. Что сказать односельчанам? И зачем говорить? Надо действовать, надо спешить туда, где уже в течение двух суток идут бои, где гибнут люди. Остановить врага! Или умереть... И простой рабочий парень с драги №27 сказал то, что считал в эту минуту самым важным.

– Или грудь в крестах, или голова в кустах. Так сражались русские солдаты. Не отдадим врагу и мы землю нашу!

Снова грянул оркестр, заглушая тревожный говор и женский плач. Подошли грузовые машины. И вот уже Анатолий наклоняется через высокий борт, чтобы еще раз попрощаться с родными, обнять любимую девушку. А она не может дотянуться. Ее приподнимают чьи-то заботливые руки. Валя смотрит на Анатолия, пытается улыбнуться, а глаза полны слез. Маленькая, хрупкая, она кажется ему похожей на обиженного ребенка, у которого отняли радость, которого надо защитить.

Машины тронулись. Комсомолец Анатолий Шамин уезжал на фронт – защищать свое счастье, свою Родину.

Трудными дорогами

Монотонно, тревожно стучали колеса. Поезд шел по белорусской земле. Скоро Витебск. А пока состав остановился на какой-то небольшой станции. Тут скопилось несколько эшелонов. Тысячи людей – с Урала, из Сибири, из республик Кавказа и Средней Азии. Пожилые и молодые, женатые и холостые, с разными характерами и привычками – все сейчас жили одной мыслью: скорее на фронт!

«Почему остановились? – думал Анатолий. – Надо ехать».

Вдруг тишину прорезал шум моторов. Это на бреющем полете пронесли над станцией немецкие самолеты. Взрывы гремели то тут, то там. Горели здания, горели вагоны. В огне и дыму метались санитары, оказывая помощь раненым. Слышались четкие слова команды. Через несколько часов эшелоны двинулись дальше.

Анатолий недосчитался нескольких своих земляков: одни были отправлены в передвижной госпиталь, другие убиты. Больно терять друзей!

А фронт, должно быть, совсем рядом. До Витебска они так и не доехали: вновь началась бомбежка. Вновь гибли люди, прорваться вперед было невозможно. Назад – тоже. Их окружил немецкий десант. Выходили из окружения небольшими группами. Что стало с другими, Анатолий не знает. А они, около десятка человек во главе с командиром взвода, укрылись в лесистой низине. Усталые, голодные, с риском для жизни пробрались через болото и вышли к своим.

И начались для Анатолия Шамина самые тяжелые дни. Отступление. Нет для бойца страшнее этого слова. Нет больнее той боли, какую при этом испытываешь. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Да, не хотим. И не отдадим, конечно! Победим. Но пока-то отступаем. Бьемся за каждую пядь земли, а идем на восток, на восток, отдавая врагу село за селом, город за городом. На тебя смотрят как на защитника, от тебя ждут победы, а ты... Ни с чем не сравнить это горькое чувство, никакой не измерить мерой!

А какая она большая, необъятная, наша страна! Израненная, политая кровью и потом, родная земля стала еще дороже. Анатолий знал: скоро враг покатится назад. Но сейчас... Как об этом написать домой? Что сказать Вале?

Сестра милосердия

Валя проводила на фронт Анатолия, а через два дня и сама получила повестку.

Эвакогоспиталь в небольшом уральском городке. Он расположен в двух зданиях: в музыкальной школе и школе-десятилетке. Не звучат здесь больше ребячьи голоса, все переоборудовано, все готово к приему больных. А через неделю сюда уже поступило 900 раненых. Несмотря на глубокий тыл, несмотря на то, что война только началась.

За полтора года повзрослела курносая девчонка: тверже и упрямее стали губы, сурово хмурились брови, сердце стало мужественным. Только взгляд был по-прежнему ласковым, добрым. Боль других людей Валя чувствовала всем своим существом, каждой своей клеточкой и страдания раненых старалась облегчить ласковой улыбкой, добрым словом. Она понимала, что нужна им. Это наполняло ее жизнь большим и высоким смыслом.

Эвакогоспиталь в Черниговской области. 130 медицинских работников с Урала: врачи, сестры, санитарки – прибыли сюда сразу после освобождения этого района от фашистских захватчиков. Больно было смотреть на разрушенный город. И Валя поняла: раны на теле земли кровоточат и ноют не меньше, чем на теле человека. Медицинские сотрудники трудились день и ночь, наводя порядок в здании бывшего немецкого госпиталя. И вот все готово.

Каждый день в эвакогоспиталь поступали раненые: фронт был близко. Но рев немецких самолетов в небе слышался все реже и реже, война уходила на запад. Госпиталь находился в пяти километрах от вокзала. Доставить раненых было делом нелегким. Одни без сознания и без движения, другие стонут от страшной боли, третьи ругаются, четвертые молча проклинают войну. Привезут их в госпиталь, сделают санобработку, накормят, уложат в чистую постель – и раненые спят, бывало, по двое суток кряду. Встревожится Валя: уж живой ли? Подойдет, послушает – спит. Устал человек, пускай отдохнет, война еще не закончилась.

В карманах Валиного белого халата чего только нет: карандаш и бумага, папиросы, табак и газеты на самокрутки. Зайдет в палату, улыбнется:

– Ну, ребятки, кому дать чайку? Кто покурить хочет?.. А для вас, может быть, письмо написать? Подиктуете?

Сколько тепла и света, сколько внутренней силы в этой маленькой сестричке! С ней быстрее заживают душевные и

телесные раны, снова хочется жить и бороться.

А она в каждом из этих бойцов видит своего Анатолия. Все они похожи на него: один – цветом волос, другой – открытой улыбкой, третий – манерой речи, а самое главное – тем, что все они оттуда, из пекла войны... Где он сейчас, Анатолий Шамин? Не ранен ли?

Под Сталинградом

Он был ранен под Сталинградом.

Шли оборонительные бои. Храбро сражался командир артиллерийского орудия Анатолий Шамин. Потом началось наступление. Как опытный артиллерист-разведчик, Шамин получил задание занять наблюдательный пункт. Вместе с ним пошли его ребята-разведчики и радисты.

Эту высоту они облюбовали еще с вечера. С наступлением темноты бесшумно и быстро пробрались туда, окопались, установили стереотрубу, буссоль. А когда начался рассвет, огляделись: вражеские орудия, пехота как на ладони. Подготовили данные, чтобы передать их на батарею.

– Батарея, внимание! Прицел – двадцать, уровень – ноль три... Первое орудие, огонь!

И заговорила батарея. Ее горячий говорок радовал сердце. Анатолий подавал новые команды.

«Не удалось! Не вышло?!» – толи восклицал, толи спрашивал он, с радостью наблюдая расстройство и замешательство в рядах противника. Ему вспомнился сейчас жаркий июньский день, уральский поселок, тревожная, охваченная горем площадь и печальные девичьи глаза. – Не вышло?»

Вдруг сильная боль передернула все его тело, и Анатолий резко схватился за свою руку. Она была в крови. Его ранило разрывной пулей. Бойцы перевязали командира.

– Надо бы в госпиталь, – говорят.

– Какой тут госпиталь? Вы посмотрите, что творится. Душа радуется! – восторженно говорил Шамин.

И снова спокойный и четкий раздавался его голос:

– Батарея, внимание!

Бой продолжался до вечера.

А потом был госпиталь. Три месяца чьи-то заботливые руки осторожно перевязывали раны, готовя бойца к новым сражениям. А путь предстоял немалый: от Волги до Берлина. И как вехи на этом пути – боевые награды артиллериста: орден Красной Звезды,

ордена Славы третьей и второй степени, несколько медалей.

СЫН

Вагонные колеса весело стучали: впе-ред, впе-ред, впе-ред! Комсомолец Виктор Шамин ехал на Дальний Восток, служить в рядах Советской Армии. «Впе-ред, впе-ред, впе-ред!» – стучало сердце. Оно билось тревожно и радостно, как на экзамене.

Вспомнились выпускные экзамены в средней школе №4. Вот он, десятиклассник, внимательно смотрит на доску, где написаны темы сочинений. Выбрал свободную: «Готовься к великой цели, а слава тебя найдет». Пишет откровенно, искренне, подводя первые итоги своей семнадцатилетней жизни:

«До сих пор я только брал от людей все хорошее, учился у них жить. Как я понимаю великую цель? Через трудности, через все преграды идти вперед и делать для людей хорошие дела. А слава? Это вовсе необязательно. Можно прожить и без нее. Разве обязательно, чтобы за хорошие дела тебя хвалили? Внутреннее сознание выполненного долга должно быть высшей наградой за твой труд».

Вспомнилось комсомольское собрание в профтехучилище №87. Отчетно-выборное. С отчетом выступал он, Виктор Шамин. А после собрания его, призывника, поздравляло все училище. Говорили хорошие слова, преподнесли подарок, пожелали счастливой службы. Вспомнились ребята из дворцовой агитбригады, которые проводили его до вокзала.

Вспомнились отец и мать: Анатолий Захарович и Валентина Филипповна. На душе стало тепло, а вагонные колеса застучали спокойно и нежно. Сын гордился родителями и по-хорошему им завидовал. Сквозь огонь войны, через всю жизнь пронесли они свою любовь и верность. Живут радостно, работают вдохновенно, не стареют душой. Вместе с молодежью пришли они в тайгу и построили город Качканар. Здесь они стали ударниками коммунистического труда, а Анатолий Захарович кавалером ордена Октябрьской революции.

Виктор думал об отце и матери, а за окнами вагона проплывали степи, поля и леса, озера и реки, села и города – все, что зовется Родиной. Четырнадцать суток езды – и вот вся страна у тебя за спиной, и ты за нее в ответе. Чувство ответственности перед Родиной, осознанное, может быть, впервые, осталось в нем навсегда. Это чувство было с ним тогда, когда качканарец Виктор Шамин служил в Советской Армии и был, как его отец, артиллерис-

том. Оно живет в нем и сейчас, когда помощник машиниста экскаватора В. Шамин начинает рабочую смену, когда проходит по улицам родного города, когда думает о будущем.

1974 год

А в 2010-м добавлю: Виктор Шамин женился на однокласснице Галине Огибениной. Верны друг другу, родному городу, Качканарскому горно-обогатительному комбинату, откуда они ушли на заслуженный отдых. У них взрослые дети: Виталий, Анатолий, Валентина; растут внук и внучка.

Поезд шел на восток

Анц

Поезд шел на восток. Длинный, холодный состав, толи товарный, толи пассажирский. Вагоны-то явно предназначались для товара, в лучшем случае парнокопытного, но ехали в них люди; точнее же будет сказать – везли людей. А куда везли – люди о том не ведали. Знали только, что не взорвется состав, не взлетит на воздух: войны больше нет. Был декабрь 1945-го, но надрывно-тревожно выл-ревел паровоз, а колеса вагонов упрямо выстукивали: война, война, война!.. И в такт им, громко и надсадно билось сердце Анца.

Он сидел, молчаливый, угрюмый, пытаюсь унять свою дрожь. Иль от стужи она, иль от тех кошмаров, что зловещей тенью бежали за составом. Все вместила эта тень: и Германию с фашистской тюрьмой, и всю Европу, от Дании до Италии, где носили Анца колючие ветры войны. Вот и сейчас мчатся они за поездом – и хочется Анцу подгонять колеса: быстрее! Быстрее от этого страшного прошлого!

Да как же быстрее, если надо остановиться и вернуться назад? Ведь в том прошлом не только мрак – там ясный свет детства, там родимая земля, там его семья, его родная Эстония! Теплая волна приливает к сердцу, размягчает его, делает слабым. Домой, скорей домой!.. Но поезд идет на восток, и ничего не значат ни твои желания, ни твои страдания. Ибо ты теперь спецпереселенец. И тень прошлого преследует тебя. Неужели ж так будет всю жизнь?

Поезд идет на восток. Куда он везет тебя? В будущее? Нет, в неизвестность... А какая большая Россия! Как сурова здесь зима! Как долго тянется дорога!..

Наконец, приехали. Те, кто хоть что-то знал по-русски, читали по слогам, глядя на заснеженную станцию: «Ке-ме-ро-во...»

Так впервые ступил на сибирскую землю Анц Хансович. Здесь вместе с другими переселенцами предстояло ему работать в угольных шахтах, осваивать чужой язык и обычаи, тосковать по родине. Сюда однажды придет ему весточка из Эстонии: «Жену свою не ищите, она взяла развод».

Дуся

Есть в Алтайском крае село Баево. По мнению Дуси Захаровой, самое красивое. Как река Кулунда, как Кулундинская степь. В этом селе и выросла Дуся – с открытой, как степь, душой; свободолюбивая, как степная птица; легкая и быстрая, как река. Под стать своему отцу, независимому одиноличнику, который так и не признал колхоз, хотя корову у них забрали и увели на общий двор.

Жили Захаровы дружно. Кормились и одевались трудом своим. Дуся, ловкая да справная, успевала везде: и по заборам с мальчишками полазить, и помочь по хозяйству дома и в лесопитомнике, где работала мама. По-мальчишески бойкая и резкая, Дуся с нежностью относилась к каждой травинке, ко всякой букашке, умела защитить слабого. И очень любила детей.

В 1939 году кончила она среднюю школу и поехала в педучилище, в город Камень-на-Оби.

– И было у меня ума, как у старого пима: Обь на спор переплывала. Ведь ширь-то какая – другого берега не видать...

Но она переплывала. Отчаянная была и здоровая. А в доказательство неверующим привозила лук полевой, которого на том берегу тьма тьмущая.

Но вволюшку поплавать в Оби, как и окончить педучилище, не довелось: в 1942 году вызвали в горком комсомола. Сказали: «Пишите заявления, что идете добровольцами на фронт». И они написали, и пошли воевать – и учителя, и ученики, окончившие 10 классов. С месяц училась Дуся делать перевязки, ползать попластунски – и готово, на фронт!

Три года была она на передовой. Служила в отдельном автобатальоне. На передовую возили они снаряды и продовольствие, а оттуда – раненых. Постоянная опасность, каждодневный риск. Сколько крови, сколько смертей кругом!.. А Дусю звезда хранила. Да, видно, перед войной и звезды бессильны. Однажды во время бомбежки девушку засыпало в траншее землей – лишилась Дуся зрения.

– Никуда не повезем, в своем лазарете выходим! – решительно сказала врач Ревека Абрамовна. И впрямь недели через две-три Дуся отходить стала. Правда, стопроцентного зрения уже нет, но жить можно. И воевать. Псков, Новгород, Старая Русса... Войну Евдокия Захарова закончила в Латвии.

Ее оставляли в Ленинграде, предлагали учиться, давали квартиру. Но нет – домой, в Сибирь!.. И вот август 1945-го. Поезд идет

на восток. Длинный, веселый состав. Торжественно гудит паровоз: едут победители.

Не думала Дуся, что дома тоже повоевать придется. Оказывается, у мамы огород отобрали и отдали колхозному счетоводу. Явилась Евдокия к счетоводу, возмущенная и решительная:

– Пахать будем!

– Это как же? – опешила та. – А как же я?

– Меня это не интересует. Вы кого обижаете? Беззащитную женщину, сестренку-малолетку да слепую бабушку? Значит, мы с отцом на фронте, а вы тут сирот грабите?... Посторонись, голубочка моя: пахать будем! Видишь: мне уже и лошадь, и пахаря дали...

Это была б не Дуся, если б она поступила иначе. Да и кто вступится за слабых женщин, если хозяин еще домой не вернулся?.. Отец, познавший ужас плена, пришел в 1947-м, израненный, изможденный, с осколками в легких. Но несломленный.

Алласте

Если б Дусе Захаровой сказали, что ей суждено жить под эстонской фамилией, она бы не поверила. А уж эстонец Анц Алласте и предположить не мог, что когда-нибудь женится на сибирячке. Но вот в суровой Сибири в суровые послевоенные годы их пути-дороги пересеклись и стали одной судьбой. Это была встреча навсегда.

Разные характеры. Ну и что? Они прекрасно дополняют друг друга. Говорят на разных языках. Так разве это преграда, если все понимаешь сердцем? Бытовая неустроенность, всякие послевоенные лишения. Да могут ли они испугать их, переживших войну-лихоманку?

Словом, вместе им было ничего не страшно, все невзгоды нипочем, любое дело по плечу.

25 лет в любви и согласии прожили они в Сибири. Потом приехали в Качканар, в город, который строила Надя – младшая Дусина сестренка.

Уже много лет Евдокия Николаевна и Анц Хансович Алласте живут в Валериановске. Мы побывали у них нынешним летом. Хозяйка встретила нас во дворе. Приветливо. Но знакомиться не спешила; первым делом ей надо было накормить всех собак и кошек: своих, чужих, пришлых, которые, видать, хорошо знают дорогу к этому доброму порогу.

– Все живые, все есть хотя, все ласки ждут, – прокомментировала Евдокия Николаевна.

А в доме звенели ребячьи голоса: внучат у бабушки пятеро, и летом тут бывает весело. Мы сидели на «солнечной лавочке», и Евдокия Николаевна рассказывала о своих дочерях Антонине и Татьяне, о сестре Наде, которая ей тоже за дочь; говорила о внуках и прочих радостях жизни, об Урале и Сибири; возмущалась несправедливостью и недостатками – несжигаемыми, непотопляемыми.

– За твой язык тебя скоро посадят, – с приятным акцентом и легкой улыбкой сказал подошедший Анц Хансович. Сдержанный в словах и чувствах, он был полной противоположностью своей говорливой и эмоциональной жене.

А потом они с нескрываемой радостью показывали нам свое хозяйство: огород, теплицу и массу всевозможных приспособлений, придуманных и сделанных Анцем Хансовичем, чтобы облегчить, механизировать домашний труд, в первую очередь женский.

Что касается отношения к женщине, то оно у него уважительное, почтительное, по-джентльменски снисходительное. Отношением к женщине Анц Хансович измеряет достоинство человека. «Кто обижает женщину, тот не мужчина», – убежден он. Не потому ли супруги Алласте живут достойно? Трудностей и лишений у них было немало, но оскорблений и взаимных обид – никогда. «За всю жизнь мы ни разу не поссорились», – говорит Евдокия Николаевна.

Зачем вообще люди ссорятся, дерутся, воюют? Этого Анц Хансович и Евдокия Николаевна понять не могут. Чего людям не хватает? Почему им становится тесно? Почему до сих пор не исчезают изгои, переселенцы, беженцы? Вопросы, вопросы...

А не хочется ли Анцу Хансовичу переселиться и Эстонию? Не жалеет ли он, что не вернулся на родину?

Анц Хансович подумал и сказал:

– Нет, на судьбу свою не жалею. Из Сибири тогда многие вернулись в Эстонию, да не все нашли там счастье: многих из них снова отправили – на север. Жизнь ведь переменчива: сегодня ты прав, а завтра тебя повесят.

Нет, А.Х.Алласте не уехал домой. Теперь его дом здесь: эстонец Анц и сибирячка Дуся стали нашими земляками, уральцами.

Недавно у них в Валериановске побывал гость из Эстонии. Ведь там у Анца Хансовича живут два сына от первого брака: тоже Анц и Арнэ. Есть и три эстонских внука.

Евдокия Николаевна, Анц Хансович и подключившиеся к разговору внучки вспоминали о том, как приезжал к ним дядя Анц. А я старалась представить себе его, 50-летнего мужчину. Что чувство-

вал он, отправляясь из Эстонии? О чем думал под стук вагонных колес?

Наверное, о войне-разлучнице, искалечившей людские судьбы, отнявшей у него родного отца. И о том, должно быть, что родственные чувства сильнее всякой войны. Это она, родная кровь, позвала Анца-младшего в дальнюю дорогу. А еще, вероятно, он думал о том, что каждый человек и все люди должны быть сильнее любой войны, выше всяких раздоров: больших и малых, семейных и гражданских, национальных – каких угодно. Ведь все мы живем на одной планете, все мы – земляне, земляки.

Немало, наверное, передумал Анц, глядя из окна вагона. А навстречу ему бежала Россия. Поезд шел на восток.

1991 год

План смерти храбрых в боях за Ригу

Это – о Ванюшке, юноше, почти мальчишке, который был моим дядей. Сколько их, молодых, безусых, погибло на дорогах войны! Они не увидели победного мая. Но в своих отважных сердцах несли Победу, любовь к Родине – и героической смертью своею приближали светлый май 1945-го. И для нас они навсегда останутся победителями.

Я часто обращаюсь к документам 40-летней давности, которые берегу как семейные реликвии. Перебираю, перечитываю письма из Латвии – и думаю: не сказка, не сон ли это? Читаю – и глазам своим не верю...

«Дорогая Прасковья Васильевна! Коллектив 11 класса Саулкрастской средней школы Рижского района Латвийской ССР сердечно поздравляет Вас с большим праздником нашего народа – Днем Победы! Убедительно просим Вас приехать и присутствовать на торжественном возложении венков на Братской могиле героев, отдавших свою жизнь на наше светлое счастье».

Это – из письма, присланного моей бабушке Романовой Прасковье Васильевне, чей сын погиб под Ригой. Эта женщина родила четырнадцать детей, всю жизнь работала на земле, а теперь умирала. Поехать в Латвию она не могла, как не могла и ответить юным следопытам: была неграмотная. Ответила ребятам ее внучка, а моя сестра Алевтина Петровна Романова.

«Здравствуйте, Алевтина Петровна! Большое спасибо за Ваше письмо! Мы надеемся, что Вы сможете к нам приехать в канун праздника Победы, то есть 8 мая, как приедут родные и других погибших солдат. Мы очень просим Вас подробнее рассказать о сыне Прасковьи Васильевны – Иване Романове...»

Это из письма латвийских школьников моей сестре. Ребята вели поиск, они хотели подробно узнать о каждом солдате, похороненном в братской могиле села Саулкрасты. Так каким он был, наш дядя Ваня?

... Вот громко хлопнула дверь: Ванюшка прибежал из школы. Он обхватил за плечи мать, поцеловал в щеку: «По литературе –

отлично!» Потом быстро чмокнул в другую: «По географии – хорошо!» Снова обнял мать: « А скоро эк-за-ме-ны!» – и умчался к себе.

Он был легкий, стремительный, учился радостно, переходя из класса в класс с отличными отметками и похвальными грамотами. Каждое лето работал в колхозе – тоже с удовольствием, весело. За ужином ел с аппетитом и, перехватив иногда пристальный материнский взгляд, старался за шуткой, за некрасовской строкой скрыть смущение:

– «Напекла блинов Аринушка, не посмотрится на Ванюшку».

А она и впрямь не могла наглядеться: за лето Ванино лицо становилось смуглым, пшеничные волосы делались льняными, зеленоватые глаза темнели. А по вечерам издали узнавала мать нежные звуки его гармошки, которые сливались с певучими голосами сельских девчонок. Но музыка затихала, и Ваня приходил домой. Ступал осторожно, бесшумно. Вот что-то шепнула дверь, вот в темноте пропела половица – и скоро за тонкой стеной слышалось ровное дыхание заснувшего сына. А если у матери горела лампа, Ваня тихонько стучался и, приоткрыв дверь, с улыбкой вполголоса спрашивал:

– Кто, кто в теремочке живет? Кто, кто в невысоком живет?

Она отрывалась от пряжи, сын садился на стул, брал ее теплые руки в свои и нежно шептал:

– «Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?» Устала?.. Ну, давай спать, – целовал мать в пепельные волосы, задувал керосиновую лампу и уходил к себе.

– И в кого он у тебя такой? – удивлялась соседка. А Прасковья Васильевна знала: серьезность и скромность в Иване – от отца, а веселость, любовь к шутке досталась от нее, от матери.

Вот Ваня запрягает лошадей, открывает ворота, берется за вожжи:

– «Ну, трогай, Саврасушка, трогай! Натягивай крепче гужи!»..

Мать знает, что сейчас польются стихи, и замирает в ожидании неповторимого и прекрасного. Поехали за сеном: отец впереди, а они с Иваном на второй подводе. Миновали село, едут снежным полем.

– «Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди.
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути...»

Трещит мороз, и светит солнце, мать слушает стихи, едва скрывая волнение. Что так тревожит душу: то ли негромкий голос сына, то ли

музыка этих слов, или печальная судьба крестьянки Дарьи?

– И откуда ты все это знаешь? – спрашивает после долгого молчания.

– Это не я, мам, это Некрасов.

Почему простые и привычные слова, сложенные в стихи, обретают такую власть над человеком? Этого постичь она не могла, лишь благодарно улыбалась сыну, открывавшему ей Пушкина, Некрасова, Есенина.

Ивану было пятнадцать лет, когда началась война. Село Романово опустело. В колхозе работали женщины да старики, подростки да дети. Ваня ушел из девятого класса Сосьвинской средней школы, где тогда учился, и сел на трактор.

– Пойдем, мам, в кино, – предложил как-то сын. – Про войну...

– Про войну? Да это, поди, шибко страшно? – ответила она вопросом, но в кино пошла, втайне надеясь: «Может, Шурку увижу...»

Самый старший ее сын, Александр, как ушел на войну, так и пропал, без вести пропал...

Кино было немое. Изредка на экране появлялись слова, их для всего зала читала молоденькая учительница. Прасковья Васильевна смотрела внимательно, и каждый боец казался ей сыном: вон тот широкоплечий – совсем как Александр и так же хмурит брови; а этот улыбается с экрана прямо в зал, и глаза совсем как у Шурки... Идет бой, падают люди – и у матери сжимается сердце. Вот большое ромашковое поле и девочка со светлыми косичками. И ползет по полю танк с черным крестом на боку, движется на девочку и прямо на зрителя, закрывая собою весь экран. И вот уже на земле след гусениц да детская рука с белыми ромашками... По залу проносится дружный стон, а мать тянет Ивана к выходу.

...В январе 1943 года Прасковья Васильевна провожала Ваню, который в числе других добровольцев уходил на фронт. Ей хотелось, чтобы не кончалась эта дорога на станцию; чтобы не пришел поезд; хотелось стоять рядом с сыном, положив голову ему на грудь, и слушать биение родного сердца, хотелось сказать: «Не ходи!» Но она ничего не сказала: ведь сын идет на войну, чтобы защитить ромашковое поле и маленькую девочку с косичками.

Прогудел паровоз, и Иван, глядя в материнские глаза, сказал:

– «Жди меня, и я вернусь, – потом, наклонившись к самому уху, словно по секрету, добавил: – Только о-о-очень жди...»

Поцеловал ее и ловко вскочил на подножку вагона.

– Я вернусь, мама! – и махал ей рукой, пока поезд не скрылся за поворотом.

И Прасковья Васильевна ждала.

В 1944-м ее известили, что *«Романов Иван Николаевич пал смертью храбрых в боях за Ригу...»* А мать ждала. Закончилась война, вернулся домой ее племянник Егор – и она с новой силой ждала сыновей своих. Давно стали взрослыми ее внуки, подрастали правнуки, а Прасковья Васильевна по-прежнему ждала. Иногда к ней приходили сомнения, и она говорила:

– Наверно, и глаза-то им ворон выклевал... Кто, поди, их там похоронит... – и беззвучно плакала. В такие минуты казалось, что вместе с надеждой покидают бабушку и последние силы, что она прощается с жизнью...

И вдруг это письмо из Латвии и приглашение на торжественный митинг, посвященный 20-летию Победы. Наша бабушка ожила. Дрожащей рукой гладила она пригласительный билет, пристально вглядывалась в фотографию. Там среди заснеженных деревьев стоит скромный обелиск, обнесенный оградкой. Вот она, могила братская, Ванина могилка... Бабушка снова плакала, но как-то по-другому, умиротворенно: она вновь обрела надежду, что скоро, очень скоро приедет к Ване. А еще она знала, что увидит могилку сына, пусть не сама – глазами внуков своих.

Вот этот пригласительный билет, которому уже более сорока лет, вот эти письма из Латвии, приводящие в смятение мои мысли и чувства, заставляющие болеть мое сердце.

«Приезжайте! Ехать нужно до Риги, а оттуда на Саулкрас-ты поезда идут каждый час... У нас уже сложилась традиция: ежегодно 23 февраля, 1 сентября, 7 ноября ученики нашей школы вместе с жителями поселка идут в праздничном шествии на Братское кладбище, где проходит митинг и возлагаются венки. Мы следим за могилками, на них всегда лежат цветы».

Да правда ли это?.. Сейчас кажется удивительным, неправдоподобным, а тогда... Тогда было иначе. Моя сестра Алевтина и ее муж Адольф, как и все приехавшие в Саулкрасы, видели кладбище, аккуратное, ухоженное. Видели этих людей, добрых, гостеприимных, культурных, которые плакали вместе с нами, говорили о ненависти к фашизму, и не существовало ни для них, ни для нас такого понятия, как иноязычное население. Были общее горе и общая радость.

Мы благодарны латвийским школьникам, сумевшим разыскать в далеком уральском селе мать младшего сержанта Романова

Ивана Николаевича. *«Мы никогда не забудем тех людей, которые отдали свои жизни за наше светлое сегодня. Мы будем всегда чтить их память»*, – писали ребята в письмах, говорили латыши и на митинге. И никто не сомневался в их искренности.

Прошли годы. Выросли латвийские дети – и чувствуют и мыслят по-другому. По-другому и действуют. Унижают, ущемляют в правах «иноязычное население». Русских выселяют из Латвии. Неужели это делают те самые люди, которые, будучи школьниками, говорили и поступали так красиво? Неужели они?

Не хочет мое сердце мириться с этим! Ведь уже более сорока лет латвийское село Саулкрасты является для нас таким же родным, как уральское село Романово. Не знаю, как Саулкрасты переводится на русский язык, только для нас оно – это одна с латышами боль, одна радость, это наша светлая память. Ведь там, в могиле братской, покоится мой дядя Ваня... Да покоится ли теперь? Не стерли ли с лица земли Братское кладбище?.. Я знаю: ни повзрослевшие латвийские школьники, ни их дети и внуки не пришлют уже писем в Россию, не станут «убедительно просить приехать», не попросят «подробнее рассказать», каким был Иван Романов. Для них ясно: он был оккупантом.

В 1943 году семнадцатилетний уральский доброволец ушел на фронт, а через год погиб под Ригой. В то время, когда он освободил Латвию, ни от русского Ивана, ни от советских солдат других национальностей не требовали знания латышского языка – требовалось прогнать фашистов, которые были нашими общими врагами... А теперь мы – «оккупанты». Демонстрации антифашистов разгоняют дубинками, зато торжественно шествуют по улицам Риги ветераны СС. Обидно и больно!

У меня иногда появляется желание написать письмо в Саулкрасты, в ту самую школу, узнать, как живет теперь село, как чувствует себя кладбище Братское (школьники писали это слово с большой буквы). Но... беру перо и бумагу – и откладываю в сторону. Боюсь получить страшный ответ... Нет, пусть уж хранятся у меня эти добрые письма из Латвии и приглашенный билет со снимком братской могилы. Пусть они согревают мое сердце и останутся как светлая память о тех, кто погиб, не дошел по дорогам войны до светлого мая, но приближал нашу великую Победу.

2005 год

А если и погибну, краснеть за меня не будешь

«Эхо войны», «Дети войны», «Письма с фронта» – так называются небольшие экспозиции, оформленные в подвальном помещении, ставшем с недавнего времени резиденцией хора «Журавушка». Певцы хора – мужчины и женщины пенсионного возраста. Их объединяют любовь к песне и память о детстве, опаленном войной. Помнить о войне им помогает их небогатый жизненный опыт, и воспоминания родителей, и документы тех суровых лет.

Расскажу об одной из «журавушек», которая бережно хранит эти пожелтевшие от времени и каким-то чудом уцелевшие документы. Давайте и мы с разрешения Ады Степановны Кокшаровой познакомимся с некоторыми из этих ценных для нее бумаг.

Удостоверение,

выданное 20 августа 1941 года Куйбышевским районным Советом города Ленинграда.

Документ удостоверяет, что предьявитель его Иванова Мария Васильевна с членами семьи: Домашневой Анной Петровной, 1877 года рождения, Ивановым Александром Степановичем, 1932 г.р., Ивановой Адой Степановной, 1938 г.р., – временно эвакуированы из Ленинграда в Свердловскую область.

В 1941-м Ада была еще слишком мала и не знала, что их семье уже приходилось жить в Свердловской области, куда в самом начале 30-х годов была выслана из города Рославля Смоленской области ее бабушка Анна Домашнева с сыновьями. Деда, работавшего на железной дороге, не выслали, а бабушка, видимо, попала под раскулачивание. Добрая, работающая, как и ее дети, кому не понравилась она в родных краях? До сих пор не поймет этого Ада Степановна. Знает только, что жить им пришлось в поселке Ис, где она и родилась. Знает, что в 1939 году они с братом и родителями переехали в Ленинград. Вот это переселение вполне объяснимо: к тому времени «в воздухе пахло грозой» и вспомнили о кадровом офицере, каким был ее папа Иванов Степан

Алексеевич и который сосланным не считался. С. А. Иванову пришлось участвовать в финской войне.

Ада помнит ленинградский дом, где они жили, теплую атмосферу семьи, помнит отца, серьезного и в то же время веселого человека, который хорошо играл на баяне. Помнит – каким его сохранила ее детская память и по рассказам мамы.

Началась Великая Отечественная. Очень скоро угроза нависла и над Ленинградом. И Степан Алексеевич убедил жену, что нужно эвакуироваться. Так Мария Васильевна с матерью и детьми оказалась

в Нижнем Тагиле,

что подтверждается тем же удостоверением, на обратной стороне которого стоит тагильский штамп от 20 сентября 1941 года.

– В этом городе мы жили долго. Там я росла и окончила 9 классов. В бараке, где было 33 комнаты, жили почти одни женщины с детьми, – рассказывает Ада Степановна. – Женщины трудились в поте лица, недосыпая, недоедая, чтобы только прокормить нас. Сейчас я думаю: ведь они тогда были очень молоды, а выглядели значительно старше своих лет. Мама работала на заправке паровозов углем. Были такие вагонетки на подвесных дорогах. Надо было загружать их, катить к паровозам, а потом выгружать это черное топливо. За длинный рабочий день так набросается лопатой – руки отваливаются.

Но об усталости приходилось забывать – думалось о детях. Ада Степановна вспоминает, как мама, выстояв с раннего утра в длинной очереди, прибежала к ней в школу с кусочком черного хлеба, чтобы с дочкой не случился голодный обморок.

– А чувство голода было почти постоянным. Хлеб, отпускаемый по норме, был ржаным и казался таким вкусным! До сих пор помню его запах. А как вкусен суп из крапивы и лебеды! А сколько было съедено сои, господи, как все вкусно!.. Но утолить голод было трудно. Весной еще выручала гнилая, перезимовавшая в поле картошка, которую мы собирали. Лепешки из гнилой картошки мы тоже очень любили... А уж если перепадал тебе пряник, то это вообще вершина блаженства. Случалось и такое по великим праздникам.

О праздниках, о самодельных елочных игрушках и украшениях, о многолюдных праздничных демонстрациях Ада Степановна

вспоминает с теплым чувством.

– Мы умели радоваться каждому дню. На демонстрациях пели песни. Наши мамы, молодые вдовы, собравшись вместе, тоже пели. Пели и плакали, просили у Господа помощи. Навсегда запомнила маму красивой, сильной духом.

Рассказывая о тяжелой работе своей матери, Ада Степановна упомянула, кстати, что в Нижнем Тагиле есть памятник вагонетке. Вот бы еще и памятник женщине-труженице тыла!.. Что помогало ей выстоять в военную годину? Может быть, Господь, у которого она просила помощи. Может, тогдашняя обстановка, заставляющая забыть о себе и думать о Родине. Но прежде всего – сила духа, делающая женщину стойкой и выносливой. И, конечно же, помогли ей

письма с фронта,

которые женщина ждала с нетерпением и надеждой.

Весточки от мужа Мария Васильевна получала часто. Он очень скучал, беспокоился о семье и писал жене при каждом удобном случае. Но не все письма, к сожалению, дожили до наших дней. Сейчас у Ады Степановны, дочери боевого офицера, хранится лишь несколько папиных весточек из 1943-го и 1944-го. Почти все они начинаются одинаково: *«Здравствуй, дорогая моя семья: Маня и милые детки Шурик и Адочка! И сердечный привет дорогой Анне Петровне! Я пока жив, чувствую себя хорошо».*

В конце 43-го, когда отправлено одно из писем, Красная Армия уже гнала фрицев на запад и Степан Алексеевич надеялся: *«Скоро, возможно, увидимся. Числа 10 ноября выеду в Москву, учиться в академии, документы уже заготовлены все. Когда приеду в Москву, попрошу отпуск дней на 15 и надеюсь, что мне его дадут, потому что за три года я не имел ни дня отпуска и все время был в боях на передовой. Сейчас нахожусь в Ленинграде и ожидаю отправки. Получил письмо от своей матери. Она живет на старом месте. Пишет, что пробыла в плену 2 года 3 месяца. Я очень удивлен: ведь она старая, 85 лет. Очень хочется ее увидеть. Вот если мне удастся приехать к вам, то постараюсь вас забрать и отвезти в Рославль обязательно. Маня, если хочешь, пиши маме в Рославль. Поздравляю с великим праздником 7 ноября и желаю вам новых сил и здоровья! Маня, не пиши мне до следующего моего письма. Ну, до свидания! Целую 1000 раз! Ваш муж и отец С.А.Иванов».*

В следующем письме, отправленном через две недели, он сообщает, что ждет отправки в Москву и надеется на отпуск. *«Милая Маня, как хочется увидеть тебя, обнять и поцеловать крепко-крепко! Ведь уже три года, как мы с тобой разлучены. Ну что поделаешь: не одни мы с тобой такие. Жив буду – увидимся. А если и погибну, так за меня краснеть не будешь. Я немало сделал для Родины. Не один немецкий пес нашел от меня могилу на нашей родной земле. Скоро разобьем в пух и прах эту немчурку, и тогда я вернусь к тебе, моя дорогая. Самое главное – береги свое здоровье!»*

Беспокойством о здоровье семьи проникнуто и январское письмо 1944 года. *«Милая Маня, послал тебе много писем и два фото, но ответа получить не могу. Правда, сам виноват: нет у меня постоянного адреса. Предполагал побывать дома, но ничего не получилось. Сама понимаешь: время такое! Вот скоро разобьем проклятых фашистов и с победой приедем домой! Маня, обо всем писать не могу. Вот приеду – тогда и расскажу».*

У Ады Степановны хранятся еще два письма из 1944 года. Обратный адрес – полевая почта: воюет офицер Иванов.

«Маня милая, прости, что мало написал. Пишу на стоянке, то есть на привале в лесочке. Бьем немчурку. Чувствую себя хорошо. Целую 1000 раз.»

«Маня, открытку твою получил как раз перед боем. Бой был горячий. Я вторично представлен к награде. Жив буду – есть чем гордиться. Все время нахожусь на передовой. Чувствую себя хорошо. Только очень стал худой. Пиши, милая Маня, как здоровье твое, и детей, и мамы. С нетерпением жду ответа. Ну, пока до свидания»... Но

свидание не состоялось –

увидеть и прижать к сердцу жене довелось лишь извещение о гибели мужа.

Вместе с ним ей прислали справки о ранениях, удостоверения о наградах, гимнастерку и залитую кровью фотокарточку (на ней он с маленькой Адой), которую он носил у сердца всю войну, словно чувствовал дыхание своей дочки, которое согревало его в трудную минуту. Эти официальные бумаги немало рассказали милой Мане о ее муже.

Вот четыре стандартные справки о ранениях. «В боях за Советскую Родину старший лейтенант Иванов Степан Алексеевич был

ранен...». Первое ранение он получил 9 сентября 1941 года, второе, очень тяжелое, – 25 июня 1942 года. Дважды С.А.Иванов, уже капитан, был ранен в 43-м: 10 марта и 18 августа.

Храбро бился с врагами русский воин Иванов, не жалел своей жизни, защищая великую Отчизну и свою маленькую семью. О том говорят его раны и награды: медаль «За оборону Ленинграда» и орден Александра Невского.

Из письма родные знали, что баян, с которым Степан Алексеевич шел по дорогам войны, он подарил солдату и отправился со своим батальоном освобождать от фашистов Прибалтику. Видимо, это было его последнее письмо, его последний бой. В похоронном извещении от 9 августа 1944 года сказано, что *«командир стрелкового батальона майор Иванов Степан Алексеевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен и умер от ран 1 августа 1944 года. Похоронен с воздаянием воинских почестей на кладбище Валкского уезда Латвийской ССР, индивидуальная могила №2»*.

– Так в 35 лет моя мама осталась вдовой с двумя детьми и матерью-старушкой. Нет цены таким женщинам, как моя мама! – говорит Ада Степановна.

Она, теперь уже и сама вдова, всю жизнь благодарна матери и свято хранит

память об отце,

от которого остались редкие снимки и эти пожелтевшие реликвии-письма.

В 1954 году Мария Васильевна Иванова с семьей переехала в поселок Федино, где жил ее брат. Ада закончила Исовскую среднюю школу №4, работала воспитателем в детском саду. Пять лет, с 1957 по 1962 год, они с мужем Николаем Кокшаровым отдали строительству Качканара. Потом в их жизни были Север, Якутия и снова Качканар. Мечтавшая стать учителем, Ада закончила педагогический техникум и почти 40 лет отдала работе с дошкольниками.

Но, где бы она ни была, что бы ни делала – всегда и всюду хранит светлую память о родителях, об их боевом и трудовом подвиге. Она любила военные радиопередачи и песни, всегда внимательно слушала рассказы о поиске пропавших без вести солдат, а также неизвестных могил и захоронений. Тогда этот по-

иск шел очень активно. И однажды в 80-х Ада Степановна тоже обратилась на Всесоюзное радио, чтобы уточнить, сохранилась ли та индивидуальная могила №2, где был похоронен ее отец и за которой долгие годы ухаживал его брат, тоже фронтовик Николай Иванов, переехавший позднее в республику Коми. Юные следопыты сообщили ей, что могилы №2 уже нет, что ее отец перезахоронен. И тогда Ада Степановна обратилась в военный комиссариат города Валка Латвийской ССР, откуда в 1944 году пришло похоронное извещение. И в марте 1980 года получила ответ:

«Ада Степановна, сообщаю, что Ваш отец Иванов Степан Алексеевич был перезахоронен как один из неизвестных воинов на Звартавское братское воинское кладбище – Латвийская ССР, Валкский район, Звартавский сельский Совет. В настоящее время его фамилия занесена в списки погибших за освобождение Валкского района. В дальнейшем будет нанесена на надгробной плите. Высылаю Вам фотографию общего вида Звартавского братского воинского кладбища. С уважением полковник В. Сорокин».

С тех пор Ада Степановна точно знает, где покоится ее героический отец. Но братское кладбище она видит только на фотокарточке. Хотелось, очень хотелось, но не довелось побывать там в советские времена, а уж теперь в Латвию, эту независимую страну, где славят фашистов, попасть весьма проблематично.

– Сейчас я на пенсии. Вдова. Но живу и радуюсь жизни. Хожу петь в хор «Журавушка». Это делает меня молодой и энергичной. Песня помогает нам преодолевать трудности. Наш хор – это большая семья. Желаю всем быть оптимистами, любить песню и свой город!

Так заканчивает А.С.Кокшарова рассказ о своей жизни – комментарий к нескольким снимкам в альбоме, помещенном у «журавушек» на стенде «Дети войны».

2005 год

Пропавший без вести

*Не зажечь свечи за здоровье
И нельзя – в помин души:
Мне досталось испытание
Быть ни мертвым, ни живым.*

Горьковская область, Ветлужский район, деревня Высокораменка. Бусыгиной Вере Егоровне. По этому адресу в мае 1943 года пришло извещение: *«Ваш муж красноармеец Бусыгин Николай Артемович, находясь на фронте, пропал без вести 24 февраля 1943 года в Павлодарском районе Днепропетровской области».*

Как же «без вести»? А это извещение за подписями командира части и начальника штаба – разве не весть? Весть горькая и все же оставляющая надежду: не убит – значит жив. Где-то пропал? Так ведь война! И коли жив – значит, найдется... Вера Егоровна была в смятении. Она вновь и вновь читала извещение и, стремясь отогнать тревогу, цеплялась за иллюзорную надежду, которая виделась ей в коротком слове «пропал». Стараясь укрепить надежду и успокоиться, читала и перечитывала другие вести. Вот они, треугольные весточки, летевшие от Николая одна за другой. За год разлуки Вера получила от него более сорока писем. Они еще хранят тепло его рук, она слышит родной его голос.

«Добрый день! Дорогие родители, жена Вера и дети Надя, Нина, Геннадий, Сергей, Алексей, Николай! Шлю я вам свой красноармейский привет и желаю всего хорошего». Так начиналось это письмо от 1 августа 1941 года и все последующие, присланные красноармейцем Бусыгиным в Высокораменку.

В этой деревне Николай родился и вырос, женился, обзавелся детьми – и теперь его отец стал дедом Артемом, а мама – бабушкой Анной. Высокораменка была небольшая. В округе, почти на каждом километре, соседствовали маленькие деревеньки (Елховка, Алексеевская, Патрачата и другие), оживляющие этот лесной край на севере Горьковской области. Бусыгины жили в большом пятистенном доме. Дед Артем промышлял охотой: рябчики и глухари, зайцы и белки, хаживал и на медведя. Он умело выделывал шкурки и сдавал их в потребкооперацию. Хорошо плел лапти. А еще дедушка держал пасеку почти в тридцать ульев. В доме был ткацкий станок, и бабушка Анна, маленькая, согнутая радикулитом

старушка, да мама Вера, швея-самоучка, наряжали всю семью в домотканые одежды. Николай и Вера работали в колхозе. Да и на своей земле дел было немало: с домашним скотом, на сенокосе, в огороде, который у многодетной семьи был большой, в полгектара. Успевали везде, хотя порой валялись с ног. Работали и старшие ребяташки, эта ударная и безотказная бригада. Труд помогал справиться с нуждой. А энергичный, добрый и веселый Николай умел настроить всех на мажорный лад, придать бодрости.

И вдруг не стало в семье главного камертона: началась война. В первом же письме Николай сообщил свой новый и очень точный адрес: г. Горький, 90-й запасной зенитный полк, 2-я дивизия, 3-я батарея. И полетели заветные треугольнички. Давайте развернем их, бережно разгладим рукой, как это делала Вера, и прочитаем хоть несколько строк.

31 августа 1941 года. *За хорошую учебу я от командира батареи получил благодарность перед строем полка.*

29 сентября. *Я был на дальномере. А теперь меня перевели на орудие, наводчиком, первым номером. Орудие я изучил хорошо, особенно свой №1 – номер наводчика. И вся учеба мне не трудна. Потруднее дело с питанием. Но все-таки думаю врагу не поддаться. Побить его прямой наводкой так, чтобы больше не нападал на Советский Союз.*

13 октября. *Вера, сильно не расстраивайся. Может, и придется еще пожить нам с тобою вместе. Из нашего полка почти каждый день стали отправлять не фронт. Но мы будто бы будем стоять здесь, охранять город Горький. Начинаем учиться стрелять из пушек.*

В Высокораменке тоже учились. Наступила осень, и дети пошли в школу. Она располагалась в большом деревенском доме, где их землячка Шура Курносова, уже получившая среднее образование, учила всех с 1 по 4 класс – новораменских и ребяташек из соседних деревень. Ее учениками были и Бусыгины: Геннадий, которому в 1941 году исполнилось девять лет, и семилетний Сергей. Сестры Надежда и Нина, старшие из детей, уже постигли начальную грамоту. Алексею четыре года, а Николай Николаевич – и вовсе малолетка двухлетний. Вот такая семья. И ждут еще прибавление. Кто-то будет: братик или сестричка?

9 ноября. *Стал чувствовать себя легче и не думаю, что придется похоронить меня гитлеровским людоедам. Правительством разрешено почте принимать посылки всем бойцам, где бы они ни находились: на фронте или в тылу. Пошлите мне*

сухарей, табаку, шерстяные носки, перчатки и хотя бы два химических карандаша.

Они с готовностью собирали посылку. Вложили туда и письмо, рассказали о своем житье-бытье, стараясь не обременять красноармейца проблемами, которых в деревне было немало. На войне и без того несладко. Но Николай слал бодрые письма, писал часто, и Вера чувствовала: каждую свободную минуту он думает о семье.

3 декабря. *Вера, я больно стосковался по тебе. Хотя бы на один день домой приехать, посмотреть на вас. Но, наверно, не придется. Проклятый немец прет все ближе и ближе к Москве. Каждый день до десятка налетов. Но мы даем гадам отпор. Наши зенитки здорово сшибают их, сволочей.*

17 декабря. *Сегодня, в 12 часов, мы из Москвы выезжаем на фронт, на передовую линию, в наступление на немца. Теперь из Москвы не видать.*

Значит, на передовую? Тревожно за Николая. И в то же время радостно: фашистов погнали от Москвы. Этой вести радовалась вся деревня. С хорошим настроением и добрыми надеждами ждали новый, 1942 год, в который входил и новый член семьи – Бусыгин Леонид.

9 января 1942 года. *Добрый день! Дорогие родители, жена Вера, дети Надя, Нина, Геннадий, Сергей, Алексей, Николай и новорожденный Ленья! Я пока еще жив и здоров, но дальше не могу сказать, что со мной может получиться: сегодня жив, завтра – нет, потому что находимся на фронте. 7 января немец сильно бомбил. От нашей пушки всего метрах в десяти вырыл глубокую яму. Наши расчеты били по самолетам. Мы все живы и здоровы, никого не ранило, не контузило.*

2 апреля. *На днях взяли у нас валенки и дали кожаные сапоги, так как в валенках уже сыро. Воюем отлично. Наверно, всю нашу бригаду переведут в гвардейскую армию.*

В деревне тоже весна. Началась посевная. Колхозную землю пахали на быках и коровах да старых лошаденках, которых на фронт не взяли. А уж на своих огородах впрягались бабы и тянули то плуг, то борону. Дети тоже лопаты в руки – и вперед.

14 апреля. *Вера, ты пишешь, что покупают у вас гармошку, дают 3 пуда муки. Дело, конечно, ваше. Но не дадут ли 5 или 4 пуда? Отдайте. Если приду домой, можно будет купить другую гармошку. Но прийти домой целому очень трудно, потому что война и враг еще силен. Сначала надо его уничтожить и освободить нашу землю.*

9 мая. *Вера, пишете, сколько осталось живых пчел, ульев. Купили или нет поросенка? Сколько посадили картошки, сколько посеяли овса? Как дела в бригаде, в колхозе?*

1 июня. *В последний решительный бой. Не могу сказать, останусь ли живым. За прошлый бой семерых из нашей батареи наградили медалями «За отвагу!» Но я к награде не попал.*

Не попали к награде и в Новораменке, хотя жили и трудились тоже отважно. О наградах не думали. Забота была об одном: где взять силы этим бабам и детям, чтобы не упасть от недосыпания и недоедания, чтобы выстоять и все выдержать, как держатся их земляки на фронте.

14 июня. *Июнь, а тепла хорошего у нас еще не бывало. В настоящее время мы находимся в лесах Калининской области. Немцы по-прежнему бомбят, но нам их самолеты не страшны. Скоро Гитлеру будет крах, и мы придем с победой. Скоро Англия и Америка откроют другой фронт, и нам воевать будет легче. Партия и правительство поставили задачу перед всеми бойцами: полностью в 1942 году разгромить и уничтожить гитлеровскую банду и освободить советскую землю.*

Он верил в победу, в скорую победу. Эта вера и мысли о Вере и детях помогали солдату в бою. «Пока до свидания. Остаюсь жив, здоров. Того и вам желаю», – писал он в последнем письме.

Вера перебирала эти написанные химическим карандашом листочки-треугольники, которые еще совсем недавно держал в руках ее муж. Старалась крепиться, но слезы капали – и карандашные строчки расплывались чернильными пятнами.

«Пропал без вести», – утверждало извещение. «Остаюсь жив, здоров», – писал Николай, и это для Веры была самая главная весть. С нею выжила она в войну, вырастила семерых детей и в 1945 году была награждена орденом «Материнская слава». Выстоять помогла и ее дружная семья.

Добрые, работающие, Бусыгины всегда вместе. Вслед за Алексеем, который после службы на флоте приехал строить Качканар, сюда переехали все, кроме Сергея, связавшего свою судьбу с Сибирью. Мама Вера до самой смерти жила в семье Алексея, и фронтовые письма мужа были всегда при ней. И мысли тоже при ней. Если Николая убили, то где его могила? Куда прийти поклониться? Нет его среди мертвых. А если жив, то где же он? Конечно, на небесах. И она мысленно разговаривала с ним, как с живым. И верила, что там, на небесах, они обязательно встретятся...

Сколько написано песен о войне! О живых, вернувшихся с Побе-

дой. О погибших во имя Победы. О солдатских матерях и вдовах. А в канун 65-летия Победы песен стало еще больше. В юбилейном конкурсе «Весна Победы» участвовало более 8000 авторов. Победила песня **«Пропавшим без вести»**. Не было у нас еще такой песни, а теперь есть. И это справедливо.

ПРОПАВШИМ БЕЗ ВЕСТИ

Слова А.Вулых Музыка В.Кубышко

Не зажечь свечи за здоровье
И нельзя – в помин души:
Мне досталось испытание
Быть ни мертвым, ни живым.

Уходя в объятья вечности,
Словно птицы над рекой,
Мы в бою пропали без вести,
Не найдя в земле покой.

Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса,
На безымянных высотах земли
Наши звучат голоса.

Будут вечно наши матери
Ждать о нас любую весть
Все, кто веры не утратили
В то, что мы на свете есть.

Не живые и не павшие,
Не пришедшие с войны,
Просто без вести пропавшие
Сыновья своей страны.

Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса,
На безымянных высотах земли
Наши слышны голоса.

Теплый дождь моросит весной,
Пряча слезы в закат,
До утра в тишине ночной
Наши вдовы не спят.

Мы не погибли, мы просто ушли,
Просто ушли в небеса,
На безымянных высотах земли
Наши слышны голоса.

Узница № 246

Хорошая девочка Лида

Она была единственным ребенком в семье. Окруженная вниманием родителей и бабушки, взлелеянная под колыбельные песни раздольных донских степей, с детства впитавшая гордый шахтерский дух и уважение к труду, она росла неизбалованной и работающей. К шестнадцати годам смешливая белокурая девчонка, плясунья и певунья, превратилась в статную девушку, красивую и вольную, как цветущая степь. Жизнь текла спокойно и плавно, как воды тихого Дона. Лида была готова любить весь мир и чувствовала себя счастливой. И думала, что так будет всегда.

Но пришел 1939 год и заставил думать и чувствовать по-другому. Умерла мама – и завяли цветы в душе Лиды; там теперь выли холодные степные ветры. Завывали и не унимались, словно предвещая новые утраты и бури. А буря была уже близко: грянул 1941-й. Отца и других шахтеров отправили на Урал. Как хотелось Лиде поехать вместе с папочкой, как она умоляла его! «А как же бабушка?» – спросил отец. Нет, не могла Лида покинуть эту добрую женщину, которая была теперь для нее и бабушкой, и мамой. И остались они вдвоем. Лида пошла работать в эвакогоспиталь, куда каждый день привозили раненых.

А военная гроза, прорвав наши западные границы, быстро катилась на восток. Черные тучи накрыли Украину, полили ее кровавым дождем. И вот уже военный гром грохочет в Ростовской области. И настолько эта гроза была сильной и затяжной, что родной Лидин город Шахты семь раз переходил из рук в руки: только наши войска выбьют фашистов, только вздохнут люди посвободнее – а вражеские полчища вновь свирепствуют в шахтерском городке.

– И как придут, так опять загребают-выгребают молодежь, – вспоминает Лидия Николаевна. – Грузят в телячьи вагоны и отправляют в Германию. Сколько раз бабушка прятала меня от фашистов!..

Под номером 246

В июне 1942 года «загребли» и Лиду. Раньше она и предпопо-

жить не могла, что когда-нибудь все ее жизненное пространство будет надолго ограничено тесной и вонючей вагонной коробкой. Равнодушно, как приговор, стучат под этой коробкой колеса, увозя в неизвестность. Катит длинный состав на запад, а Лида все думает и думает о цветущей раздольной степи и не знает: успокаивают ее эти думы или еще сильнее терзают душу. Вот и граница с Германией. Распределитель. Выгнали всех из вагонов, построили. Холерный «покупатель» придирчиво и бесцеремонно выбрал 250 человек.

– И привезли нас в Берлин. Заключили в концлагерь. Он был очень большой. Там за колючей проволокой томились поляки и итальянцы, французы и русские, люди других национальностей. В бараках – трехъярусные нары, соломенные матрасы и подушки, колючие одеяла.

Но больше, чем эти одеяла, кололо и унижало рабское существование под номерами. Забудь свое имя, забудь фамилию и национальность, уйми свою гордыню! А если не уймешь, помогут крепкие удары, которые помнятся долго. Забудь, что ты человек, прочно усвой, что ты рабочий скот, и помни свой номер – в этом здесь все равны. Все Лидино существо восставало против такого равенства: ведь даже у скота есть клички. У нее же был номер 246. Грубый, деревянный, он, как ярмо, висел на шее. А на рукаве и на спине лагерной робы красовалась нашивка “OST”.

– Подъем был в шесть утра. Потом завтрак: половник баланды и кусочек хлеба, тонкий-тонкий, просвечивающий. Потом нас строили в колонну по три и считали, как скот. Отсчитают семьдесят человек и под надзором четверых фашистов выводят из-за колючей проволоки в город. Так небольшими группами шли мы на фабрику, где работали до самого вечера. Мы на пару с полячкой резали проволоку для каких-то приборов. Целый день нас не кормили, зато строго следили, чтобы никто не отлынивал.

И так каждый день, и каждый месяц, и целый год. А между тем все чаще раздавалась воздушная тревога, падали бомбы (говорили, что американские). Кончилось тем, что заключенных из Берлина перевезли во Франкфурт-на-Майне.

– Там тоже почти год работали мы на бумажной фабрике. А потом стали бомбить и здесь. И вывезли нас тогда в Черный лес, Шварцвальд, где в одном из городков мы работали почти до конца войны.

Вплавь – на свободу

Шварцвальд – это красивые горы по правобережью Рейна. Если бы оказаться здесь туристом или курортником, то можно залюбоваться и лесистыми склонами, и величавым течением Рейна. Только Лида, как и другие, попала сюда не по курортной путевке. Они – узники. Крепко держат эти колючие узы. Как разорвать их? Как вырваться из них?

А что, если бежать? Вернее, плыть. Броситься в Рейн – и плыть, плыть, плыть, пока хватит сил. Да, Рейн манил их, но не как красивое творение природы, а как дорога на волю. И настолько сильной была жажда свободы, что они решились. Однажды, выждав, когда охранники уйдут по берегу в другую сторону, узники бросились в воду. В них стали стрелять. Быстрее, быстрее! Доплыть бы только до середины реки – а там уже граница и другая страна... И у них получилось!

– На той стороне мы оказались как в раю. В зданиях барачного типа принимали врачи и санитары. Нас помыли, постригли и побрили. Сожгли нашу одежду, дали другую. «Выбирайте, – говорят, – берите, чтобы и сменка была». Я выбрала юбку и жакет, туфли, две пары чулок. Надели на меня шляпку с сеткою – удивительно! Смотрим мы и не узнаем друг друга.

И вот их, таких преобразенных, посадили в машины и привезли в один из швейцарских городков. Поселили в многоэтажных отелях, таких шикарных, каких Лида отродясь не видела. Комната – на троих. Красивые кровати, по две пуховые подушки, белоснежные простыни и пододеяльники – все это казалось чудным сном. А сон у них и впрямь был чудный и крепкий.

– Глянула на нас хозяйка отеля и удивилась: «Дети мои, да как же вы спите! Ну-ка, вставайте, стелите простыни и ложитесь на подушку. Другую подушку на ноги кладите». А ее муж, видя наше удивление, добавил: «Ноги должны быть в тепле – тогда и голове будет хорошо!» Вот так мы жили в Швейцарии. Наш Красный Крест платил по три с половиной франка в месяц, можно было что-нибудь купить. Мы, конечно, работали, но рабами уже не были. И, несмотря на европейскую роскошь, очень хотели домой. Мы знали, что война уже кончилась.

Их мечта сбылась 27 июля 1945 года. В этот день на вокзале было торжественно: развевались флаги, играла музыка. Поехали!.. Польша, Брест-Литовск, граница. Дальше распределительный пункт. Рассортировали всех по областям, провели тщательную

госпроверку. И добирайтесь, кому куда.

На Родине

Лиде надо было в Ростовскую область. Ехала в товарняке с углем. Вышла в Ростове-на-Дону. Чумазая, но счастливая. Еще 75 километров электричкой – и родные Шахты.

Бабушка Паша, пережившая оккупацию, спокойно доила корову, когда подошедшая тихонько Лида окликнула:

– Мам! – она всегда звала ее мамой. – Мам!

– Ах, батюшки! Да моя же ты доченька!.. Да живая! – приговаривает, а сама дрожащими пальцами щупает внучкины глаза. – Ты видишь меня, доченька? Ты видишь?.. А мне сказали, что фашисты тебе глаза выжгли.

Вот такая была встреча после долгой разлуки. Лидина душа снова пела. И покалеченный войной шахтерский городок, и скромный отчий дом были ей дороже всякой Швейцарии и роскошных отелей. А в простой домашней постели Лида, уставшая и отмытая после долгой дороги, чувствовала себя, как в колыбели.

Прошел день. И снова наступило утро. Лида проснулась от чьих-то всхлипываний. Открыла глаза и увидела отца, который, оказывается, давно уже смотрит на спящую дочь и плачет.

– Папочка! Ты уже проснулся? – Лидия бросилась к нему. – Какая радость!.. Папочка, ну почему ты не взял меня на Урал?..

Тогда Лидия Николаевна еще не знала, что доживать свой век ей придется на Урале. А пока в 1945-м она вышла замуж, родила сыночка. Через три года с мужем пришлось расстаться, а вскоре стать матерью большой семьи. У ее второго мужа было четверо детей, мал мала меньше (жена умерла от тифа). Соседки отговаривали Лидию: «Зачем тебе эта орава? Одумайся!» – «Но они же дети!» – отвечала она.

С той поры и навсегда дети стали главной жизненной ценностью Лидии Николаевны Дубининой. Большим и отважным было ее материнское сердце. И хоть время было нелегкое, и муж оказался не сахар, все вынесла, всех вырастила и выучила, всех любила, как родных.

Однажды дочка Вера, уехавшая в Качканар по комсомольской путевке, написала: «Мама, приезжай. Ты мне нужна.» И мама со всей семьей (куда же она без семьи?) приехала в город юности.

О качканарских страницах ее биографии, содержательных и созидательных, не только радостных, но и драматичных, говорить не буду: не о том сегодня речь. Скажу лишь, что 15 лет, до самой

пенсии, проработала Л. Н. Дубинина каменщицей в СУ-1, и нянчила внуков, и 20 лет (с 1980-го по 2000 год) отдала качканарской СЭС. Скажу еще, что, получив от СУ-1 четырехкомнатную благоустроенную квартиру, она живет сейчас на 12 квадратных метрах в «типушке»: настолько велика и жертвенна ее материнская любовь.

На судьбу она не жалуется, не стонет. Очень благодарна коллективу санэпиднадзора и главному врачу Юрию Ивановичу Григорьеву, который всегда внимателен к Лидии Николаевне, а в День медицинского работника и в День Победы всегда поздравляет и поддерживает материально. Видимо, он хорошо понимает, что война ощутимо, жестоко прикоснулась к судьбам узников, что День Победы – это и их праздник.

– Да и городские власти о нас вспомнили; впервые за полвека, но вспомнили, – говорит Лидия Николаевна, имея в виду апрельскую встречу, посвященную Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей.

Без взаимопонимания

А коль есть такой день, значит, помнит об этих людях и международная общественность.

Начались выплаты компенсаций от немецкого фонда «Память, ответственность и будущее» и от австрийского фонда «Примирение, мир и сотрудничество» людям, подвергшимся в годы войны нацистским преследованиям. Выплата этих компенсаций производится Фондом взаимопонимания и примирения правительства Российской Федерации. А коли есть в России такой Фонд, значит, наше правительство помнит о бывших узниках. Пришло несколько компенсаций и в Качканар.

А Л.Н.Дубинина все ждет. Она показала мне интересные документы. Один из них – из российского Фонда взаимопонимания и примирения: *«Уважаемая Лидия Николаевна! Экспертная комиссия рассмотрела Ваше заявление и имеющиеся документы и приняла положительное решение по выплате Вам материальной помощи. Информацию о сроках и месте получения материальной помощи Вы получите в течение первого квартала 2002 года»*. В документе указан и размер помощи: 751,6 евро – на первом этапе выплат и 13,95,8 евро – на втором. Указаны и телефоны, по которым «можно обратиться с вопросами и проблемами».

Вопрос возник: почему первый квартал 2002 года давно истек, а

из фонда ни слуху, ни духу, ни компенсации? Позвонила бывшая узница в Москву, заплатила за переговоры 50 рублей. На другом конце провода ответили, что в компьютере Л. Н. Дубинина значит-ся как умершая.

Возникла проблема: надо доказать, что жива. Живому телефонному голосу, конечно, не верят – нужна бумажка. Пошла к нотариусу, получила «Свидетельство об удостоверении факта нахождения гражданина в живых» – еще заплатила 50 рублей.

Теперь эту бумажку надо отправить по факсу в Фонд – 26 рублей.

Снова звонит, чтобы узнать, получили ли факс – опять 50 рублей. Говорят, что получили, но есть проблемы: то ли нужного человека на месте нет, то ли он в отпуске.

И Лидия Николаевна написала Путину. Из Управления Президента РФ по работе с обращениями граждан в октябре ответили, что ее письмо отправлено в Фонд взаимопонимания и примирения. Круг замкнулся.

Минул уже первый квартал 2003 года. Так где же оно, взаимопонимание? И можно ли примириться с тем, что тебя уже считают умершей? Как доказать, что ты живой человек, а не безликий номер 246 и не мертвец?

– Хотя бы кто-то объяснил – и я бы успокоилась, – говорит Лидия Николаевна. – Да хоть бы какую-нибудь часть получить. Выплаты планируется завершить к 2005 году. Вряд ли я доживу...

В сентябре Л. Н. Дубининой исполнится 80 лет. До дня рождения надеется дожить и радуется, что в этом возрасте немного увеличится ее скромная пенсия.

2003 год

Любовь, которая жила с верой и надеждой

В редакцию пришел мужчина и передал нам найденные на мусорке документы. Удостоверение к медали «Ветеран труда», удостоверения к знаку «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», к медали Жукова, несколько удостоверений к медалям по случаю юбилеев Вооруженных Сил СССР и Победы в Великой Отечественной войне. А еще удостоверение к значку «Ударник коммунистического труда». Документов больше десятка, а имя везде одно: Токарева Любовь Николаевна. А вот и она сама – на маленькой фотокарточке, которая рядом с несколькими снимками ее мужа лежит в пустых корочках пенсионного удостоверения.

Бережно перебираю эти бумаги, волнуясь и вместе с женщиной, который их принес, недоумеваю: ведь место для этих документов – если уж не в семье наследников, то в музее или городском архивном отделе, но никак не на мусорке. Смотрю на маленький помятый снимок.

Ну, здравствуйте, Любовь Николаевна!.. Не думала, что встретимся при таких вот обстоятельствах... А помните нашу встречу в конце 70-х годов, когда вы, участница войны, обращались к читателям газеты и призывали их беречь мир?.. Позвольте же мне, Любовь Николаевна, сегодня рассказать читателям о вас. Думаю, я обязана это сделать: ведь вы – из поколения победителей.

Любе было 14 лет, когда началась война. Отец сразу ушел на фронт. Остались мать и семеро детей: три сестры и четыре брата. А жили они в городе Торопец Калининской (ныне Тверской) области, куда уже в первые месяцы войны пришли фашисты. Земля содрогалась от взрывов, город горел. Что делать? Как спастись от этого огня?

В конце августа многие горожане подались на восток, туда, где, как им казалось, стреляют наши. А немцы преследовали беженцев, которые вскоре оказались между нашими и вражескими войсками. Земля вздрагивала еще сильнее, и от огня спастись было невозможно. Налетели немецкие самолеты – и девочка-подросток увидела самое страшное: как в этом аду гибнут люди. В один миг у Любы не стало ни сестер, ни братьев, ни мамы. На ее глазах взры-

вом бомбы они вместе с другими земляками были разорваны на куски... Когда все утихло, девочка ходила около изуродованных тел, искала, надеялась, что хоть кто-нибудь, может быть, остался в живых. Но напрасно. Слез у ней не было, сердце словно окаменело от того, что пришлось увидеть. Ей казалось, что земля стонет. Стонет от боли, крови и горя...

Вот такую, в состоянии шока, ее подобрали наши солдаты и отправили в тыл. Шла война. И Люба знала, что много обездоленных ребят, подобно ей, бродят по дорогам в поисках пропитания. А за ними (это она хорошо представляла) гоняется немецкий самолет, словно играет, наслаждается детским страхом. И понятно, чем заканчиваются такие «догонялки»: никого не щадили фашисты, даже детей.

В тылу было тихо. Прошел год, прошел второй. Они отделяли и отдаляли от войны. Но страшные чувства и ужасные видения, как и тот летчик-фашист, догоняли, преследовали девушку и стреляли в самое сердце – и оно переполнялось жгучей ненавистью к врагу. И Люба чувствовала, что отсиживаться в тылу уже выше ее сил.

В 1943 году, шестнадцати лет от роду, она надела шинель, стала солдатом – и началась ее военные дороги. Правда, в армию сначала не брали, говорили, что надо учиться. И уже с фронта хотели отправить в тыл, но она наотрез отказалась. Девушка-доброволец с таким нежным и мирным именем, оказалось, имела такой твердый характер, какого от нее совсем не ожидали. И в конце концов зачислили Любовь рядовым в 31-ю отдельную железнодорожную роту Первого Прибалтийского фронта. Девушка, к тому же, оказалась бесстрашной. Под обстрелом, во время бомбежек приходилось доставлять на передовую боеприпасы и продовольствие. Все в роте сознавали важность стоящей перед ними задачи – вовремя доставлять нашим воинам все необходимое. Все понимали, что они тоже приближают Победу, в которую очень верили. Солдаты часто говорили: «Вот, Любаша, закончим войну, будет над нами мирное небо – вот тогда и заживем! Отстроим разрушенные города. Отыщем родных, с которыми разлучила война».

Верой в Победу, надеждой на встречу с отцом жила наша Любовь. Тяжело было каждый день видеть смерть и кровь, терять боевых товарищей – спасала только эта святая вера. Но искать после войны ей будет некого: отец, последний родной человек, погибнет на фронте. А Любовь Николаевну, словно заговоренную, не тронут фашистские пули, и будет жить она долго – одна за всех своих родных. От Первого Прибалтийского до Забайкальского фронта – таков ее бое-

вой путь, отмеченный орденом Отечественной войны третьей степени, медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Закончилась война – и наша Любаша скинула солдатскую шинель. Но разве можно вместе с этой суровой одеждой скинуть тяжкий груз потерь и лишений? Разве сотрешь, разве вычеркнешь из памяти все былое?.. И когда говорят: «Никто не забыт, ничто не забыто!» – ох, как понятны ей эти слова! Она ничего не забыла.

Не забыли и ее. И годы мирного труда были скрашены юбилейными наградами как напоминаниями о славном боевом пути, который Л.Н.Токарева прошла вместе с Родиной. «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», – говорится в подписанном министром обороны СССР маршалом Советского Союза А. Гречко удостоверении к знаку «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». Удостоверения к юбилейной медали «50 лет Победы» и к медали Жукова подписаны президентом Российской Федерации Б.Ельциным. Две медали в связи с юбилеями Победы и Вооруженных Сил СССР от имени Президиума Верховного Совета СССР Любовь Николаевна Токаревой вручал Кизеловский горвоенкомат, а четыре юбилейных медали – горвоенкомат Качканара.

Такое внимание государства радовало, придавало сил. И ей было как-то по-особому приятно жить в Качканаре и видеть, какие светлые города, какие мощные предприятия построили после войны советские люди. В этом городе они с мужем вырастили троих сыновей. И работалось здесь легко, с желанием, с хорошим настроением. 16 лет отдала Л.Н.Токарева Качканарскому ГОКу. Здесь стала ударником коммунистического труда, здесь в 1982 году ее наградили медалью «Ветеран труда». Ее работа отмечена благодарностями и Почетными грамотами. Во Дворце культуры и отделе подготовки кадров комбината, где работала Любовь Николаевна, о ней отзываются как о скромном и порядочном человеке, надежном товарище, добросовестном, инициативном работнике. И очень жалеют о ее безвременной и мученической кончине.

Родные рассказывают, что в последние годы Любовь Николаевна сильно болела. И, видимо, больше всех болела ее душа, пережившая страшное потрясение в 1941-м. Больная часто забывалась, путалась во времени и лицах. А смерть мужа в апреле 2004 года совсем ее подкосила. Ей все хотелось куда-то бежать. Что же не давало покоя ее больному воображению? Быть может, она опять видела себя девочкой-подростком, за которой гонится немецкий летчик? Может быть, ей виделась искореженная бомбами земля и изуродованные тела людей? И ей хотелось убежать от

этого ужаса?.. Нам не дано знать. Мы знаем только, что Любовь Николаевна, как ни удерживали, как ни сторожили ее родные, все-таки убежала. Случилось это 3 мая 2004 года. Не прошло и 40 дней со дня смерти мужа. А может быть, она торопилась к нему?..

Близилось 9 Мая. И давайте для собственного успокоения думать, что юная Любаша ринулась в свой последний, победный бой. Давайте думать, что ветеран войны Любовь Николаевна Токарева хотела победить свой недуг, но силы оказались неравными. И 59-ю годовщину Победы она встретила не в колонне качканарских ветеранов, а на территории промбазы, за литейным цехом, где и было потом найдено ее тело.

Вот, пожалуй, и все о Л.Н.Токаревой. А как же ее документы, которые оказались на мусорке?.. Неужели их выбросили за ненадобностью? Нет, даже сама мысль об этом очень жестока. И я гнала эту мысль с того дня в конце лета, когда документы оказались у меня. Гнала и не знала, как поделикатнее подойти с этим вопросом к родственникам Любви Николаевны.

Наконец, познакомилась с ее снохой Алевтиной Николаевной. Скромная, добрая женщина. С уважением и почтением говорит о свекрови. С тревогой и болью рассказывает о ее последних днях. Казнит себя за то, что не уследила и позволила больной убежать. Нет, такая женщина не могла выбросить документы.

– Когда я их у вас увидела, меня прямо затрясло, – признается она. – Сохранилась орденская книжка, еще кое-что, а остальные, вот эти, найти не могу. Ведь они, думаю, нам еще понадобятся...

Да, видимо, в суматохе, в треволнениях кто-то нечаянно прихватил эти документы вместе с другими бумагами, приготовленными на выброс...Мне пришлось извиниться перед Алевтиной Николаевной, что невольно заставила ее так волноваться. Да и сама успокоилась, будто камень тяжелый с души свалился.

А в завершение скажу вот что. В апреле прошлого года газета «Качканарский рабочий» и архивный отдел администрации города начали большой проект «Победители», посвященный 60-летию Великой Победы. Опубликовано уже немало материалов, героями которых стали люди, выстрадавшие Победу на фронте и ковавшие ее в тылу, то есть ваши родственники, уважаемые качканарцы. «Сохраним память о них и бесценные документальные свидетельства их бессмертного подвига!» – обращалась тогда газета к читателям. И сегодня еще раз хочется напомнить потомкам победителей, что подобные документы действительно бесценны как свидетельства нашей истории, которую мы должны беречь. А городской архивный отдел и «Качканарский рабочий» вам в этом помогут.

Думаю, уместно будет в связи с этим вспомнить Тамару Фоминичну Белову, о которой рассказывал в нашей газете М.Титовец. Глубокое уважение, даже восхищение стал испытывать он к ней, когда узнал и увидел своими глазами, как основательно, скрупулезно занимается эта женщина историей своей семьи, своей родословной. Результатом ее изысканий стал объемный труд, в котором собраны материалы о многих-многих представителях их рода. Там и достоверные сведения, и предания, портретные зарисовки и интересные случаи. То есть сделано то, что в принципе должно иметь место в каждой уважающей себя семье. Такой богатый материал может представлять интерес и для профессиональных историков, занимающихся популярной ныне родовой историей страны. А Михаил Титовец, познакомившись с родословной Т.Ф.Беловой, рассказал в газете об одном из ярких представителей этой семьи – Черняеве Фоме Вениаминовиче, родном отце Тамары Фоминичны.

Страстный любитель и собиратель истории, Михаил Иванович постоянно призывает читателей беречь все, что связано с прошлым вашей семьи. Кстати, в связи с 60-летием Великой Победы готовится к изданию книга о качканарцах – участниках Отечественной войны и тружениках тыла. И с прискорбием приходится отмечать, что в иных семьях мало что знают о своих славных предках, не хранят ни их военные документы, ни фронтовые письма, ни даже фотографии. Печально, что люди живут только одним днем, не думая о прошлом и будущем. Ведь без прошлого нет будущего. Если мы не чтим своих предков, то можем ли быть уверены, что потомки наши будут чтить и помнить нас?

Дорогие качканарцы, не будьте иванами, не помнящими родства, не берите грех на душу, не выбрасывайте документы-свидетельства, лучше отдайте их в городской архивный отдел.

Газетный проект «Победители» мы начинали в апреле прошлого года публикацией «Чтобы помнили». Давайте же хранить светлую, святую память о наших предках!

2005 год

От Москвы до парада Победы

Москва ликовала. Красная площадь принимала парад. К ногам победившей страны падали поверженные фашистские знамена. Торжественно маршировали колонны, держа равнение на трибуны мавзолея, где стояли руководители Советского Союза во главе с товарищем Сталиным.... Вот громко заговорила брусчатка: на Красной площади появились танки. Танкисты из открытых люков тоже смотрели на мавзолей.

Одну из этих боевых машин вел Федор Брызгалов. На душе его было светло и солнечно, хотя утро в этот день, 24 июня 1945 года, было пасмурным. Брусчатка все еще была мокрой, хотя дождь уже почти закончился.

Парад Победы планировался на 22 июня, день начала Великой Отечественной войны. Но хлынул дождь. И почти двое суток небеса оплакивали погибших в схватке с фашизмом. Среди погибших и три брата Федора Брызгалова. Природа плакала, посылая благодатный дождь, чтобы умыть землю, очистить и облегчить души людей. И вот ведет Федор свою боевую машину по Красной площади, слышит, как гусеницы танка бодро и ритмично говорят о чем-то с умытой брусчаткой. Наверно, о том, что только здесь почувствовали они под собой твердую и надежную опору. А о долгих дорогах войны разве расскажешь за короткое время победного марша? И разве думал Федор, что так торжественно закончится его боевой путь, который начался четыре года назад в городе Нолинске Кировской области?

Федора и других ребят 9 сентября 1941 года вызвали в райком комсомола.

– Знаете, что началась война? – спросили по-военному кратко. – Заполняйте анкеты.

Заполнили быстро; скрывать им нечего, да и немного еще про жили на свете: Федору в августе исполнилось восемнадцать.

14 сентября пришла повестка, а утром 15-го он уже был в военкомате. Призывников посадили в машину-полуторку. Но их путь до Кирова (почти 150 километров) оказался пешим. Едва доехали до ближайшего села Кырчаны – машина поломалась. Дали им пополнение, 12 человек, дали лошадь, чтобы везти котомки – и пешком до районного села Суна. Там снова пополнение, ночевка в Доме колхозника. Потом были ночевка и пополнение в селе Кумены – и еще 55 километров до Кирова.

Федор Иванович до сих пор отчетливо помнит этот солнечный день 19 сентября, последний день на родной земле. В просторном дворе областного военкомата, обнесенном высоким забором с проволокой в четыре ряда, собралось 600 человек. Здесь и переночевали, прямо на земле, под покровом теплой ночи и под надзором бдительных часовых. А утром пришли «покупатели».

– Кузнецы, шофера, трактористы, вперед! – командовал капитан с кривой трубкой в зубах.

– С образованием семь классов и выше, три шага вперед! – вышли Федор и еще восемь парней. – За мной! На второй этаж! И на вокзал!

Это были первые команды, которые, ни о чем не спрашивая, следовало выполнять. Потом был вокзал, поездка до Свердловска и дальше, до Еланского разъезда. Месяц учебы в Еланских лагерях, жизнь в землянках, рота в 125 человек. В октябре приняли присягу. А в ноябре свежее испеченные механики-водители получили в Свердловске танки «БТ-70». И 30-й отдельный танковый батальон (20 машин по три человека в каждой) отправился под Москву, где шли ожесточенные сражения.

Первая встреча Федора Брызгалова со столицей оказалась горячей, огненной. Впрочем, их танковый батальон прибыл сюда и вступил в бой, когда советские войска уже пошли вперед, а враг вынужден был отступить – и тем свирепее дрался. В битве за Москву в декабре 1941 года наш юный танкист получил первое боевое крещение.

– Мой танк сгорел, я был ранен в ногу, – рассказывает Федор Иванович. – Отползли мы с лейтенантом Сабденовым. Мороз – страшный! Пулемет немецкий строчит, а у нас только личное оружие – револьвер семизарядный. До дороги, по карте, километра полтора. Но как меня, раненного, доставить в тыл, если Сталин своим приказом №122 повелел: «Ни шагу назад!» Добрались мы до дороги. Стоять не могу. Навалился на дерево. Машины идут в тыл – не останавливаются. И все-таки лейтенант сумел одну притормозить, доставил меня в тыл, сдал в медсанбат – и больше до 1944 года не видел я моего спасителя.

Куда военные ветры занесли лейтенанта Сабденова, Федор не знал. Сам же он вскоре оказался в Саратове, куда вместе с другими ранеными был доставлен из санбата на самолете «У-2». И до весны 1942-го лечился в госпитале. Радовался, что поправляется, и с каким-то чувством вины думал о своем танке, сгоревшем в первом же бою. И куда теперь он, танкист безлошадный? Оказалось: в запасной полк, тут же в Саратове. А потом в город Копейск Челя-

бинской области – за новыми танками «Т-34». Переподготовка – и на фронт, под Ржев.

А там, как вспоминает Федор Иванович, было настоящее пекло, жестокая мясорубка, перемоловшая не тысячи, а два миллиона жизней!

– Враг был вооружен до зубов, а у наших только винтовки, и то не у всех, – с горечью говорит ветеран. – Храбро бились наши солдаты, но голой храбрости на войне мало. Немцы наступали, а мы отступали, долго отступали. Потом закрепились и простояли в обороне до 6 ноября 1942 года.

После больших потерь было новое пополнение, формирование – и танкист Брызгалов в составе Второго механизированного корпуса оказался в Сталинграде и участвовал в окружении армии Паулюса. А дальше – на запад, с боями от Волги до Дона. В феврале 1943-го в сражении за Ростов танк Федора был подбит – и механик-водитель опять безлошадный.

На сей раз путь на фронт лежал через Среднюю Азию. От войны далеко, но всему взводу сразу же выдали автоматы и, как оказалось, не напрасно. Пустыня, аул, невыносимая жара. Жили в палатках. Теоретическая учеба чередовалась с заготовкой саксаула, которая не имела никакого отношения к военным знаниям. Однако не раз во время этой мирной работы приходилось браться за оружие, отбиваясь от басмачей. По завершении учебы семь человек, в том числе и Федор, были направлены в небольшой узбекский городок, в запасной полк, где они работали инструкторами по оружию до октября 1943 года.

А в октябре – маршевой ротой на фронт, который был уже в Белоруссии. Враг отступал, но сдаваться не хотел.

– Бои под Витебском были сильные, – говорит ветеран. – Почти всю зиму мы оборонялись. А летом перешли в наступление и взяли Витебск. И вот там я встретил Сабдену, который воевал уже в звании майора. И он выхлопотал меня в свой взвод

И рассказывает Федор Иванович, как они вместе с боевым другом воевали за освобождение Эстонии, Латвии, Литвы. Есть в Латвии река Вента, которая несет свои воды в Балтийское море. И есть там небольшой городок Баус, бои за который были долгими и жестокими. И погиб на латвийской земле казах Рафаил Сабдену. Не удалось экипажу вытащить своего командира из горящего танка.

– Эта горячая болванка, снаряд из немецкого танка, попала под башню нашего танка и прямо в живот командиру, перегнув его тело пополам, – рассказывает Федор Иванович, который и сам в боях за Литву был ранен.

После лечения, получив другую машину, танкист Брызгалов до конца войны был в строю.

– 6 мая 1945 года мы взяли Кенигсберг, а 8 мая получили известие, что Гитлер капитулировал. А через несколько дней узнали, что 22 июня будем участвовать в параде Победы. Из нашей бригады – два танка: мой и Михаила Михалицына.

Федор считал, что парада Победы достоин каждый воин, и смущался, что выбор пал на него. Но был доволен и заранее волновался. А вскоре Брызгалов и Михалицын со своими танками в составе Кантемировской дивизии прибыли в Москву.

– Жили мы на Красной Пресне. Подготовка к параду была ежедневной, с двенадцати ночи до пяти утра. Готовились целый месяц и ждали 22 июня. Но в этот день пошел сильный дождь.

И вот 24 июня 1945 года. Торжественно движутся танки по умытой Красной площади. Бывалые гусеницы четко и громко рапортуют мокрой брусчатке о славных своих походах. И четыре военных года, спрессовавшиеся в памяти Федора, вспыхивают сейчас яркими эпизодами потерь и побед. И сердце возмужавшего на войне юноши сжимается от боли и радости. И чувствует он, что Красная площадь тоже дышит болью и радостью.

В те торжественные минуты танкист Федор Брызгалов жил ощущением Победы, этого великого «праздника со слезами на глазах».

Потом он вернется в Германию, в свою часть. Потом откроется рана в левой ноге – и будет госпиталь в России. И учебный танковый полк. После переподготовки – снова Москва, где они получают английские танки «Валентайн». А дальше служба на Украине: Львов, Дубно, Ровно, борьба с бандеровцами. От бандеровцев пришлось охранять и сельскую раду в селе Варковичи, где в феврале 1946 года проходили выборы.

Лишь к весне 1947 года Федор Брызгалов вернется домой. И еще более сорока лет бывший механик-водитель танка проведет за рулем автомобиля.

Мирные дороги приведут его однажды в Качканар, где живет он и по сей день. В городском совете ветеранов Федора Ивановича знают как активного человека и большого жизнелюба, хотя частенько напоминают о себе три осколка в ноге, оставшиеся после ранения в Латвии. «Это память», – улыбаясь, говорит он. Святую память о войне носит ветеран и в своем сердце.

На горе Вересовой

Володя знает, что бывают обелиски вдоль дорог, стоят мемориальные сооружения в городах и селах. А этот мемориал – в глухой тайге. Зимой здесь ни тропинок, ни дорог – лишь колыхнется снежный саван под скорбные песни метелей. И гора Вересовая – словно белый курган, словно могила братская, где спокойно спят земляки.

К ним, землякам своим, отец отправился 22 июня 1987 года и взял с собой его, Володю. Из Качканара до Верх-Иса они добрались автобусом, а дальше – 25 километров – пешком. Пахло июньским разнотравьем и разноцветьем, день разгорался, а они с отцом все шли и шли, все выше и выше. Вот и гора Вересовая, вот и заветная скала-вершина с мемориальной плитой «Солдатам Каменушки, погибшим в 1941-1945 гг.».

Остановились, помолчали...

– Ну, здравствуйте! – сказал Георгий Павлович и ласково провёл ладонью по знакомым буквам. Даже металлические, они согревали. Их тепло обволакивало сердце и горячим комком застревало в горле.

Сын стоял рядом с взволнованным отцом и медленно читал фамилии. Сын понимал, что сейчас сквозь десятилетия отец разговаривает со своими земляками. Егор Бабошин, Федор Турышев, братья Алексей и Михаил Глушаевы, Алексей и Василий Умриловы, Иван и Григорий Москалевы, Петр Шардин, Петр Васьков, Петр Рублев, Ким Мочалов, Алексей Филимонов, Кирилл Коранов, Федор Ладик и Фадей Камаев, родимый брат. Многие из них были такими же молодыми, как Володя, стоящий теперь на этой святой вершине. Сможет ли он, Владимир Камаев, подняться до такой высоты духа, до какой поднялись эти семнадцать, отдавая жизнь за Родину, за солнечный нынешний день?..

Георгий Павлович глубоко вздохнул, поглядел вокруг. Сосны вплотную подошли к скале и стоят в почетном карауле.

А раньше лес на Вересовой был редкий: его вырубали на крепи для штолен и шахт, на дрова. Каменушка жила, Каменушка работала. Она была вон там, внизу. Камаевы смотрели с горы на тайгу, и младшему трудно было представить, что там когда-то кипела жизнь, а Камаев-старший словно вновь вернулся в свое детство.

...Таежный поселок в 25 домов, большинство из которых барачного типа, начальная школа с одной учительницей, пекарня, магазин, казенная баня – такой была Каменушка, жизнь которой началась лет двести назад. Теперь поселка нет – остался лишь альбомный снимок да память сердца.

Любит Владимир листать отцовский альбом со старыми любительскими фотокарточками, рассказывающими, как жил и работал старательский люд.

Вот забой. Люди с тачками. В тачках земля, которую возили к воде за два километра. А вот и река Нясьма, длинные желоба, в которых промывали землю.

Еще фотокарточки: бригада на отдыхе в балагане, старатели на заготовке дров. А под этим снимком написано: «В часы досуга» – каменушкинцы в лесу заготавливают кедровые орехи. Не совсем понятно Володе, что эта нелегкая работа считалась досугом, отдыхом. Да, таковы были будни.

А в праздники ходили отдыхать на гору – с гармошками и с бала-лайками, с песнями и плясками. Слышала Вересовая и буйное веселье старателей, и тихий шепот влюбленных, видела звонкие свадьбы.

Так и жила Каменушка. Подрастали ребятишки, бегали в школу. Леля (так в детстве звали Георгия Камаева) в школу пошел не рано, на десятом году. Учился хорошо, что подтверждают табеля успеваемости, подклеенные здесь же, в семейном альбоме. Закончил начальную школу. А в пятый класс надо было ходить на Верх-Ис, за 25 километров. И ходил, и учился. Вот и еще одна страница его жизни – табель за пятый класс. Думал закончить семилетку.

Но началась война – и все изменилось. Мужчины-старатели стали солдатами, поклонились горе Вересовой и ушли воевать. Мальчишки – школьники стали старателями, проводили солдат и пошли в забой. На них, подростков, смотрела теперь вся Каменушка. Рвались мальчишки на фронт и в сорок первом, и позднее, когда повзрослели, но их не пустили: какая же работа без мужиков?.. И они работали, как мужики, как солдаты тыла. Работали для Победы.

Ох и долгим был этот путь к Победе, усыпанный похоронками, улитый слезами вдов и солдатской кровью! Многие сгнули, не дошли. В маленькую Каменушку, где всего-то 25 дворов, не вернулось 17 человек... Но и они победители. И их имена должны знать и помнить те, кто остался жить, – сегодня, завтра, всегда. Это не столько понимал, сколько чувствовал Георгий Камаев всем нутром

своим.

Когда родилось в нем это чувство? Может быть, в суровом сорок первом, когда в самом начале войны погиб его брат Фадей? Может, в победном сорок пятом?.. Чувство это тревожило, терзало, не давало покоя, пока через годы не стало отчетливой мыслью: поставить памятник героям. С этой мыслью, как со светлой мечтой, жить стало легче, но не спокойней. Он работал, растил детей, а мечта шла рядом, даже не рядом, а впереди. Как догнать ее, как воплотить в жизнь?..

В 1950 году старательский промысел был закрыт. Каменушка постепенно опустела. И начался для Георгия Павловича Качканар. Работал Камаев в геологоразведке, изучающей месторождение; позднее, в 1956-1957 годах, строил железную дорогу на Качканар; затем – корпуса горно-обогатительного комбината, теплоэлектроцентрали. Более 20 лет проработал электросварщиком на предприятиях растущего города. А Каменушку не забывал. И светлая его мечта все была впереди и звала, манила.

И вдруг Георгий Павлович почувствовал, что прикоснулся к ней, словно к жар-птице, что она в его руках. Это случилось, когда Камаев вышел на пенсию. Уж теперь-то его свободные от работы руки не выпустят жар-птицу. Он чувствовал себя открыленным, и эта открыленность передавалась каждому, к кому Камаев шел со своей мечтой.

Он обратился в Качканарский городской совет ветеранов войны и труда – там поддержали; в Косьинском поселковом совете – тоже. Приехал в Нижнюю Туру, в военкомат – там удивились, восхитились и доверили Камаеву архивы военной поры. Терпеливо изучал их Георгий Павлович. И вот список погибших односельчан составлен. В нем семнадцать фамилий. Никто не забыт!..

Теперь оставалось главное – перенести эти фамилии с бумажного листа на каменный. Это непросто. Но нет невозможного для человека, если у него за спиной крылья. И вот в конце 1985 года устраивается пенсионер Камаев электросварщиком на завод по ремонту горного оборудования, в сталелитейный цех. Там у модельщиков и художников он между делом научился всему, чего требовала его мечта.

Потом всю зиму терпеливо и любовно вырезал из мягкой липы буквы и цифры – всего 260 штук. Аккуратно и старательно наклеивал их на деревянную основу, – буквы, словно солдаты, выстраивались ровными шеренгами, образуя фамилии. Модель готова. И снова обращается Г.П.Камаев на завод по ремонту горного оборудования, прямо к директору. Получил разрешение – и заводчане

по камаевской модели отлили дюралевую плиту.

Глянул на нее Георгий Павлович – и помрачнел: его земляки, которых всегда помнил живыми, застыли теперь в холодном металле. Постоял, помолчал. Потом ласково провел по плите ладонью и мысленно молвил: «Ну, здравствуйте!.. Теперь поедем домой».

Он еще не знал, как и на чем поедет. Но Камаеву повезло: буквально на другой день на Каменушку пошла радиозаводская машина, ехали косить сено. Там, на земле своего детства, поблагодарил Георгий Павлович водителя Виктора Гурьянова, распрощался с попутчиками и остался наедине с былым и думами.

Вот она, гора Вересовая, его вершина, его мечта. Надо втащить туда эту плиту, пробить в камне четыре отверстия, укрепить в них болты, залив бетоном; навесить и прочно, на века укрепить священную плиту. Работал два дня – с раннего утра до поздней ночи. Спал в стареньком домике, построенном когда-то сборщиками живицы.

Закончив работу, Георгий Павлович долго молча стоял перед плитой: «Вот и вернулись... Вернулись с победой!». А день был приветливый, ясный. Пели птицы, шептались деревья, пахло разнотравьем; а внизу, где-то за бывшей Каменушкой, косили сено качканарцы. Жизнь продолжалась.

Камаев взял зубило и вновь подошел к заветной скале. Рядом с мемориальной плитой – гладкий, отполированный камень. Природа сама его отшлифовала-приготовила, будто все знала наперед. На этом каменном листе, освещенном солнцем, Георгий Павлович писал зубилом так же старательно, как когда-то в тетрадке писал он школьным пером при свете керосиновой коптилки... Работал долго, высекая букву за буквой. Потом отошел подальше, посмотрел со стороны и прочитал; перефразированную им песенную строку: «Жизнь, ты помни солдат, что погибли, тебя защищая!». Она звучала как заклинание.

Было это летом 1986 года. А через год, 22 июня, Камаев пришел сюда с сыном. Пусть постоит на Вересовой, пусть словно в глаза посмотрит этим солдатам, простым кустарям-старателям, которые добывали стране благородный металл, а в грозную минуту заслонили Отчизну собой, оказавшись благородней и крепче любого металла. Пусть сердцем услышит сын их заклинание, а через годы приведет сюда своего сына...

Так стояли они на горе Вересовой и смотрели сквозь годы: Камаев-старший – вперед, в будущее, а Камаев-младший – в прошлое. Георгий Павлович думал о том, что следующим летом надо будет

высечь звезду – вот здесь, под песенной строкой; а вот здесь, чуть правее, сделать место для цветов; под плитой с фамилиями растет олений мох – красиво, но цветы тоже нужны.

А Володя ушел мыслями в 1941 год. Он старался представить маленькую таежную Каменушку и этих мужественных людей, на свидание с которыми его привел отец. И Владимир благодарен ему за эту встречу, за его светлую память. Сын знает, что ему не дано понять до конца всю глубину отцовских мыслей и чувств: меньше прожил и пережил. Но свой сегодняшний и завтрашний день он, как и отец, уже не мыслит без этих солдат с горы Вересовой.

Да иначе, наверное, и нельзя: так сейчас все в мире взаимосвязано. Об этом и в песне поется, в любимой Володиной песне:

*Друзья, я речь веду о том,
что вся Земля – наш общий дом,
наш общий дом, просторный дом,
мы все с рожденья в нем живем.
Еще о том веду я речь,
что мы наш дом должны сберечь.
Давай покажем, что не зря
на нас надеется Земля.*

Эта песня в фотоальбоме Камаева-младшего – словно эпиграф к его жизни. Тогда, в конце 80-х, в альбоме заполнялись лишь первые страницы.

С тех пор прошло почти два десятка лет. Выросли внуки Георгия Павловича, появились правнуки – семейные фотоальбомы пополнились новыми страницами.

Многое изменилось в мире с тех пор. Но неизменными остались встречи Камаева с героями-земляками. Каждое лето бывает Георгий Павлович на горе Вересовой. Придет, постоит перед плитой, ласково погладит ладонями знакомые буквы, скажет привычное: «Ну, здравствуйте!» – и потом долго беседует с земляками. И всякий раз, оставляя им свое тепло, он уносит с собой силу их духа.

– А скоро поклонюсь им в последний раз и скажу: «До свидания!» – говорит спокойно, без сожаления. – Годы-то мои уже преклонные...

Да, годы немолодые. А путь на Вересовую и далек, и долог: автобусом, а потом пешком 25 километров по тайге. Но хочется верить, что не зарастет эта таежная тропа к горе, где рядом с памятной плитой Г.П.Камаев два года назад высек в камне: «Я люблю тебя, жизнь!» В этом признаются потомкам он и его погибшие земляки.

И горько сердцу праздничной весной

То зловещим военным заревом, то мирными сполохами зарниц высвечивает память отдельные события ее большой жизни. Многого Анна Николаевна Буторина уже не помнит. Удивительно, но самое далекое, когда она была еще Нюрой Шабалиной, кажется сейчас очень близким. И родная деревня Катаевщина, что в Кырчанском районе Кировской области, и трудяги-родители; и семилетняя школа, которую Нюра закончила в 1939 году. Кое-что подсказывают и беспристрастные документы.

Первые записи в трудовой книжке сообщают, что 11 сентября 1941 года Анна Шабалина принята телефонисткой в Архангельское отделение связи Кырчанского района; 15 июня 1942 года выбыла в РККА, то есть в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. А военный билет утверждает: «Годеи к строевой; призван на действительную военную службу». И почему-то в мужском роде. Видимо, не важно, какого ты пола. Важно, что ты – солдат. «Принял присягу 30 августа 1942 года. Звание – рядовой. Разведчик зенитной артиллерии. Должность – наблюдатель».

Обнаружение и опознавание самолетов; определение высоты и дальности цели; уничтожение воздушных целей – вот задачи разведчиков зенитной артиллерии. В военной обстановке Аннушке, как разведчику-наблюдателю, очень пригодилась ее мирная профессия связиста. И в боевых условиях рядовой Шабалина многому научилась. Воевала она на Ленинградском фронте, в 42-м отдельном батальоне воздушного наблюдения, оповещения и связи. Зенитная артиллерия, где было немало девушек, защищала блокадный город.

*В темном небе сполохи зениток
Метили крестом земную твердь.
Голод тяжелее многих пыток,
Голод – это медленная смерть.*

Тысячами умирали блокадники. Погибали и защитники Ленинграда. У его стен приняли смерть и многие артиллеристы-зенитчики. Но

*Выстоял тогда великий город,
Окруженный вражеским кольцом...*

Из дальнейшего фронтового пути Анна Николаевна вспоминает только Тихвин и Кенигсберг. Видно, мудрая память оберегает женское сердце ветерана и прячет где-то в глубокой тени картины кровавых сражений и человеческих потерь, которых было немало. И были подвиги, что подтверждают награды рядового Шабалиной: медаль «За оборону Ленинграда», орден Отечественной войны, медаль «За победу над Германией». А военный билет рядового Шабалиной сообщает далее: «Уволен (демобилизован) в запас. Июль 1945 года».

И одна из самых ярких вспышек в памяти – длинный состав, в котором победители возвращались на Родину; и послевоенная ликующая Москва.

А еще у Анны Николаевны есть немеркнущие знаки отличия: « В честь 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», «67 лет прорыва блокады Ленинграда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга, 1708-2008» и другие юбилейные медали, напоминающие о ее славном боевом пути, который завершился в июле 1945 года. А в августе, как свидетельствует трудовая книжка, Нюра вернулась в Архангельское отделение связи.

И однажды на танцах встретила девушка свое кудрявое счастье – Петра Буторина. Активный, деловой, увлеченный техникой парень. У кого в селе появился первый фотоаппарат? А первый мотоцикл? А радио? Конечно, у Петра Буторина. Работал он радистом и электриком. Застенчивая скромница, спокойная по натуре Аннушка оказалась самой подходящей парой для этого энергичного красавца. Поженились и были счастливы. Работали, растили сына, которого в честь деда назвали Николаем.

На качканарской земле, куда Буторины приехали в 1962 году, их счастье удвоилось, утроилось, стало множиться. Анна Николаевна работала в «Союзпечати», Петр Романович – электриком в Главном карьере. Николай вырос и тоже пошел в Главный карьер, взрывником. Женился на прекрасной девушке Нине, и родили они троих сыновей – все по народной науке, которая гласит: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – вот это уже сын!» И счастье Буториных-старших измерялось теперь внуками. Как самые светлые мгновенья вспоминает Анна Николаевна то время, когда она, за два года до пенсии оставив работу, нянчилась с Ромой, который из-за болезни до пяти лет не мог ходить.

Подрос его брат и, хоть он на шесть лет моложе, стал надежным защитником Ромы. Не зря второго сына Буторины назвали Александром. Крепкий, спортивный, известный в городе футбо-

лист, человек высокого долга, он оказался и надежным защитником Отечества. Призванный на военную службу, Саша Буторин погиб в Чечне в тревожном 2000 году. Вот как пишет о том **Татьяна Семакина**, чьи стихи я призываю сегодня на помощь.

*Приняв тепло последнего рассвета,
Упал на землю он чужого края.
Заканчивалось солнечное лето,
Кострами рыжих листьев догорая.
С ним попрощалась горная лаванда
На склоне незнакомом и скалистом –
Рассталась качканарская команда
С красивым и успешным футболистом.
Защитника оплакала природа
Холодными сентябрьскими слезами...
И вот уже с двухтысячного года
Не спится по ночам солдатской маме.*

А вот как пишет родителям Саши командир войсковой части 29483 гвардии полковник **С.Хлопотов**:

«Уважаемые Николай Петрович и Нина Владимировна!

Примите мои соболезнования в связи с гибелью сына – Буторина Александра Николаевича, героически погибшего при выполнении боевого задания.

Ваш сын с достоинством и честью выполнил свой солдатский долг. Отважный воин не пощадил себя, пожертвовал своей юной жизнью для победы.

30 августа 2000 года, около 4.00, в предгорной зоне в районе н.п. Ачхой Мартан приняла попытку прорыва банда боевиков численностью около 80 человек. Опорный пункт 4-й мотострелковой роты находился на пути противника. Командир взвода при обнаружении противника дал команду открыть огонь из всех видов оружия. В результате боя, продолжавшегося около 1,5 часов, было уничтожено около 60 боевиков. Ваш сын, старший водитель 4-й мотострелковой роты, лично уничтожил 8 боевиков, ведя огонь из стрелкового оружия АКС-74. В ходе боя Александр был тяжело ранен, но после полученных ранений поля боя не бросил, продолжая вести огонь. От полученных ранений скончался на поле боя. Отделение, в котором был ваш сын, выполнило поставленную задачу, не допустив прорыва противника, нанеся ему максимальный урон.

За самоотверженный поступок, мужество и отвагу, а также за смелые и решительные действия, совершенные при исполне-

нии воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, представлен к государственной награде: ордену Мужества (посмертно).

Невозполнима боль утраты, невозможно оправдать горечь потери. Александр мужественно сражался против озверелых бандитов. Он всегда был впереди, своим примером увлекал сослуживцев.

Для командира нет ничего страшнее, чем гибель его подчиненного. Смерть каждого солдата – это глубокий, незаживающий шрам на сердце командира. Родительское горе безмерно, никакие слова и утешения, даже самые искренние и теплые, не смогут заглушить боль утраты. Но знайте: ваш сын был настоящим мужчиной и верным защитником Отечества, он погиб как герой, выполняя свой долг. Вы можете гордиться им, а мы будем хранить память о нем в своих сердцах».

Вот такое скорбное письмо. А какие письма сынок писал домой! Бодрые и веселые, полные нежности и любви к родным. Считал, сколько месяцев осталось служить. «Это пройдет быстро!» – словно утешал родителей, которые, как и он, ждали встречи... Вот и встретились. Вернулся Сашенька в Качканар в цинковом гробу.

Остановились у военкомата, того самого, что призывал его в армию. Потом Сашины друзья на своих руках и плечах, словно пушинку, подняли гроб на девятый этаж. Вот она, родная квартира, куда он так стремился. Ночевал дома. А потом уральская земля приняла своего достойного сына. И не знает сынок, что мама едва не лишилась жизни и рассудка, едва не ушла вслед за ним.

И тут слова мои бессильны. Скажу только, что Сашин орден Мужества Буториным вручили через четыре года, лишь после того, как Нина Владимировна обратилась по «прямой линии» к президенту Путину. Вручили в торжественной обстановке 9 Мая 2004 года, когда качканарцы вместе со всей страной праздновали День Победы. А нынче, в юбилейном году, еще одну награду вручили Анне Николаевне Буториной. Вот как об этом пишет Татьяна Семакина.

Юбилейная медаль

*Медали за участие в войне
Торжественно вручали ветеранам.
А этот случай показался мне
Особенно мучительным и странным.
Старушка принесла медаль домой,*

*Но не смогла порадовать награда:
Невыносимо было ей самой
Под тяжестью пронзительного взгляда.
Стоит с наградой рядышком портрет,
Невидимая боль сквозит из кадра.
Участница войны уж много лет
Оплакивает внука Александра.
Ее война помиловать смогла,
Зато теперь не пощадила внука.
Еще одна морщинка пролегла,
Свою черту оставила разлука.
Наполнены растерянностью дни,
Нет веры в справедливость у бабули:
Молитвы многочисленной родни
Не защитили Сашеньку от пули.
Смерть воина безликая мораль
Готова оправдать любой ценою...
Сверкает юбилейная медаль,
Но горько сердцу праздничной весною.*

Горько! Но внук ее снова в строю, и теперь уже навсегда, рядом с отважными качканарскими мальчиками, что глядят на нас сурово – фамилиями с мемориальных плит в городском парке. И он, Буторин Александр, чье имя означает: защитник.

А третьего внука Анны Николаевны зовут Дмитрий – от Деметры, греческой богини плодородия и земледелия. Наступят ли такие времена, когда миром будет править эта богиня – повелительница труда и созидания? Когда люди своими руками исцелят многострадальную Землю – и расцветет плодоносящая планета. И восторжествует мир. Наступят ли такие времена?

О мирной жизни и о мальчиках-ветеранах думала Анна Николаевна, получая юбилейную медаль за участие в Великой Отечественной войне, многие события которой она уже не помнит. Но боль утраты внука и чувство вины перед ним – в памяти сердца навсегда.

Бриллиантовые

Вот они, наши бриллиантовые: Виктор Матвеевич и Екатерина Ивановна Прокошевы. Жители Валериановска. Простые и скромные, добрые и мудрые, счастливые люди. Пообщалась с ними – и, кажется, впервые почувствовала, что семейный союз протяженностью в 60 лет не зря зовут бриллиантовым. Ведь что такое бриллиант? Это алмаз после огранки. Впрочем, алмаз и без того красив и, как самый твердый из минералов, очень высоко ценится. Мои герои поначалу тоже были алмазами.

Родились они в конце 20-х годов прошлого столетия. В ту пору на уральской земле рождалось немало таких людей-алмазов, способных не сломаться, не согнуться перед испытаниями, выпавшими на их долю.

Катя Морилова, старшая из детей, всегда чувствовала себя взрослой и по-взрослому относилась ко всем обязанностям, каких в домашнем хозяйстве было немало. В школу ходила с большим желанием. Но учиться много не пришлось: в Большом Актае была лишь начальная школа. К тому же началась война.

– Помогай маме, – сказал отец, уходя на фронт. – А уж вернусь – и поедешь учиться в Лялю.

Но не вернулся Иван Никифорович, пропал без вести. Катя поддерживала маму, помогала подрастающим братьям. Нелегко приходилось Елене Матвеевне, и в надежде на лучшее она продала корову, купила домик в Новой Ляле и перевезла туда семью. Но и в городе Кате было не до учебы. Швейная мастерская, общепит – работа, работа, работа...

Виктор тоже был старшим из четверых сыновей в семье Прокошевых. Отец работал на железной дороге; и сын свой трудовой путь начинал железнодорожником. После семилетней школы он учился в ФЗО (так тогда назывались школы фабрично-заводского обучения) – и до конца войны работал в паровозном депо. Отец, Матвей Дмитриевич, воевал в составе Уральского добровольческого танкового корпуса и погиб в 1943-м при освобождении Орла. И Анна Николаевна Прокошева осталась вдовой. Как Катина мама, как тысячи советских женщин – с детьми на руках, с кучей проблем.

После войны Прокошевы из Камышлова, где они тогда жили, переехали в Верхотурье. И Виктор снова на железной дороге – помощником машиниста паровоза. Водил составы в Серов и Куш-

ву. Работа нравилась. Привычно стучали колеса, оставляя позади километры и время, а впереди уже был год 1948-й, самый важный в судьбе Прокошева. В том году, на свадьбе друга, Виктор увидел девушку и, как бы сейчас сказали, положил глаз на нее. И не ошибся его глаз-алмаз. Один танец, один взгляд – и все! Он уверенно взял ее за талию, она доверчиво положила руку на его плечо – и он почувствовал: вот она, единственная, родная.

– Закончу учебу – приеду свататься! – заявил ей, когда танец закончился.

Катя удивилась: может, шутит? Но в голосе кавалера была такая уверенность, такая алмазная твердость, что девушка поняла: это не шутка. Расстались они так же неожиданно и быстро, как и встретились. И целый год, пока Виктор учился в Свердловске на машиниста паровоза, от него ни слуху ни духу. Лишь решительный голос да нежный взгляд – в воспоминаниях Катерины. И мысли: значит, пошутил.

А шутник, закончив учебу, и впрямь приехал в Новую Лялю – «знакомиться с тещей». Тогда никто и представить не мог, что через шесть десятков лет (зачем заглядывать так далеко?) в валериановском клубе «Горняк» будет петь и плясать бриллиантовая свадьба Прокошевых, яркая, пышная, с хлебом-солью для молодых, с океаном цветов, с торжественным бракосочетанием. А в 1949-м в Новой Ляле все было очень скромно. Пришли Виктор и Екатерина в ЗАГС вдвоем, даже свидетелей не было – и их сразу расписали. Ни торжества, ни марша Мендельсона. Но в их сердцах звучала музыка, чистая и светлая, как тот белоснежный день 15 ноября. Сыграли свадьбу; сначала в Новой Ляле, потом в доме жениха, в Верхотурье. И отправились молодожены в большую жизнь.

Время было непростое. Еще громко звучало эхо войны. Страна восстанавливала разрушенные и сожженные города и села, поднимала народное хозяйство. Но никогда уж не поднять тех, кто сложил свои головы с боях с фашистами. Светлые образы отцов навсегда остались в памяти Екатерины и Виктора, и это помогало им жить. А еще помогало эхо Победы. Были отменены хлебные карточки, стали снижаться цены, люди с надеждой смотрели в завтрашний день, хотя трудностей и проблем было еще немало.

Жизнь продолжалась. Прокошевы много лет жили на станции Лесная Волчанка, где Виктор Матвеевич работал начальником оборотного депо; потом по воле партии – в одном из колхозов Курганской области, куда они приехали уже с четырьмя детьми. С

1968 года Прокошевы в Качканаре, с 1970-го – в Валериановске.

Этот поселок и Качканарский ГОК стали надежным причалом для их семьи. Екатерина Ивановна работала в столовых комбината, Виктор Матвеевич – слесарем по ремонту экскаваторов на Западном карьере, откуда и ушел в 1982 году на пенсию. Но на заслуженном отдыхе не отдыхал, а активно работал в поселковом Совете – как депутат, как заместитель председателя поссовета, уделяя особое внимание благоустройству Валериановска. Объездная дорога, памятник погибшим землякам, централизованное тепло в среднюю школу – во всем этом инициатива и непосредственное участие В.М.Прокошева.

Сейчас об этом Виктор Матвеевич говорит с чувством исполненного долга и глубокого удовлетворения. И с теплой радостью вспоминает детский сад №7, где он, начиная с 1992 года в течение 13 лет был и жнец, и швец, и на дуде игрец: его умные руки не боятся никакой работы, а доброе сердце распахнуто навстречу детям; не зря детсадовники так любили «деда Матвейча» и до сих пор, став уже взрослыми, рады каждой встрече с ним.

Прокошевы вообще прирожденные воспитатели. Впрочем, они об этом не задумывались, просто жили достойно, являя прекрасный пример для детей. Их старшая дочь Нина Викторовна рассказывает, как бережно и нежно мама и папа относятся друг к другу и к детям, которые никогда не слышали от них грубого слова, не видели семейных сцен; как любят они внуков и правнуков; какая у них большая и дружная семья. Нина говорит о том, как она гордится своими родителями, которые никогда не падают духом, а папа, Виктор Матвеевич в течение 22 лет поет в поселковом хоре «Ветеран».

– А семья у нас всегда была большая, – говорит Екатерина Ивановна. – С нами все время жила свекровь, Анна Николаевна, добрая и щедрая женщина, которая с первой минуты приняла меня как родную дочь. Когда я пришла в их семью, Валере, младшему брату мужа, было семь лет, он тогда пошел в первый класс. И до армии Валерий тоже жил с нами.

Вспоминая прошлое, Екатерина Ивановна говорит, что в их жизни было много хорошего, светлого. Она улыбается, смотрит на мужа. Вдруг ее светлый взгляд затуманивается – и со слезами на глазах мать рассказывает о младшем сыне Юрии, который вернулся из армии и вскоре погиб: ехал на мотоцикле и, ослепленный встречной машиной, врезался в идущий впереди экскаватор.

– Думала: не вынесу, не переживу! – заканчивает она скорбный

рассказ о сыне, который всегда в памяти сердца.

В памяти Прокошевых и погибшие на войне. Однажды, много лет назад, в конце мая они с детьми и внуками и Валерий с семьей побывали в Орле, в деревне Бессоновке (от нее во время войны осталось только три дома), на братской могиле, где покоится Матвей Дмитриевич Прокошев...

Приятно было беседовать с этими светлыми людьми, было что вспомнить моим юбилярам. *«На долю вашего поколения выпали нелегкие испытания, но вы с честью прошли через все невзгоды»*, – пишет им в поздравлении глава городской администрации. А я думаю: да, только такие сильные духом люди-алмазы смогли все вынести. А испытания и невзгоды, впрочем, как и радости, и стали той жизненной огранкой, которая делает алмазы бриллиантами. Более того, из всех алмазов (желтых, синих, розовых) особенно ценится светлый, прозрачный. Именно он, ограненный в форме двух усеченных пирамид, сложенных основаниями, и есть бриллиант. Две прозрачные пирамидки, как два светлых человека, спаянных любовью. Спаянных настолько, что сравнения с ними не выдерживают даже серебро и золото... Нет, не зря семейный союз протяженностью в 60 лет зовут бриллиантовым.

Сердце их негаснущий жар

Какой-то добрый волшебник высоким мощным краном взял да и опустил в уральскую тайгу готовенький город, красивый, сияющий огнями, с асфальтированными улицами и дорогами. Наверно, именно так представляют появление Качканара многие его юные жители. Им трудно поверить, что полвека назад здесь был густой лес; на месте качканарского «моря», тоже в лесу, бежала речушка Выя; а там, где сейчас центральная площадь с «белым домом», гостиницей и с превратившимся в магазин кинотеатром – там было сплошное болото. Юным качканарцам трудно представить, что город, в котором они родились, им подарил не добрый волшебник, а обыкновенные люди, тоже юные, молодые, романтики в душе и большие трудяги. Такие, например, как Юрий и Александра Бородейко.

Исовской парнишка, выросший в семье, где было шестеро детей, Юра Бородейко уже в 14 лет начал работать и учился в вечерней школе. Был коновозчиком, киномехаником, монтером, радиомехаником. С таким солидным багажом и появился он в Качканаре и был принят электромонтером в энергохозяйство треста «Качканаррудстрой». Шел 1958 год. Тайга уже отодвинулась, потеснилась, уступая место первым улицам. Деревянные дома, порой еще не достроенные, уже обживались новоселами. Вот и Юрия поначалу поселили в одном из домов по улице Октябрьской, на втором этаже которого еще работали плотники, а на первом уже стояли кровати.

– Днем я работал электриком, а по вечерам был киномехаником в клубе «Строитель», – вспоминает Юрий Яковлевич.

В клубе показывали фильмы, работали кружки художественной самодеятельности, проводились интересные диспуты, танцевальные вечера. Уставшие после трудового дня, ребята и девчата шли в «Строитель», чтобы отдохнуть, запастись новой энергией, приобрести новых друзей, а может, и встретить свою судьбу.

Девушку, которая стала судьбой Юры, звали Александрой. Шура Дьячкова с дипломом бухгалтера приехала в Качканар весной 1959 года. Летом они познакомились, а в декабре уже сыграли свадьбу. Такую свадьбу, которую запомнила вся стройка; свадьбу, о которой сложили поэму; такую свадьбу, о которой среди зарисовок о Качканаре рассказала даже «Комсомольская правда».

– Я электрик, – говорит Юрий. – Чуть что: «Бородейко! На линию!» Беспокойная наша работа. В ночь ли, в полночь – едешь исправлять повреждения. И надо же было такому случиться в день

собственной свадьбы. Комсомольской.

Да, это была первая на качканарской земле комсомольско-молодежная свадьба. Проходила она в столовой №1 вечером 4 декабря 1959 года. И вот в назначенное время в просторном зале собрались нарядные гости.

*Плясуньи горного поселка
Смахнули изморозь с ресниц,
Надели лодочки – пощелкать
По гулким планкам половиц...
Костюмы у ребят – что надо!
И цвета крем, и цвета беж.
И остриями брючных складок
Хоть черствый хлеб ломтями режь.
А за окошком в белых вспышках
Пурга металась...*

На улице сильный мороз и бешеный ветер. А в уютной столовой гости ждут виновников торжества. И вот запорошенные снегом, будто из сказки, появились жених и невеста.

*И тамада – ладони рупором –
Кричит: «Товарищи, к столу!
Я столько градусов раскупорил!
Не пропадать же зря теплу!
Друзья! Прошу поднять бокалы,
А просьба тамады – приказ!
Чтоб им тепла всегда хватало,
Чтоб им... –
Тут яркий свет погас.*

И на полуслове был оборван тост. Почему погас свет? Что случилось?.. Позднее газета **«На стройке Качканара»** напишет: *«4 декабря ночью в сорокаградусный мороз и вьюгу на высоковольтную линию рухнули тяжелые деревья. Погасли огни в Качканаре. Начали быстро остывать батареи центрального отопления. Поселку строителей угрожала серьезная опасность»...*

– В дверном проеме появился посыльный и крикнул: «Электрики, на выход!» – вспоминает подруга невесты Любовь Сердюкова. – И молодые парни, в праздничных костюмах, белых рубашках, в черных туфельках, встали из-за столов вместе с женихом, который сказал невесте: «Скоро будем», – отправившись устранять аварию.

«Устранение аварии и ее последствий», – проинформирует далее газета, – вылилось в самоотверженную борьбу с разбушевавшейся стихией».

А уральский поэт **Николай Мережников** скажет так:

*Морозным дыханьем палило им лица,
И ветер выхватывал их из дверей,
Но сила святых комсомольских традиций
Вела их по Долгой горе...
А посередине тревожного гуда
Оледенелые ныли столбы.
И в вихрях мерцали фарфоровым чудом
Литых изоляторов белые лбы.
У хлопцев хватает упорства и силы.
С такими беда не беда.
Дорогу шлагбаумом им преградила
Сосна, оборвавшая провода.
Ремни затянув на фуфайках потуже,
Двое взбираются на столбы.
И лица палит приполярная стужа,
И рядом тайга поднялась на дыбы...
– А ну, приземляйтесь! –
С веселостью ярой
Им лица товарищи трут,
Снимают ремни с них. – И новая пара
Воюет за свет. На весу. На ветру.*

Так парами, сменяя друг друга, электрики сражались с тайгой и пургой. И победили.

*Три раза качнулся фонарик.
И, словно сигналу в ответ,
Плеснули огни Качканара
До неба ликующий свет.
И легкие, светлые блики
Упали на лица ребят,
Таких по-земному великих,
Им даже не сыщешь наград.*

Скромные награды все же были. Газета «На стройке Качканара» 15 декабря 1959 года сообщала: «*Управляющий трестом отдал приказ, в котором благодарит товарищей, с риском для здоровья и жизни боровшихся за спасение поселка. Приказом управляющего награждаются денежными премиями...*» И перечислены фамилии слесарей, слесарей-сантехников, газосварщиков, газозлектросварщиков и, конечно же, электриков, среди которых и наш жених. «*Слава героям ударной комсомольской стройки!*» – завершает информацию многотиражка. А поэт заканчивает

так:

*Но если случится, что снова
Огни золотые замрут,
Отважные парни сурово
На Долгую гору взойдут.
Взойдут – и осветит планету
Сердце их негаснущий жар...
По этому чистому свету
Узнаю тебя, Качканар!*

А что же комсомольская свадьба?.. Через несколько часов она продолжилась. Снова горел свет, играла музыка, звучали поздравления и тосты. Комитет комсомола стройки вручил молодым ключи от квартиры.

Сейчас Юрий Яковлевич и Александра Ивановна с улыбкой вспоминают, как пришли они в эту квартиру, а там грязно и холодно (отопления еще не было) – и отправились молодожены обратно, каждый в свое общежитие. Вспоминают, как позднее благоустроивали они свое жилье с удобствами во дворе, как радовались первенцу-сынишке.

А еще они рассказывают, как осенью 1960 года на ударную комсомольскую стройку высадили большой десант отслуживших солдат и моряков. Их нужно было достойно принять, обеспечить в первую очередь жильем. А жилья не хватало. И предложили «коренным» качканарцам уступить новоселам свои уже обжитые квадратные метры. Но куда идти?

– Ищите, – сказали им и указали на пятый микрорайон, где достраивались двухэтажные деревянные дома.

И Юрий с другом пошли на поиски – и заняли по двухкомнатной квартире в доме №53.

– На полу известка, в стенах торчит пакля, света нет, тепла нет, воды нет, а мы с новорожденным – хоть реви! – рассказывает Александра Ивановна. – Хорошо, что есть печка Сущевского. Топили ее круглые сутки. «Буржуйку» соорудили (хорошо, что муж электрик), детскую кроватку на кухню поставили. Пол мы отскоблили, паклю заткнули... Строители работают, электрики работают, а мы живем. Сантехнику тоже при нас делали. Словом, перед Новым годом в наших квартирах были вода, тепло и свет.

Наверное, в наши дни это покажется невероятным, но тогда «коренные» качканарцы вынужденное переселение восприняли не как что-то из ряда вон, а «надо – значит надо».

Вот так начинали качканарскую биографию Юра и Шура Боро-

дейко, которые недавно отпраздновали свой золотой юбилей. Уже полвека преданы они друг другу и городу юности. Юрий Яковлевич в 1964 году окончил строительный техникум. Работал мастером, прорабом, главным инженером. Строил завод по ремонту горного оборудования, цеха комбината, Лайский свинооткормочный комплекс и другие объекты. В последнее время был начальником строительного участка в цехе здоровья Качканарского ГОКа, где вместе с энтузиастами-спортсменами возводил горнолыжную трассу и много внимания уделял дворовым клубам.

Александра Ивановна заочно закончила в Москве Высшую профсоюзную школу, была прекрасным экономистом и три десятка лет отдала тресту «Качканаррудстрой». А на пенсию, как и муж, ушла из комбината, где работала заместителем главного бухгалтера ГОКа по налогам. Их сын, Виктор Бородейко, живет и работает в Москве, дочь Марина – в Соликамске. У золотых юбиляров четыре внуки. Вот они, одна краше другой, на большой цветной фотографии. Улыбаются красавицы — и светятся радостью глаза бабушки и дедушки.

А вот небольшие черно-белые снимки. Качканар, стройка, друзья... Разглядывают их юбиляры, вспоминают славное, героическое время – и я вижу в их глазах свет далекой юности и чувствую, что в их сердцах и сейчас горит тот негаснущий жар, о котором писал поэт.

Его друзья

В коридорах и классах вечерней школы оживленно: негромкие голоса, вопросы и восклицания, дружный смех; есть о чем поговорить после долгих летних каникул.

В 11-ом классе свои заботы: учебный год только начинается, но ведь он особенный, выпускной, и все разговоры – о предстоящих экзаменах. Несколько лет совместной учебы, общие школьные дела, успехи и неудачи, постоянная взаимовыручка сделали этот класс дружным коллективом.

Прозвенел звонок, отворилась дверь, и вошла Нина Петровна Цепелева – преподаватель математики, любимый учитель и классный руководитель. Она внимательно посмотрела на всех, улыbnувшись одними глазами, приветливо поздоровалась, разрешила сесть. Минутная тишина сменилась оживленной беседой, какая бывает после долгой разлуки с родным человеком.

– В нашем классе будет учиться Игорь Бызов, – сказала Нина Петровна. – Но школу посещать он пока не может: недавно привезли его после операции из Свердловска, и теперь он лежит дома. Ему нужна наша помощь.

Это случилось 18 ноября 1965 года. Бригада слесарей-монтажников работала на строительстве второй очереди агломерационной фабрики.

– Скоро три часа, и маленьким пора домой, – кто-то полушутливо напомнил, что рабочий день для несовершеннолетних окончен.

Игорь помнит, что он собирался домой, помнит где-то впереди огонек электросварки и, кажется, помнит чей-то крик.

...Он открыл глаза и увидел маму. Почему у нее такой взгляд? Какой вопрос застыл в нем?.. Рядом на стуле сидит отец, у кровати стоят люди в белых халатах. Все смотрят на Игоря и молча спрашивают о чем-то.

– Мама, – Игорь протянул руку и вдруг почувствовал резкую боль в спине, он стиснул зубы и закрыл глаза. – Я хотел перепрыгнуть, мама... – сказал он, словно извиняясь: чувство вины перед родителями было таким же сильным и острым, как боль в поврежденном позвоночнике. И он лежит, не зная, что сказать, не в силах пошевелиться: левая нога в гипсе, а правая, а правой ноги нет... ниже колена. Беспомощно и растерянно сын смотрит на мать.

– Ничего, Игорь! – теперь в ее глазах и на лицах окружающих он читает не вопрос, а молчаливую поддержку: «Крепись!»

И потянулись дни, и потянулись ночи. Длинные-предлинные. Они шли бесконечной вереницей, задавая совсем не простые задачи семнадцатилетнему человеку. Сколько раз за это время прожил он снова и снова свою недолгую жизнь!

...Летний солнечный день, ослепительно яркий день раннего детства. Высоко в небе летит самолет, а Игорь несется во весь дух по земле, словно надеясь догнать его; потом, прикрыв глаза ладонью, долго смотрит в чистое небо, где скрылся самолет, унося с собой его мечту. Когда и откуда явилась эта мечта, на каких прилетела крыльях, он не знает, только ничто не волновало так сердце мальчишки, как звук самолета, как его стремительный полет. Научился читать – и у школьника появились удивительные друзья: Валерий Чкалов, Анатолий Серов, Николай Гастелло, Алексей Маресьев. Они говорили: «Мечтай и верь, учись и добивайся!» И он верил, он стремился: успешно учился в школе, занимался спортом, много читал.

После девятого класса ушел из дневной школы: хотелось скорее стать взрослым и ближе к своей мечте. Послал письмо в училище и скоро получил оттуда заветные «Правила приема». Но, оказалось, и в вечерней школе не десять, а тоже одиннадцать классов. Огорчился ненадолго. Учился в школе и на курсах мотоциклистов, а работал монтажником – на высоте, поближе к небу. Окончил 10 классов, получил права водителя мотоцикла. Начинался последний школьный год...

«Вот и «слетал»... – с горькой иронией думал Игорь. – Сколько в том пролете: шестнадцать или восемнадцать метров?.. Мальчишка!» – сердце сжималось в комок, мысли исчезали, оставалось одно только чувство, горькое, обидное, страшное...

Но тут открывалась дверь, и в палату обязательно кто-нибудь входил: мама или папа, сестра или братья, товарищи по работе или ребята из класса, медицинская сестра или врач. Они будто слышали тревожное биение его сердца и приходили как раз тогда, когда одному ему становилось просто невмоготу.

Особенно тяжелы бывали ночи. Они несли светлые видения из недавнего прошлого и мрачные раздумья о будущем. «Рожденный ползать... рожденный ползать... ползать... с семнадцати лет... ужасно!»

Да, когда тебе только семнадцать и ты прикован к постели, жизнь кажется конченной, и кажется: не будет утра – ночь, беспросветная ночь... Но утро обязательно приходит.

Однажды утром, в приход которого не верилось, Игорь увидел на тумбочке небольшой пакет: фотокарточка, письмо, книга. На фотографии трое мужчин – стоят, разговаривают о чем-то. Двое незнакомых, а третий очень похож на кого-то... Неужели Маресьев?.. Откуда здесь эта фотокарточка? И письмо. Игорь быстро пробежал глазами листок, а потом стал медленно читать, жадно вникая в каждое слово. С ним, качканарским парнем-монтажником, разговаривал Герой Советского Союза Алексей Маресьев.

«Дорогой Игорь! Я случайно узнал, что тебя постигло несчастье, что ты лежишь сейчас в больнице и очень переживаешь, что твоей мечте не суждено осуществиться. Игорь! Ты уже самостоятельный человек, и я не советую так мрачно смотреть на случившееся. Ведь не обязательно всем быть летчиками, на свете много интересных профессий и дел, где ты сможешь применить свои силы. Я прекрасно понимаю, что тебе сейчас тяжело об этом думать, но только человеку со слабой волей, бесхарактерному может показаться, что выхода никакого нет. Но ты, Игорь, не такой. Рядом с тобой родные и твои друзья, которые всегда окажут необходимую поддержку. Ты найдешь в себе мужество, преодолеешь несчастье, которое тебя постигло, и снова встанешь в строй труженников. Ведь ты же советский человек, и нам не положено раскисать, в каких бы положениях мы ни оказались. Посылаю тебе книгу Б. Полевого и желаю скорейшего выздоровления».

Игорь читал еще и еще, и каждый раз эти простые слова наполнялись новым, глубоким смыслом. Он читал, а за окном вставало белое, зимнее утро, и на душе становилось светлей. Вспомнились школьные товарищи и классный руководитель Ольга Николаевна Чугунова. Игорь почему-то не сомневался, что это они рассказали Маресьеву о заветной мечте Игоря и о несчастье.

Снова посмотрел на фотокарточку, теперь он знал, что двое незнакомых мужчин – те самые мальчишки, что нашли замерзающего летчика в зимнем лесу. Потом открыл книгу и углубился в чтение. Знакомые с детства строчки воспринимались совсем по-другому: теперь Игорь читал сердцем.

Палата наполнялась молодыми голосами. Это пришли студенты энергетического техникума. С тех пор как Игорь лежит в Свердловске, они постоянно его навещают. Сначала было как-то неловко от этого шефства, а теперь он искренне рад каждой встрече с ребятами и в душе глубоко благодарен Лиде Кондратьевой: ведь это придумала она, комсомольский секретарь «Востокметаллур-

гмонтажа».

Потом пришли и ребята-востоковцы из бригады П.Н.Скрыльникова, в которой работал Игорь, рассказали про Качканар, поздравили с днем рождения и подарили часы – «в честь совершеннолетия». Приехали родители, пришли письма и открытки – в этот апрельский день было много улыбок, дружеского тепла и весеннего солнца.

Кто-то постучал. Игорь встал и открыл дверь – на пороге стояла девушка.

– Мне нужно Игоря Бызова из одиннадцатого класса.

– Это я. Проходите.

– А нам сказали...– начала было девушка и умолкла: зачем говорить человеку, что она надеялась увидеть его лежащим в постели. Но он не заметил смущения девушки, так как сам стеснялся.

Потом они сидели и говорили о школе. Девушку звали Галя Кудрявцева. Она приходила каждый день, и они брались за книги. Ученик был прилежным и старательным, а «учительница» – терпеливой и строгой.

– Все понятно? – спрашивала она. Игорь молча кивал, а проводив девушку, вновь брался за задачу и убеждался, что он многое забыл в математике. Многое непонятно, а Гале не сказал: мешало ложное самолюбие, надеялся разобраться сам. Долго сидеть не мог: болела спина. Продолжал заниматься лежа.

– Ничего не понимаю! Все забыл! Ничего не получится! – почти кричал он, с злостью бросая книгу.

На другой день приходила Галя.

– Не буду заниматься. Ни к чему все это. Ничего из меня не получится! – заявлял он, а девушка смотрела спокойно, и, перехватив ее взгляд, Игорь умолкал: становилось стыдно.

– Успокоился?.. Давай начнем.

И снова задачи, теоремы, упражнения. Так в жизнь Игоря вошел еще один друг. Однажды он рассказал Гале о том, о чем никому еще не говорил: о своем втором рождении. Оно началось с 20 июля, когда Игорь впервые после восьмимесячного лежания встал на протез и костыли. Как это, оказывается, трудно – заново учиться ходить: болят ноги, спина, болит душа, до боли сжимаются зубы. Он говорил и говорил, не боясь показаться смешным или слабым. А Галю поражала та теплота, с какою он всегда говорил о людях. Чем ближе она узнавала Игоря, тем больше убеждалась: главное в

этом парне – огромная благодарность и любовь к людям.

И вот Игорь в бригаде электрослесарей. Растерялся. Откроешь шкафы управления сепараторами – и глаза разбегаются: попробуй разберись в этом хитросплетении множества проводов, идущих в разные стороны. Помог Анатолий Михайлович Лобачев. Электрослесарь седьмого разряда, опытный рабочий, отзывчивый и чуткий человек, он оказался прекрасным учителем, не скрывающим от новичка секретов мастерства. С его помощью за короткий срок Игорь стал электрослесарем самой высокой квалификации. А в настоящее время его имя занесено на Доску почета, как победителя в соревновании «Лучший по профессии».

Теперь без этого небольшого рабочего коллектива Игорь не представляет своей жизни. Здесь все знакомо, здесь каждый – родной. Вот бригадир Галина Петровна Маврина – знающий свое дело специалист, принципиальный товарищ и чуткий руководитель. Вот Алла Борисовна Борисевич – пример добросовестности и ответственности. Если работу выполняла Алла Борисовна, то можно не проверять: тут все в порядке. Г.С.Новоселов и И.П.Стариков – ветераны войны и труда, Простые и по-отцовски внимательные, они учат молодежь и добрым словом, и живым делом. Владик Шестериков. Он пришел сюда после армии и сначала тоже испугался многочисленных проводов, а теперь работает по шестому разряду. Недавно пришел в коллектив Николай Семенов – веселый, общительный парень. А больше всего Игорь благодарен энергетикам отделения Ф.А.Янбердину, который тепло встретил его, когда он пришел в этот коллектив, который всегда поддерживает его морально и оказывает практическую помощь в работе.

Когда Игорь говорит о своем коллективе, в глазах его столько света, а в голосе столько теплоты, что становится ясно: здесь – источник его силы, здесь его рабочее счастье.

На обогатительной фабрике Бызова знают как активного члена комсомольского бюро, как начальника штаба «Комсомольского прожектора». Здесь, рядом с друзьями, вырос он как общественник, здесь стал коммунистом. Коммунист И. Бызов – депутат горсовета.

До предела наполнен каждый день его жизни. А вечером Игорь занимается домашними делами, спешит в детсад за двухлетней дочкой. Потом они с Аленкой читают сказки и ждут с работы маму: сегодня Галя придет не рано.

...Тихо в квартире. Галя укладывает Аленку спать, а Игорь сидит над книгами: он заканчивает пятый курс Свердловского горного института. Волнистая прядь упала на лоб, на лице спокойная улыбка.

Верность

С утра у ней все валялось из рук, а сердце сжималось в какой-то безотчетной тревоге. Едва на базе орс начался рабочий день, Полину пригласила заведующая. Говорили о чем-то незначительном, и от этого становилось еще тревожней.

– А как сегодня работает ваш муж? – вопрос был задан словно мимоходом, невзначай.

– Да из ночи прийти должен, – тоже мимоходом ответила Полина и словно спохватилась: – Что-то случилось?..

– Посидите тут, – заведующая бессмысленно перебирала какие-то бумаги на столе. – Посидите. Сейчас придут из железнодорожного цеха. У них там какая-то авария...

– Он живой? – Полина вдруг отчетливо поняла причину своей тревоги и выжидаяще смотрела на вошедшую в кабинет Лиду Шестакову. – Он живой?..

– Несчастье, Полина. Володе ноги отрезало...

– Обе?..

Больше она ничего не помнит, Сколько минут длился обморок? Кто помогал ей? Да и кто теперь поможет, если в жизни и в сердце оборвалось что-то и померк свет...

В хирургическом отделении ей сделали укол, и Полина успокоилась, даже окаменела. Словно во сне, шла она по длинному коридору.

– К Пшеницыну жена пришла... Жена пришла к Пшеницыну, – в сдержанном шепоте, как и во взглядах больных, – сочувствие, тревога, любопытство.

Вот и десятая палата. Неужели это он, ее Володя, под капельницей и кислородом, такой беспомощный, с отсутствующим взглядом? В первые минуты Полина его не узнала. А Володя узнал и виновато улыбнулся ей глазами. Чувство вины перед женой было настолько сильным, что порой заглушало боль, хотя в том, что с ним случилось, он не был виноват.

А произошло это на станции Агломерационная в ночь с 10 на 11 января 1973 года. Состав с вагонами МПС подавали под погрузку готовой продукции. Он, составитель поездов Владимир Пшеницын, стоял на подножке. Да разве устоишь, если машинист превысил скорость – состав врезался в груженные хопры и полезли вагон на вагон...

Раздался такой грохот, что услышали в цехе окатышей. Прибежали. И вот уже мастер Лева Трифонов склоняется над Володей:

– Чем помочь?

– Шапка слетела. Достань. Да мешков бумажных подложи мне под голову, – говорит спокойно, не жалуясь на боль, а сам лежит, истекающий кровью, примерзший к переехавшему его вагону: мороз-то далеко за сорок!

Приехала «скорая», а жгучий мороз и жгучее железо крепко держат травмированного. Левую ногу пришлось ампутировать прямо здесь, под ночным январским небом. А потом была операция в больнице...

И когда после операции Володя открыл глаза, он увидел мужчину в белом халате.

– Ты меня узнаешь? – спросил тот.

– Да.

– А где ты меня видел?

– Там, под вагоном.

– Но ты же был тогда без сознания.

– Нет. Все помню.

Хирург Валерий Всеволодович Васильев глубоко вздохнул, и в этом вздохе Володя уловил удивление врача, его сдержанную радость. И надежду.

Как нужна была им эта надежда!

– Он будет жить? – в тревоге спрашивала Полина.

– Возможно, – отвечал хирург. – У него очень крепкое сердце. Должен жить!

Они еще не представляли, какой нележкой окажется их дальнейшая жизнь, сколько невероятной силы она потребует от них.

Эта сила нужна была при каждом их свидании: одному – чтобы скрыть от жены физическую боль и душевное смятение; другой – чтобы не расплакаться от сострадания и непоправимого горя, чтобы не расстроить мужа.

Сила нужна была, чтобы ежеминутно спорить с самим собой, убеждать себя, искать какой-то внутренний стержень. Чтобы спорить с людьми – и такое приходилось.

– Говорят, твой-то умер, – скажет кто-нибудь из самых «чутких».

– Неправда! – кричит Полина, а сама тут же с разрешения заведующей бежит в больницу, не чуя под собою ног. Вбежит в палату, себя не помня, остановится, как вкопанная, и глазам своим не верит. Потом, обессиленная, опускается на стул.

– Что с тобой?

– Да мне сказали...

Немало говорили ей такого, чего она ни за что не повторила бы мужу.

– Не бери ты его из больницы. Зачем такая обуза? Тебе о детях думать надо. А его – в дом инвалидов: ведь на то они и существуют, дома эти...

Что ответить такому «мудрому» советчику? Он все равно ничего не поймет, потому что со своей колокольни смотрит. И не видит, что душа твоя кровью истекает, как Володя в ту морозную ночь.

И силы иссякают. Сколько же их надо-то! Работа, домашнее хозяйство, сыновья-школьники, больница и боль, боль, боль... Голова кругом идет, сердце останавливается. И такая усталость! Присесть бы, отдохнуть, забыться хоть на единый миг.

И она присела на бугорок. Снег был мягким. Мысли – тоже. Она вдруг поняла, что не нужны ей ни муж, ни дети, ни жизнь – забыться, замерзнуть, умереть! Её это не испугало. Мысли путались, таяли и совсем исчезли.

– Вы, наверное, из больницы идете, от мужа? – трясла ее за плечо какая-то женщина. – Вставайте, идемте, я помогу... И не спорьте! Вижу, вижу, чего вы надумали, – бросьте! Вам жить надо. У вас дети! У вас муж в беде! Жить надо... Ну, чего ты раскисла?..

Невольно подчиняясь этой строгой, энергичной женщине, Полина сделала шаг, другой... Почувствовала, что возвращаются силы, и заспешила домой, к детям. Кто она и где теперь та женщина? Поклониться бы ей в ноги, сказать спасибо!

«Что же это я? Как же это я? – упрекала и стыдила себя Полина. – Ведь ему во сто раз трудней. А что, если и он... Ведь и у мужчин бывают минуты слабости». Становилось страшно, и она опять бежала в больницу, чтобы убедиться, что Володя жив.

Ее приход всегда радовал. А оставаясь один, Володя не мог совладать с собой, с мрачными мыслями, чувством безысходности. Особенно тяжелы были ночи. Во сне он видел себя здоровым и ловким и все куда-то бежал. И сон тоже бежал от него, оставляя больному тяжкие раздумья.

Володя чувствовал себя виноватым перед Полиной, которая мечется, страдает, разрывается. Ведь дома столько дел (они жили в поселке), а он какой теперь работник, какой хозяин? Обуза... Зачем он ей нужен? Может, правду говорят, что Полина оформляет на него документы в дом инвалидов? Может, так действительно лучше? Его душа тоже металась, страдала, рвалась. Порою он даже жалел, что остался жив. Кому теперь нужен?..

Время показало, что нужен.

Когда случилась трагедия, 70 человек с комбината пришли в больницу, чтобы дать ему свою кровь, – взяли у тридцати пяти. Его навещали товарищи по работе, подбадривали, желали скорейшего выздоровления. Весь город верил в него и говорил: «Все будет хорошо, Володя!» Именно так называлась небольшая, но очень нужная ему заметка, опубликованная тогда в «Качканарском рабочем».

Коллектив железнодорожного цеха поддерживал морально и материально. Два раза в тот трудный период было выделено денежное пособие. А когда врач В.В.Васильев сказал, что Володя теперь не сможет жить в своем индивидуальном доме, Пшеницыным дали благоустроенную трехкомнатную квартиру. Володя еще лечился, а железнодорожники уже делали там капитальный ремонт.

Такое внимание начальника цеха А.А.Мазуренко, председателя цехкома А.И.Лебедкина, рабочего коллектива согревало. И в то же время было неловко, что он доставляет им столько хлопот. Убивало сознание того, что теперь ему нужны няньки.

Особенно остро он это почувствовал, когда выписался из больницы. Был май. Люди копаются в огородах, хлопчут по хозяйству, а он ничего не может! Непривычно, дико! Зачем жить, если себе и то в тягость? Опять возвращались знакомые мысли и было страшно оставаться с ними наедине. И было страшно Полине оставлять мужа одного.

Выручила мама, переехавшая к ним из Каменска-Уральского. Полина перешла вахтером в ЖКО: работать по 12 часов удобней – больше находишься дома, где за всеми нужен постоянный догляд.

Нелегко было начинать новую жизнь. Пообедать – непросто, встать с постели – трудная задача, принять ванну – целая проблема. Следующий этап – три месяца в протезном стационаре. Но заново ходить Володя так и не научился: слишком коротко отрезаны ноги, и протезы не подчиняются, а лишь травмируют. Так вот и стоят они в бездействии, новые, красивые. А Володю больше устраивает простая низенькая тележка.

Есть у него и «Запорожец» с ручным управлением. Водить его он учился на специальной учебно-курсовой базе, созданной для инвалидов при облсобесе. Доставил его туда Николай Топорков, которому в ЖДЦ выписали командировку, – домчал на такси до самого Свердловска.

Комбинат и железнодорожники всегда рядом, словно Пшени-

цын и не уходил из цеха. Ему доплачивают к пенсии до среднего заработка. Помогают копать огород, привозят торф, делают в квартире текущий ремонт. Ежегодно весной и осенью по бесплатным путевкам лечится Володя в профилактории «Зеленый Мыс». Трижды они с Полиной ездили отдыхать в Кошкуль, куда добирались своим ходом, на «Запорожце». Не забывают Владимира. Главврач больницы В.В.Васильев в любую минуту готов прийти на помощь. Знакомые и соседи всегда находят доброе слово.

Огорчает Пшенициных лишь один человек – тот самый машинист локомотива, который в ту трагическую ночь превысил скорость. Тогда он даже не подошел к пострадавшему, не навещал его и в больнице. Ни разу не пришел к Полине – не для того, чтобы извиниться или помочь, а хотя бы посочувствовать ей в горе, сказать что-то человеческое. Прошло 12 лет, а он по-прежнему словно не замечает Володю, с которым живет в одном доме. Что это: муки совести или черствость души?

Размышлять об этом Пшеницыным особо-то некогда. Жизнь идет. Сыновья выросли. Юра служит в армии. Недавно родители отправили ему посылку и поздравления с Днем пограничника. Осенью ждут его домой. А у Жени уже растет Димка – забавный кудряш, который очень любит играть и бороться с дедом.

Сыновья вступают в самостоятельную жизнь. Думается, проживут они ее правильно, достойно. Ведь в годы своего взросления мальчишки видели в семье, в родителях каждодневный подвиг души человеческой. Отец и мать дали им прекрасный урок любви и доброты. Урок верности, которая прошла испытание страданием и болью, испытание временем.

Что помогло им выстоять?

Полина Дмитриевна считает: Володино мужество. Он не раскис, не озлобился, как иные инвалиды, которые в своем несчастье готовы винить целый свет и ищут утешение в рюмке. Володя не опустил и душу свою сохранил неискалеченной.

Владимир Васильевич считает: спасла его жена, Полина, ее нежное и верное сердце.

А оба они убеждены: им помогли люди. Помогла и помогает страна. Каждый день они чувствуют ее заботу и щедрость.

1985 год

Я - рыбачка, ты - рыбак

Так могла бы она пропеть своему мужу. Ее, Людмилу Михайловну, проработавшую на обогатительной фабрике 28 лет, многие знают на комбинате. Четверть века отдал Качканарскому ГОКу и он, Николай Константинович.

Сейчас пенсионеры Борисовы – «то на суше, то на море». «Суша» – это участок в шестом саду. Он щедро дарит им овощи и фрукты, зелень и, конечно, цветы. А «море» – наше, качканарское. Правда, оно не всегда бывает щедрым. Но ведь и рыбацкое счастье не всегда измеряется уловом – важен сам процесс. Как же получилось, что Борисовы увлеклись этим процессом?

– Да как? – говорит Людмила Михайловна. – Был бы у нас свой дом – шевелились бы и без рыбалки хватило бы «увлечений». А в городской квартире маршрут один: от стола к телевизору.

И решили они свой маршрут разнообразить. Еще до пенсии и сад завели, и на рыбалку по выходным стали ездить. Да, сначала ездить. На своей машине. Вместе с сыном Ильей. И не на море, а на реку Ис, на Нясьму, в поселки Шуркино и Маломальский. Понравилось. Стали рыбачить и на море. А когда подошел заслуженный отдых, то лучшего отдыха, чем с удочкой, Борисовы и представить не могли. Так что теперь они рыбаки с большим стажем. Даже подледным ловом занимаются уже десять лет.

Людмила Михайловна вспоминает первую зимнюю рыбалку. Было это в феврале 2000 года. Нет у них ни валенок, ни ватников. Есть только охота, которая, как известно, пуще неволи. И вот экипировались, как смогли; ледобур, бывший в употреблении, позаимствовали – и на «море», занесенное снегом.

– Я выдержала только час, – признается рыбачка. – А муж и сын еще остались.

Вспоминает, как потом учил ее сын. Какие нужны удочки, какие мормышки, как малинку надевать; оказалось, что зимняя рыбалка – это целая наука. И она постигала ее заинтересованно и терпеливо. Сегодня Борисовы во всеоружии: современные удочки, запас мормышек, два новых ледобура; палатки, сшитые из плотной ткани и сахарных мешков; деревянные ящики (как вместилища для снастей и как сиденья) и уж, конечно, теплое обмундирование.

– Нынче зима морозная – лунка быстро замерзает. Да в сильные морозы и не пойдешь на рыбалку. И когда ветер северный, там

тоже делать нечего: не клюет, – рассказывает Людмила Михайловна. – Сейчас глухозимье: найдешь окунька – и то хорошо...

Найдешь? Удивительным показалось мне это слово. Оказывается, и впрямь надо искать. А окуньки-то под толстым льдом прячутся – как их найдешь?

– Если минут двадцать не клюет – идешь на другое место, другую лунку буришь, – объясняет грамотная рыбачка. – И дело не в везении, не в удаче. Нынче уловы бедные. А года два назад рыба всю зиму клевала, и нашего улова всем хватало: и детям, и даже соседям. А теперь...

Людмила Михайловна сокрушается. Не по поводу своего малого улова – возмущают ее браконьеры.

– Говорят: не клюет, потому что рыба сытая. Может, это и так: ведь несколько лет назад в пруд планктон запустили. Но и сытая рыба может исчезнуть, если с ней обращаться жестоко. Разве не жестоко – ловить сетями, и даже во время нереста?.. Раньше во время нереста рыбы бабы даже белье в речке не полоскали. А сейчас?.. Весной, перед самым нерестом ставят сети на другой стороне пруда. Потом богатым уловом наполняют большие мешки и утречком на лодках с бесшумными моторами плывут на этот берег, где их в районе лодочной станции уже ждут две-три машины. И вот пять-шесть мужиков загружают машины мешками с браконьерским уловом... Все, кто это видел (и не раз!), возмущаются. А браконьеры уверены в своей безнаказанности.

И если так вот – из года в год, то откуда же взяться приплоду в качканарском «море»? Нет, не станут икринки мальками. К тому же, по словам Людмилы Михайловны, чтобы малек стал рыбой, требуется лет пять. Она вспоминает, какими крупными и жирными выросли рипус и пелядь, запущенные в свое время в наше водохранилище. И как много было этой прекрасной рыбы, которую успешно ловили любители и летом, и зимой.

– А какое удовольствие доставлял подледный лов! Рыбаков-рипусятников было очень много. Строили из снега заслоны от ветра, и в те годы на льду в районе плотины вырастал настоящий снежный городок.

Рыбачка вспоминает ту прекрасную пору, и я понимаю, что ловля рипуса сродни искусству. Оказывается, чтобы поймать эту глубинную рыбу, нужна длинная леска, метров пятнадцать-семнадцать, и несколько крючков на ней. И, конечно же, терпение и умение.

– А потом браконьеры стали каждую зиму вычерпывать рыбу сетями. И где теперь рипус? Где пелядь?..

С тревогой и болью говорит на эту тему Людмила Михайловна. Зато с каким удовольствием рассказывает о рыбацком азарте, о забавных случаях во время летней рыбалки на реках. Много нового узнала я из беседы с этой уникальной женщиной.

– Стала ставить жерлицу, – говорит она.

Оказывается, есть такая снасть для ловли щук и других хищных рыб. И есть еще щурогайки. Это небольшие щучки. А совсем маленьких, длинных и тоненьких щучек зовут карандашами. Да, интересна и увлекательна эта стихия, которая манит рыбаков и летом, и зимой. И если зимним утром не очень холодно, спешит наша героиня на пруд, чтоб пробурить заветную лунку и с азартом рыбака ждать подледной удачи. Рыбачит и без мужа, который порой из-за двух-трех рыбок не хочет идти, а во время зимней Олимпиады просиживал не у лунки, а у телевизора.

– А в морозы мы в шахматы пластаемся до сердечной и головной боли, – говорит Людмила Михайловна.

Увлекаются Борисовы и икебаной. На стенах в комнате и спальне, в кухне и коридоре – сделанные ими интересные цветочные композиции. Книги – тоже их страсть.

– Люблю приключенческую литературу, – признается Людмила Михайловна. – А сейчас перечитываю Булгакова.

Уютна и гостеприимна квартира этих добрых и дружных людей. «Ты на суше, я на море – мы не встретимся никак», – это не о них, не о Борисовых. Они встретились и не расстаются.

А встреча состоялась в школе, с четвертого класса учились вместе. Росли-подрастали, и к восемнадцати годам детская дружба-привязанность тоже выросла в большое и светлое чувство. Даже во время разлуки (Николай – в армию, Людмила – на работу) они душою были вместе. А уж когда вернулся из армии, взялись за руки – и в ЗАГС. Было это в декабре 1968 года в поселке Бобровка. Куда теперь? Где начинать семейную жизнь? Поехали в Свердловск. Хотели отправиться куда-нибудь по оргнабору. И тут им сказали про Качканар, который в том году только что приобрел статус города и был на подъеме.

– Мы по чемодану в руки – и вперед! – рассказывает Людмила Михайловна.

С тех пор они в городе юности и связали свою судьбу с комбинатом, показав особую преданность обогатительной фабрике, где 28 лет проработала моя рассказчица. Там же работают ее дочь Ирина с мужем Иваном Шишовым и его братьями Алексеем и Александром. На обогащении работал и Илья Борисов с женой

Ириной. К сожалению, Илья трагически погиб в автомобильном столкновении. Второй год уже кровоточат родительские раны. Горе – безутешное, хотя растут и радуют внуки; помогают на время забыться домашние хлопоты, любимые увлечения и, конечно, рыбалка.

Наступает весна. Скоро лед станет тонким, зазвенят ручьи. И откроется отдохнувшая за зиму «суша» и властно позовет к себе садоводов Борисовых. Половодье нынче ожидается бурным. Пусть же оно унесет с собой тревоги и недуги моих героев. Пускай весна придаст им новых сил. И пусть будут у них новые успехи и на «суше», и на «море»!

Знания приходят лишь при готовности духа

– Для нас многое в ней – тайна, хотя нет человека более открытого.

Так несколько лет назад сказала Лариса Станиславовна Сергеева, завуч школы имени К.Н.Новикова. Это – о Татьяне Ивановне Гусевой.

Она вошла в класс – и школьники замерли в радостном ожидании. С самой первой встречи они почувствовали и открытость, и таинственность этого учителя, так непохожего на других. А в следующую минуту уже забыли, что идет урок: это была встреча друзей, интересный, доверительный разговор, это было прикосновение к прекрасному. И ребятам захотелось войти в этот мир, за таинственной дверью которого – они чувствовали – их ждет много открытий.

Дети не ошиблись. Каждый урок литературы вводил их далеко, за рамки школьной программы, в тот удивительный мир, где великие живописцы создавали свои полотна, а композиторы – классическую музыку; где были поэзия и научно-популярная литература, журнальные и газетные сообщения и просто занимательные и поучительные истории. Увлеченно, активно работали ребята и на уроках, и на занятиях литературного кружка. Открывая новое, они открывали и себя, учились верить в свои возможности, как верила в них Татьяна Ивановна, которую они боготворили.

– Нас, ее коллег, поражает мощная концентрация духовности в одном человеке, способность открыть душу детям, – говорила тогда Лариса Станиславовна. – Дети платят ей безграничной любовью. Ее увлечения трудно перечислить: играет в волейбол за сборную школы, переплывает качканарское «море», зимой купается в проруби; Татьяна Ивановна пишет стихи, посещает все концерты классической музыки, любит молодежный театр «Эдельвейс», всегда знает о новинках литературы, и, наконец, она страстный садовод-огородник.

Все, кому посчастливилось работать рядом с Т.И.Гусевой, отмечали ее трудолюбие, добросовестность и честность. А еще коллег поражал вселенский масштаб мышления этой земной женщины,

которая во всем ищет глубинный смысл и умеет связать вечность с проблемами сегодняшнего дня.

Энциклопедические знания и свою большую душу несла Татьяна Ивановна и на родительские собрания. Там не было ни сетований, ни претензий. Это были интересные встречи, на которых взрослые делали много открытий о детях своих и о себе, о своих родительских возможностях. Уходили вдохновленные и просвещенные, потому что на каждом собрании Татьяна Ивановна несла им новые знания, расширяющие кругозор, повышающие культуру. Папы и мамы были счастливы, что у их детей такой замечательный классный руководитель.

А в чем ее секрет как классного руководителя и как учителя? В большой любви к детям.. Об этом говорить и писать можно много. Скажу лишь об одном, сразившем меня наповал. Это стихи, сотни стихов, которые учительница посвятила своим воспитанникам – буквально каждому, по разным поводам: будничным и праздничным, торжественным – теплые поздравления и пожелания. Любовь, добро, красота – этому учила она своим словом и делом, готовя души ребят к новым открытиям, к радостному восприятию знаний. «Дети, давайте не будем делать гадости для радости. Нельзя жить по принципу: я, мне, для меня». Она учила жить для других, нести людям любовь, добро, красоту.

*Пусть будет в человеке доброта,
Пусть в каждом будет уваженье к людям.
А десять школьных лет – ступенька та:
Сойдешь легко, а сердце не забудет.*

Уйдя из школы в начале пенсионного возраста, Татьяна Ивановна унесла ее в своем сердце и по-прежнему остается мудрым учителем, просветителем. Теперь ее просветительским центром стал клуб «Альтернатива». Качканарцы хорошо знают это низенькое здание по соседству с Дворцом культуры. Кстати, свои лекции Т.И.Гусева начинала читать во Дворце. Но очень скоро ее спросили: «Вы нам не платите?» Ну что тут поделаешь, если наш Дворец в новых экономических условиях все больше ратует на культуру торговли! И не оказалось иной альтернативы, кроме этого технического клуба, давно уже прописавшегося в здании бывшей котельной.

И вот уже много лет, начиная с октября, в третье воскресенье каждого месяца спешат к Татьяне Ивановне ее благодарные слушатели. И открывается перед ними огромный мир! Сонеты Шекспира и притчи Расула Гамзатова; Андрей Дементьев и Белла Ахмадулина; давно известные и любимые Высоцкий и Евтушенко

и недавно возвращенный читателям Борис Чичибабин, с его непростой судьбой. Художники Врубель и Леонардо да Винчи, Репин и Куинджи, Суриков и Шишкин, Кустодиев и Айвазовский. Игорь Моисеев и его ансамбль танца. Святые Сергей Радонежский и Серафим Саровский. Мать Тереза. Особый сказ – о матерях, о материнской любви, о высоком предназначении женщины-матери. Добро и зло. Недовольство и радость. Психическая энергия и здоровье. Психология счастья. Кармические условия создания счастливой семьи. Богата и разнообразна тематика лекций. Слушают лектора завороженно. Секрет прост: глубокие знания и умение владеть аудиторией. Еще в советские времена, когда существовало Всесоюзное общество «Знание», Татьяна Ивановна, как активный его член, часто выступала на предприятиях и в организациях города. С одинаковым интересом слушали ее и инженеры, и простые трудяги. И даже в ЛТП! Даже у людей, загубленных «зеленым змием», загорались глаза, «и прорастали лица грозно у безликих на лице» – пациенты внимательно слушали стихи Есенина и вели с Татьяной Ивановной серьезный разговор о жизни и людях, о человеческих слабостях и возможностях.

Так же горят глаза и активной работает мысль у нынешних слушателей Т.Гусевой. «Каждый, кто пришел к нам, – говорит она, – должен уйти с радостным открытием». А открытый за много лет сделано немало. Кто есть человек? Кто мы и откуда родом? Как рождалась Русская земля? Как жили и во что верили наши предки? От Руси ведической к современной России и всему человечеству ведет Татьяна Ивановна своих слушателей.

А начинала с Николая Рериха, своего кумира и Учителя. Ему, живописцу, театральному художнику, археологу, путешественнику и писателю, были посвящены ее первые лекции. Потом – его сыновьям: философу и востоковеду Юрию и живописцу Святославу.

Великий гуманист Николай Константинович Рерих святым оплотом человечества считал культуру и мир. «Мы должны каждый посильно, каждый в своем поле, вносить их в окружающую жизнь как самое нужное, неотложное», – писал он. Ныне на планете уже немало людей, которые, как и Рерих, убеждены, что наша жизнь и бытие должны основываться на красоте. Создана Международная ассоциация «Мир через культуру!». Активно работает Уральское отделение этой организации. Ежегодно в августе проходят научно-практические конференции, которые очень интересны Татьяне Гусевой.

В школах начался новый учебный год. У Татьяны Ивановны – тоже. И вновь ведет она своих слушателей дорогами высокой духовности и красоты.

А по утрам спешит на стадион, где уже третий год под ее руководством работает клуб «Радость». В понедельник и четверг – оздоровительная гимнастика, вторник и пятница – бассейн, среда – волейбол во Дворце спорта. И, конечно, ходьба или бег трусцой, а зимой коньки и лыжи – по увлеченности и возможностям каждого. Говорю о возможностях, ибо люди в клубе в основном немолодые. Но с каждым занятием они все больше верят в свои силы. Ведь каждый понедельник уже с разминки настраивает их на добрый лад. Как речевку, в такт шагам дружно и громко скандируют: «Я желаю всем счастья! Мы любим весь мир! Мир любит нас!» Повторяют много раз – и настроение повышается, личные проблемы отступают, приходит ощущение радости движения, радости жизни. И хочется быть в ладу с собой и со всем миром. В клубе царит атмосфера доброты, взаимопонимания, радости. Не случайно клуб постоянно растет – и численно, и физически, и духовно. Обогашает людей уже само общение с Татьяной Ивановной.

- Как хорошо, что она у нас есть!
- Спокойная, выдержанная, красивая. И всегда с доброй улыбкой.
- Такая умница, так много знает!
- Но не зазнается. Простая, доступная, понятная.
- И в то же время особенная, необыкновенная, загадочная...
- И откуда берутся такие люди?..

Давайте попытаемся ответить на этот вопрос. И обратимся к детству, поскольку человек начинается с детства.

Детство Тани Фарафоновой прошло в Кирове. Училась она в школе №22, одной из лучших в городе. Бывшая Мариинская гимназия, при которой была церковь, теперь честно служила советским детям. Просторные церковные помещения стали спортивным залом. Спортом в школе были увлечены все. Таня занималась гимнастикой, коньками и успешно выступала в соревнованиях за «Динамо».

Школа своим фасадом выходила на большую Театральную площадь. Справа – драматический театр, слева – художественный музей. Такое благоприятное соседство! И Таня рано приобщилась к миру искусства. Посреди площади был большой сквер с фонтаном. Рядом с драмтеатром – эстрада, где по вечерам играл духовой оркестр. Далее Дом политпросвещения, а за сквером, напротив школы – Дом Союзов. В Доме политпросвещения Таня любила бывать особенно в дни выборов, которые походили на праздники. Можно было полакомиться сладким и посмотреть интересный концерт в переполненном зале.

А еще она любила детский театр «Аполло». Он находился неда-

леко от Театральной площади, в саду, который тоже назывался «Аполло». Там было много развлечений, игровых комнат. А зимой дорожки сада заливались – и по ним не ходили, а катались на коньках. Мы уже знаем, что Татьяна любила коньки, любила спорт. Да и как его не любить, если учительница физкультуры Валентина Сорочко играла на рояле, если этот рояль стоял в школьном спортивном зале и если каждый урок физкультуры начинался под музыку.

Как не любить школу, в которой работали замечательные педагоги! Татьяна Ивановна увлекалась математикой и до сих пор помнит все формулы только потому, что была в ее жизни Олимпиада Михайловна. А Агнесса Михайловна научила заглядывать в прошлое, анализировать его и привила глубокий интерес к живописи: почти каждый урок истории сопровождали репродукции картин художников. Училась Татьяна с интересом, ей все хотелось знать, до всего докопаться. Дома она зачитывалась энциклопедией, еще дореволюционного издания, в 38 томах, которые были в семье Фараоновых.

«Знания приходят лишь при готовности духа». Тогда она еще не знала этого мудрого высказывания Рериха. Но уже тогда ее дух был готов к познанию.

А сила духа шла от семьи. Папа, Иван Иванович, офицер МВД, убежденный трезвенник, хорошо играл на гитаре и пел. Он был также талантливым фотографом, даже сам изобрел фотоаппарат. Мама, Александра Михайловна, работница художественного музея, была большая мастерица. Детей родители учили всему, что умели сами, и рано приобщили к музыке. Особой строгости, вспоминает Татьяна Ивановна, не было, но безделья не допускали. Если ничем не занят, руки свободны, значит, должен читать. Дети (три сестры и брат) росли любознательными, трудолюбивыми, занимались в кружках и спортивных секциях, во всем помогали дома.

Жили Фараоновы в скромном деревянном доме в два этажа, настолько скромном, что окна первого этажа были на уровне земли. Но двенадцать семей, населяющие этот приземистый дом, не были приземленными. Это были светлые и щедрые люди, которых не омрачало коммунальное жилье. Доброта, дружба, взаимовыручка объединяли и взрослых, и детей. Собирали книги и создавали общую библиотеку, назначали библиотекаря. Вместе делали утреннюю зарядку. Умели умножить радость соседей и разделить их горе. И праздновали вместе, без роскоши, но весело, с выдум-

кой и достойно.

А достоинству Татьяна училась в первую очередь у своих родителей, спокойных, добрых, мудрых. У них никогда не было размолвок – в семье царил любовь.

И Татьяна любила свою семью, свой коммунальный дом, свою школу и родной город, гордилась своей Родиной. Впрочем, чувство гордости за свою страну было тогда общим, всенародным. Вспоминает, как 12 апреля 1961 года ликовали все советские люди. А они, 10 «а» класс Кировской школы №22, дружно сбежали с уроков на почту, чтобы отправить телеграмму Советскому правительству и выразить свою радость и гордость по поводу космического полета Юрия Гагарина.

Вот так росла простая девочка, познавая радость открытий и роскошь человеческого общения. С этим багажом и вышла она в большую жизнь. А жизнь начиналась прямо за школьным порогом, где Татьяну уже ждала работа. Сначала – сборщицей на заводе закрытого типа, выпускающем приборы для самолетостроения; потом в городе Зуевке – учителем физкультуры, затем истории, русского языка и литературы. Работала и училась заочно в Кировском педагогическом институте.

В Качканар Татьяна Ивановна приехала в 1973 году – с десятилетним педагогическим опытом, с дочками: десятилетней Наташей и годовалой Улей. И город юности приобрел Учителя с большой буквы, которому вскоре было доверено руководить методической секцией учителей русского языка и литературы. Уже давно позади бытовые трудности первых качканарских лет. Сейчас у Татьяны Ивановны и Виктора Алексеевича трехкомнатная квартира. Старшая дочь Наташа живет и работает в Москве, а Уля – в Германии. Вместе с Ульяной Татьяна Ивановна побывала в Германии и Австрии, в о Франции и Чехии, на Мальдивах. Сын мужа Дмитрий живет и работает в Качканаре. У Гусевых четверо общих внуков, встречи с которыми – это обоюдная радость и духовное обогащение. Весной и летом Татьяна Ивановна и Виктор Алексеевич с удовольствием работают в саду. Квартира их – под стать хозяевам: добрая и приветливая, скромная и красивая. И, конечно, умная. Главное богатство в ней – картины (их более двадцати) и домашняя библиотека, в которой более тысячи книг.

Давайте зайдём в кабинет Татьяны Ивановны. Шкафы и полки с книгами. Литература художественная, научная, учебная. Пятьдесят больших красочных альбомов из серии «Великие художники», папки с лекционными материалами, тетради и ежедневники с запи-

сями и пометками, газетные и журнальные вырезки – да чего только нет! С портретов смотрят на нас Ахматова, Пушкин и, конечно, Рерих. На противоположной стене – портрет Елены Ивановны, жены и сподвижника Николая Константиновича Рериха. А также картины Рериха с удивительным сочетанием красок, которые, признается Татьяна Ивановна, действуют на нее умиротворяющее. У окна – рабочий стол, а на нем верный помощник компьютер с интернетом – источником новых знаний.

Здесь Татьяна Ивановна работает и учится, каждый день узнает новое и делает открытия. «Потрясена, насколько интересно жить!» – признается она. Это ощущение полноты жизни она несет людям – на стадион ли идет, или с новой лекцией в одну из комнат «Альтернативы». Идет к людям, помня заветы матери Терезы: «Умейте делиться счастьем! Побуждайте в людях хорошее!» Идет к людям с мыслями о своем великом Учителе Николае Рерихе, который мечтал о том, чтобы люди настолько наполнили свою жизнь чувством прекрасного, что из нее совершенно исчезло бы все безобразное, и люди постоянно жили бы энтузиазмом Красоты.

Татьяна Ивановна Гусева несет людям знания, красоту, культуру – бескорыстно, бесплатно, с удовольствием. В этом видит свое высокое предназначение простая, открытая миру и все же таинственная женщина.

История продолжается

Фундамент – бутобетонный, кладка – шлакоблочная, чердачные перекрытия – деревянные, кровля – металлическая... Вот такой скромный одноэтажный дом. Памятником архитектуры не является. Но его стены бережно хранят качканарскую память.

Как же получилось, что это здание, рожденное в 1961 году для пятого строительного управления, через сорок лет стало музеем? Воля истории? Судьба? Или желание качканарцев? И то, и другое, и третье. Да где же и находиться музею, если не у самых истоков Качканара? Ведь здесь начиналась биография города юности.

Именно здесь тайга встретила юных романтиков – и лес расступился перед ними, освобождая место для брезентовых палаток. В палаточном городке было все необходимое. Столовая под навесом, похожая на покосный стан: длинные дощатые столы, такие же длинные скамейки. Большая печь, настоящая, русская – прямо под открытым небом. От палаток тянулись деревянные тротуары. Новенькие, они отливали желтизной и, словно лучи солнца, сходились вместе у танцевальной площадки, которая сверкала своей деревянной белизной на зеленом травянистом поле. По вечерам здесь играла гармошка, звучали песни и в танцах кружились пары.

И сейчас, через много лет, когда лес стал парком, здесь тоже стоят палатки, белые, бетонные – как память о трудовом подвиге первостроителей. И невысокая тумба, говорящая потомкам, что 27 мая 1957 года на этом месте начинался город Качканар. И танцевальная площадка в парке есть, но уже не деревянная; есть и эстрада. В парке многолюдно, особенно по праздникам. Деревянные тротуары давно сменили асфальтовые дорожки. По одной из них, самой широкой, в праздники и в будни идут качканарцы к заветному месту. Там, где раньше на постаменте возвышался бюст Ленина, теперь находится мемориал, увековечивший память качканарских мальчишек, погибших в Афганистане и Чечне. Неподалеку – военная техника как напоминание о войнах в наши мирные дни.

Время вносит поправки. Поправлялось, ремонтировалось, но осталось внешне неизменным примыкающее к парку большое полукруглое, в виде ангара, здание. На заре Качканара в этом вместительном помещении строителям показывали кинофильмы. А в 1963-м тут же, поблизости, качканарцы построили настоящий

кинотеатр «Юность» – красивый, просторный, с двумя зрительными залами. То было прекрасное время, когда высоко ценились духовность и культура. Ныне оба зрительных зала поглотил торговый центр «Кировский», предлагающий качканарцам пищу для желудка, которая ценится тоже дорого.

Но давайте покинем этот огромный пищеблок и вернемся в наш парк. Послушные светофору, перейдем по «зебре» улицу и окажемся на площади перед зданием городской администрации. Одетая недавно в мелкую плитку, площадь стала почти что красной. Ее венчает стройная стела с орденом Трудового Красного Знамени, которым награждена комсомольская организация Качканара за строительство города и горно-обогатительного комбината. В первые качканарские годы, без этого современного здания, площадь была еще больше – не площадь, а стадион, отделенный от проезжей части невысокой кирпичной стеной. В зимнее время здесь был хороший каток! Нет, не случайно административное здание выросло на этой площади, рядом с парком, где когда-то под сенью вековой тайги в летний зной и зимнюю стужу, в бытовом неуюте и дерзновенных мечтах Качканар начинал свою биографию, свою историю, свидетелем и участником которой был этот скромный одноэтажный дом, на фасаде которого написано: «Качканарский историко-краеведческий музей».

Решение о его создании было принято исполкомом городского Совета народных депутатов 1 декабря 1991 года. А 8 октября 1992 года состоялось официальное открытие нашего музея как филиала Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. В этом статусе существовал он без малого девять лет, а с 1 июня 2001 года стал структурным подразделением городского Центра досуга. И с тех пор его работа заметно оживилась. Большой интерес вызывает зал, где представлен животный и растительный мир нашего края. Никогда не пустует и выставочный зал. А в зале боевой славы проводятся уроки мужества, дни памяти, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и воинами-интернационалистами. Но главный зал музея – «Из истории города Качканара».

*Вьется легкая к дому тропинка,
И встречает со скрипом крыльцо.
Вся история в строгих картинках
И ее молодое лицо.*

Восторженно воспевают музей Людмила Андреева. Но экспонаты, эти «строгие картинка», к сожалению, пока еще очень слабо

представляют славную историю Качканара, который начинался как Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Качканарский музей. Салютуют года.

Ты открытая книга тайги и труда.

Качканарская летопись в сердце твоём.

Мы к тебе, стар и млад, за советом идем.

К сожалению, в этой «открытой книге тайги и труда» недостает еще многих страниц. А они ведь существуют, они написаны вдохновенным трудом строителей и горняков. И надо искать эти страницы, искать, пока еще живо героическое поколение, подарившее нам этот светлый город. Искать и постоянно пополнять «открытую книгу». Чтобы стар и млад, и особенно млад, чувствовал себя причастным к истории Качканара и был готов продолжать его летопись.

А летопись продолжается. Каждый день музей чувствует могучее дыхание Качканарского горно-обогатительного комбината: ведь ГОК начинается рядом. Буквально через дорогу от музея – рудовозный круг. Постоянно слышит музей мирные взрывы в карьерах и видит, как на дробильную фабрику по рельсам везут железную руду. И следует она дальше по отлаженной цепочке, сквозь воду и огонь, пока не станет агломератом и окатышами – качественной продукцией, так необходимой уральским металлургам.

Комбинат работает. Город живет. История продолжается.

Содержание

Здравствуй, Солдат!	5
Мальчик с улицы Удельной	
Виктор Григорьевич Илясов.....	10
Несущая способность его души	
Геннадий Германович Глой.....	15
Березка	
Валентина Алексеевна Горшунова.....	21
Алешкино детство	
Алексей Иванович Башкиров.....	25
Войной израненное детство	
Раиса Ивановна Ременец.....	40
Поезд шел на запад	
Нина Александровна Литингмей.....	45
В пятнадцать лет он стал сыном полка	
Юрий Антонович Щепанковский.....	49
Девочка из прифронтового села	
Клавдия Степановна Селезнева.....	57
Светлая река его жизни	
Василий Васильевич Туруев.....	64
Ах, Семеновна!	
Галина Семеновна Жирнова.....	71
Вдовый век бабы Нади	
Надежда Дмитриевна Мамаева.....	78
В городе, войною затемненном	
Александра Герасимовна Пастухова.....	85
Был тыл войною трудовой	
Нина Ивановна Рождественская.....	92
Четыре времени года	
Галина Андреевна Соколова.....	104
Он защищал Сталинград	
Вениамин Николаевич Коптелов.....	109
Красноармеец Шулепова	
Анастасия Евдокимовна Шулепова.....	112

Шашины	
<i>Анатолий и Валентина Шашины.....</i>	119
Поезд шел на восток	
<i>Анц и Евдокия Алласте.....</i>	125
Пал смертью храбрых в боях за Ригу	
<i>Иван Николаевич Романов.....</i>	130
А если и погибну, краснеть за меня не будешь	
<i>Степан Алексеевич Иванов и его семья.....</i>	135
Пропавший без вести	
<i>Николай Артемович Бусыгин.....</i>	141
Узница № 246	
<i>Лидия Николаевна Дубинина.....</i>	147
Любовь, которая жила с верой и надеждой	
<i>Любовь Николаевна Токарева.....</i>	153
От Москвы до парада Победы	
<i>Федор Иванович Брызгалов.....</i>	158
На горе Вересовой	
<i>Георгий Павлович Камаев.....</i>	162
И горько сердцу праздничной весной	
<i>Анна Николаевна Буторина.....</i>	167
Бриллиантовые	
<i>Виктор и Екатерина Прокошевы.....</i>	172
Сердце их негаснущий жар	
<i>Юрий и Александра Бородейко.....</i>	176
Его друзья	
<i>Игорь Геннадьевич Бызов.....</i>	181
Верность	
<i>Владимир и Полина Пшеницыны.....</i>	186
Я - рыбачка, ты - рыбак	
<i>Николай и Людмила Борисовы.....</i>	191
Знания приходят лишь при готовности духа	
<i>Татьяна Ивановна Гусева.....</i>	195
История продолжается.....	202

Галина Краснопевцева

Оригинал макет подготовили в ООО «Скиф»

Редактор-составитель: Г.П. КРАСНОПЕВЦЕВА

Формат 105x148,5. Тираж 100 экз. Заказ № 845

Отпечатано в типографии ООО «Скиф».

Свердловская область, г. Качканар, ул. Тургенева, 1, тел.: 6-18-91